

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 8 (74).№1

**Симферополь
2022**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8(74), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издвался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 12.04.2022 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталия Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Гершен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Копоратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кривоца Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тупкина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлевог Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 12.04.2022. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/491. Тираж 25 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 20.02.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94(485)

МАРКУС ВАЛЛЕНБЕРГ-СТАРШИЙ. КАРЬЕРА И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ШВЕДСКОГО ФИНАНСИСТА

Гехт А. Б.

*Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: a.geht@yandex.ru*

Рассматривается выдающаяся фигура шведского промышленника и банкира Маркуса Валленберга-старшего в судьбе Швеции в целом, и финансово-промышленной группы Валленбергов в частности. Деятельность шведского финансиста рассматривается с момента создания проекта по освоению залежей железной руды и управления концерном по производству пневматических машин до участия Маркуса как в политической жизни страны, так и в деятельности Шведской королевской академии наук. Уделяется особое внимание работе банка семьи Валленберг по реализации инфраструктурных проектов на территории Норвегии и влиянию шведско-норвежских отношений на успех «Стокгольмс Эншильда Банкен». Как отмечается в статье, Маркус Валленберг-старший был менее яркой личностью, чем иные представители рода, однако смог запомниться шведскому обществу своим отношением к сфере трудовых отношений. Завершается рассмотрение личности М. Валленберг-старшего и его фигуры в управлении семейным делом серединой 1930-х гг., когда Маркус постепенно переходил в статус церемониальной главы империи Валленбергов.

Ключевые слова: семейство Валленбергов, Маркус Валленберг, Швеция, экономика, банковское дело, финансово-промышленная группа.

Родившийся в 1864 г. Маркус Валленберг был вторым по старшинству ребёнком во втором браке видного промышленника и финансиста Андре Оскара Валленберга [15], основателя знаменитого «Стокгольмс Эншильда Банкен» [3, с. 2583–2589]. К 1886 г. молодой человек, в соответствии с примерами отца и старшего брата Кнута Агатона [2, с. 2300–2307], стал военно-морским унтер-офицером, а в 1888 г. получил степень магистра юриспруденции в старейшем в Швеции Упсальском университете [15]. Непродолжительное время Маркус практиковался в различных областях юриспруденции – к примеру, он успел поработать судьёй в провинциях Сконе и Блекинге на юге Швеции [21, s. 575], и, впоследствии, настаивал на упоминании его поста перед именем, предавая этому большое значение.

В отличие от своего старшего брата, еще при жизни отца ставшего его правой рукой, Маркусу пришлось делать непростой выбор между двумя путями развития своей жизни – либо оставаться на поприще юридической практики, в которой, как считал он сам, ему способствовала удача [16, p. 118.], либо заниматься семейным делом. Итоговое решение было принято на рубеже 1889–1890 гг., и летом 1890 г. женившийся к этому времени Маркус Валленберг стал официальным юридическим

представителем «Стокгольмс Эншильда банкен» [20]. Сложно сказать, планировал ли К. А. Валленберг, к этому времени возглавивший семейное предприятие, в процессе интеграции своих родственников в систему управления банком постепенное выдавливание из совета директоров «Стокгольмс Эншильда банкен» людей, не входивших в его семью. Так или иначе, но вхождение младших братьев в высшее руководство банком активизировало этот процесс и способствовало значительному укреплению семейных позиций в самом сердца их бизнеса. В 1892 г. работавший ещё в одной команде с А. О. Валленбергом видный шведский финансист Г. Летстрём был вынужден уйти на пенсию, уступив свой пост финансового директора другу и коллеге Маркуса Валленберга Теодору Фрёландеру [20]. Тем самым непререкаемым главой «Стокгольмс Эншильда банкен» остался К. А. Валленберг, активно опиравшийся в своей деятельности на своего младшего брата. К этому времени семейный банк (в совокупности Валленберги контролировали порядка трети всех голосов в совете директоров [1, с. 53–61]) стал крупнейшей финансовой организацией в шведской столице и одним из ведущих банков в целом в королевстве.

Пожалуй, первым заметным начинанием, в реализации которого принял деятельное участие Маркус Валленберг, стал проект освоения богатых железных рудой залежей на севере Швеции – в граничащей с соседней Финляндией провинции Лапландия.

Необходимо пояснить, что с улучшением основных методов производства стали с одной стороны, и по мере роста интенсивности индустриализации в западноевропейских странах, особенно в Германии, перед Швецией замаячили новые заманчивые перспективы продажи железной и медной руды. Однако рудные залежи, представленные в южных и центральных областях королевства, которые были вовлечены в активную экономическую эксплуатацию ещё в период средних веков, ко второй половине XIX столетия были в той или иной степени исчерпаны. Но при этом в стране оставались обширные и преимущественно неосвоенные рудные месторождения в удалённых северных районах страны, поскольку ранее в их эксплуатации фактически не было экономического смысла.

Большие расстояния в сотни километров подразумевали соответствующие инвестиции в железные дороги к расположенному на побережье Ботнического залива городу Лулео или же западнее, к североатлантическому побережью Норвегии, где крупнейшими портами являлись Тромсё и Нарвик. Найти заинтересованных в подобном начинании инвесторов в Швеции было бы сложно не только из-за размеров планируемых вложений, но еще и потому, что многие шведские финансисты были заинтересованы в традиционных местах добычи руды в центральных районах Швеции и не хотели спровоцировать изменения привычных условий экспорта шведской железной руды в европейские государства. Например, как отмечает видный шведский историк Ульф Ульссон, в стране даже существовало сильное лобби, пытавшееся через парламент ввести тарифы на экспорт руды, дабы воспрепятствовать дальнейшему освоению железорудных месторождений в Лапландии [16, р. 194].

Тем не менее, экономическая перспективность этого региона была очевидна. Ещё в 1860-е гг. английские инвесторы предпринимали первые попытки разработки залежей около городка Елливаре, однако только в 1888 г. первые поезда, груженные лапландским железом, добытом «Компанией Елливаре» (шв. Gallivarebolaget) отправились в порт Лулео. Как отмечает У. Ульссон [16, p. 195], этот факт даже вызвал опасения Маркуса Валленберга, описавшего в своём письме старшему брату опасения касательно возможного ухудшения положения подконтрольного их семье промышленного производства в городе Хуфош (в России широко распространено неверное написание и произношение этого названия как «Хофорс»). Однако Кнут Агатон рассматривал сложившуюся ситуацию под другим углом и видел в лапландских месторождениях выгодное направление для развития семейного бизнеса.

В скором времени он купил права на добычу железорудных месторождений и начал финансово поддерживать компанию, инвестировавшую средства в развитие шахт в окрестностях города Кируна. Так в 1890 г. была основана компания «Luossavare-Kirunavaara Aktiebolag», более известная как «ЛКАВ», четвертью активов которой владел сам К. А. Валленберг [23, s. 60]. Тогда же он настоял на покупке «Стокгольмс Эншильда банкен» компании «Железорудные месторождения Елливаре» (шв. AB Gallivare Malmfalt), полагая, что она станет своего рода центром, позволяющим контролировать все интересы банка в новой для него сфере. Компаньонами банка стали также владельцы железной дороги между Елливаре и Лулео, что отвечало интересам шведского правительства, также приобретшего часть акций нового предприятия [16, p. 196].

Подобные проекты редко начинают приносить прибыль в короткие сроки, и руководство «Стокгольмс Эншильда банкен» отдавало себе отчёт в том, что потребуются длительный период, прежде чем поставки железа на европейский рынок окупят себя. Примечательно, что через достаточно короткое время, в 1893 г., К. А. Валленберг продал большую часть принадлежавших лично ему акций «ЛКАВ» Густаву Брумсу, управляющему директору «Компании Елливаре»: банкир решил, что его временные и материальные затраты, связанные со скорой прокладкой железной дороги к Кируне, слишком велики [16, p. 196]. Тем не менее, «Стокгольмс Эншильда банкен» оставался вовлечён в развитие новой железорудной области.

Так, продолжалось планомерное использование иностранных средств, предоставленных в 1891 г. давними французскими партнёрами семьи Валленберг из банка «Crédit Lyonnais»: французский кредит пошёл на развитие железной дороги, связывавшей Елливаре и Лулео [20]. Используя факт наличия финансового участия «Crédit Lyonnais» в совместном проекте, Кнут Агатон в тот же период времени активно продвигал в высших эшелонах власти идею строительства железной дороги, которая связала бы Лапландию с норвежской областью Офотен. Учитывая, что к середине 1890-х гг. шведско-норвежская уния уже вошла в стадию нарастающего кризиса, подобное начинание было безусловно непростым. После поездки по планируемому маршруту новой железной дороги К. А. Валленберг в

письме Маркусу в следующих выражениях описывал свои мысли и впечатления: «Будем надеяться, что теперь мы сможем с помощью наших совместных усилий и упорства преодолеть эту укоренившуюся глупость и таким образом, удостовериться, что каждый из нас может продолжить свою работу по колонизации и цивилизации ради блага и нас, и страны» [16, р. 197]. Имея в виду активное участие К. А. Валленберга в реализации различных начинаний в транспортной, социальной и культурных сферах, можно предположить, что им вполне могли двигать не только сугубо деловые мотивы, но и представления об обустройстве наименее развитых районов как Норвегии, так и самой Швеции.

Наконец, осенью 1896 г. проект был одобрен правительствами обеих стран, и братья Валленберги приступили к его воплощению. Однако реализация и этого замысла была бы невозможна без привлечения иностранного капитала. Как и в случае с железной дорогой между Елливаре и Лулео, значительная часть средств – порядка половины – была предоставлена французской стороной, «Banque de Paris», с которым братьям Валленберг после длительных консультаций удалось достичь договорённости в начале 1900 г. [9, р. 144–152].

Однако само по себе согласие французских партнёров принимать участие в финансировании железнодорожного строительства не означало немедленного решения возникавших противоречий с правительством Швеции: свою роль играли и прогерманские настроения шведской политической элиты, не желавшей столкнуться с возможной негативной реакцией со стороны Германии на возрастание роли французского капитала в экономике скандинавского полуострова, и лоббизм со стороны владельцев предприятий, занимавшихся экспортом руды из центральных регионов Швеции. Не желал терять свои позиции и Г. Брумс. Серьёзно задолжав «Стокгольмс Эншильда банкен», он рассчитывал ослабить братьев Валленберг, заручившись поддержкой немецкой фирмы из города Любека «L. Possehl & Co.», заинтересованной в поставках руды из Скандинавии для роста объёмов литья чугуна [19].

При содействии «L. Possehl & Co.», собиравшейся расширять своё влияние на растущем рынке Германии, Г. Брумс получил финансирование со стороны «Norddeutsche Bank». Пока Кнут Агатон использовал свои связи в высших эшелонах власти, Маркус Валленберг перешёл в тактическое наступление. В обмен на акции «LКАВ», передающие «Стокгольмс Эншильда банкен» контроль над предприятием (в том числе под контроль банка вернулись и недавно проданные К. А. Валленбергом ценные бумаги) Г. Брумс получал в долг дополнительные средства, но утрачивал фактическое руководство над спорными фирмами [16, р. 204].

Конечно, вся сложившаяся в результате достаточно сложных и многоплановых действий ситуация не могла остаться вне интереса со стороны шведской прессы. Газетчики охотно рассуждали о неосвоенных богатствах на севере, которые считались весьма важными для будущего не только для северной Швеции, но и для всей страны. В результате конфликт между братьями Валленберг и Г. Брумсом, получивший журналистское название «рудный кризис 1901 г.», стал не только

обсуждаться на страницах крупных газет, но и приобретать дополнительную остроту за счёт вовлечения прессы в отстаивание той или иной позиции: к примеру, имевшая широкую аудиторию «Афтонбладет» писала о Густаве Брумсе как о «жертве, затравленной до смерти» [11] крупными капиталистами и ростовщиками в лице К. А. Валленберга, а крупнейшая гётеборгская газета настолько увлеклась созданием положительного образа оппонента Валленбергов, что пришла к его следующей характеристике: «Настоящий северный патриот, полный идеями о светлом будущем шведского Дикого Запада, которые теперь стали возможными» [12].

Конечно, подобное положение вещей совершенно не устраивало братьев Валленберг: потеря престижа едва не обернулась для К. А. Валленберга проигрышем на выборах в городской совет Стокгольма, да и в целом любое негативное упоминание их фамилии грозило негативными последствиями для репутации и банка в частности, и семейного бизнеса в целом. В свою очередь, уязвлённый и глубоко оскорблённый лично Кнут Агатон подал иск к «Афтонбладет» с обвинениями в клевете, а Маркус воспользовался имевшимися в его распоряжении связями со стокгольмскими газетами «Афэшведен» и «Стокгольмс тиднинген» и добился публикации серии статей в поддержку позиции владельцев «Стокгольмс Эншильда банкен».

Противоречия между братьями Валленберг и Г. Брумсом привлекли к себе внимание шведского правительства, которое с переменной активностью вникало в перипетии этого вопроса на протяжении следующих полутора лет. В конечном итоге сложившаяся ситуация преимущественно разрешилась в пользу Валленбергов: в значительной мере на их стороне оказалась негативная реакция шведских властей на попытки Г. Брумса привлечь к переговорам о разработке рудных залежей американских и британских магнатов – в первую очередь, представителей миллиардера Джона Пирпонта Моргана [16, р. 211]. Желая сохранить месторождения и транспортные коммуникации под контролем отечественных капиталистов, шведские власти предоставили возможность «Стокгольмс Эншильда банкен» с выгодой для себя завершить этот непростой и насыщенный событиями период, обернувшийся для его владельцев коммерческими, репутационными и личными трудностями.

В рассматриваемый период не менее важным направлением деятельности банка семьи Валленберг стала реализация масштабных инфраструктурных объектов на территории Норвегии, в тот период находившейся в процессе расторжения унии со Швецией. Объединённые общей королевской династией с 1814 г., единой внешней политикой и постоянным военным союзом, Швеция и Норвегия на протяжении XIX в. фактически мало сблизилась друг с другом. Как справедливо отмечал видный отечественный историк-скандинавист А. С. Кан, «Швеция сильно обгоняла Норвегию по развитию промышленности и сельского хозяйства, по численности населения; Норвегия же отличалась гораздо большей демократичностью общественной структуры и государственного строя. Экономически обе страны до проникновения шведских монополий в Норвегию на рубеже XIX–XX вв. были мало

заинтересованы друг в друге; их издавна разделяли естественные преграды; исторически и культурно Норвегия была по-прежнему больше связана с Данией, чем со Швецией.» [5, с. 392].

В конечном итоге, накопившиеся разногласия привели к мирному расторжению унии по итогам плебисцита 1905 г. [6, с. 219]. Так Норвегия впервые за несколько столетий обрела независимость. Однако если Швеция столкнулась лишь с ущемлением национального самолюбия и некоторым ослаблением своих военно-политических позиций, то Норвегии предстояло выстроить полноценный экономический фундамент своей национальной государственности. Закономерно, что в подобных условиях небольшая, промышленно малоразвитая и небогатая страна оказывалась в серьёзной зависимости от зарубежных инвестиций.

Так, к 1909 г. из 295 млн крон, помещенных в норвежские промышленные предприятия, 114 млн крон, или почти 39 %, принадлежало иностранцам. В отдельных отраслях промышленности удельный вес иностранного капитала, главным образом британского и шведского, был еще более ощутим. В электрохимических предприятиях он составил 85 %, в горной промышленности – 80 % [4, с. 319]. Именно эти новые отрасли промышленности – химическая и электрохимическая, цветная и электрометаллургия, и, в особенности, гидроэнергетика, быстрее остальных сфер развивались в Норвегии, и, в результате, в 1900-х гг. впервые в Европе началось промышленное использование гидроэлектроэнергии в крупных масштабах. Ведь именно эта небольшая скандинавская страна, обладавшая весьма скудными привычными природными ресурсами, обладала крайне важным в новых экономических условиях преимуществом – обилием рек и водопадов, обещающих в случае их эффективного использования значительные объёмы гидроэлектроэнергии.

Однако в самой Норвегии не было достаточного объёма капиталов, необходимых для начала эксплуатации этих природных источников энергии. Естественно, иностранные инвесторы, готовые к участию в многообещающих с инвестиционной точки зрения проектах, не заставили себя долго ждать. Особенно активно в развитии молодой норвежской электропромышленности участвовал банк семьи Валленберг, принявшей действенное участие в развитии одного из крупнейших норвежских концернов «Норшк гидро» (норв. Norsk Hydro), основанного 2 декабря 1905 г. [2, с. 2300–2307].

Первым и крупнейшим центром предприятия стал расположенный вблизи горных массивов маленький город Рёкан в провинции Телемарк на юго-востоке страны. Само название городка объясняет причины такого стечения обстоятельств: вблизи Рёкана находится знаменитый водопад Рьюканфоссен (норв. Rjukanfossen), высота которого составляет 104 м. Из-за высоты падения и большого объёма реки, Рьюканфоссен мог использоваться в качестве источника энергии [13, s. 136].

Идея использования водопада Рьюканфоссен принадлежала проработавшему долгое время в Германии норвежскому инженеру и предпринимателю Самуэлю Эйде (норв. Samuel Eyde), непосредственному основателю компании «Норшк гидро» и вдохновителю развития этой энергетической сферы. В 1903 г. С. Эйде и

его шведский деловой партнёр Кнут Тиллберг (норв. Knut Tillberg) вошли во взаимодействие с братьями Валленберг, стремясь добиться их участия в финансировании задуманного строительства [18, р. 20–24].

Естественно, подобный объём иностранных капиталовложений не мог не привлекать внимания со стороны норвежских политических сил. Растущий контроль частного иностранного – в случае с «Норшк гидро» шведского и французского капитала (к лету 1905 г. в результате поездки в Париж на переговоры Маркусу Валленбергу, активно занимавшемуся участием в семейного банка в норвежской промышленности, удалось привлечь к сотрудничеству крупный «Banque de Paris et des Pays-Bas» [18, р. 217]) – над естественными богатствами страны вызывал большую обеспокоенность в обществе и политических кругах.

В результате, в 1906 г., под давлением политической оппозиции, в молодом королевстве был принят временный закон о концессиях для иностранцев на строительство крупных плотин – т. н. «панический закон», фактически преграждавший путь иностранному капиталу к сооружению электростанций, поскольку он вводил временный запрет на приобретение иностранцами норвежских водоёмов и других природных ресурсов. Конечно, подобное решение не могло носить длительного характера и служило своего рода кратковременной передышкой, необходимой для выработки полноценного законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу.

Затянувшееся политическое противостояние завершилось лишь к 1909 г., когда норвежским парламентом всё-таки был принят ряд радикальных законов о концессиях. Прежний запрет отменялся, но новые законы утвердили принцип правительственного согласия (концессии) на приобретение водопадов и рудников, а отчасти и лесов частными лицами. Концессии были сделаны срочными (60–80 лет), и норвежское политическое руководство оставило за собой право безвозмездного возврата всех сооружений по истечении этого срока [7, с. 110–111]. Собственно, именно эти аспекты норвежского законодательства объясняют тот факт, что «Норшк гидро», в кратчайшие сроки ставший крупнейшим в своей отрасли европейским концерном, и в наши дни находится под контролем со стороны норвежского правительства, владеющего контрольным пакетом акций этой крупнейшей в стране промышленной корпорации [10].

Но, в то же самое время, норвежское законодательство никак не препятствовало иностранным инвесторам в случае их участия в финансировании различных проектов без обладания контрольным пакетом акций предприятия. Поэтому сотрудничество «Стокгольмс Эншильда банкен» с предприятием С. Эйде продолжалось и после принятия законов 1909 г. Однако не стоит преувеличивать роль, которую семья Валленберг играла в работе «Норшк гидро». Если изначально она выступала как второй по величине (после «Banque de Paris et des Pays-Bas») участник финансирования предприятия, то уже осенью 1906 г. их позиции заняли третье место за счёт присоединения к проекту немецких инвесторов. Тем не менее, Маркус Валленберг оставался членом совета директоров «Норшк гидро» вплоть до своей смерти в 1943 г., принимая активное участие в развитии и функционировании

быстро крепнувшей фирмы: к примеру, в 1906 и 1907 гг. соответственно началось строительство ГЭС в маленьких городах Тисседал и Вамма в провинциях Хордаланд и Эстфолл [18]. Сохранялось и тесное сотрудничество М. Валленберга со С. Эйде, который наравне с коммерческой деятельностью со временем стал членом норвежского парламента и позже занял пост посланника королевства в США.

Отметим, что к началу XX в. произошли важные изменения в развитии шведской экономики. Так, начиная с 1880-х гг. появились совершенно другие отрасли промышленности: они специализировались на одном продукте или группе продуктов. В некоторых случаях речь шла об уже основанных компаниях, которые изменили или сузили область своей деятельности, но чаще речь шла о новых предприятиях. Производившаяся продукция часто была настолько специализированной, что ее сбыт на шведском рынке был недостаточен для успешного ведения бизнеса в условиях небольшой численности населения, обладавшего при этом невысокой покупательской способностью. Поэтому изначально многие шведские промышленные компании начинали ориентироваться на экспорт.

Ранние и масштабные инвестиции в экспортные отрасли закономерно привели к значительной потребности в финансировании – новые компании нуждались в контактах, которые могли бы содействовать поиску потребителей в других странах. Обладавшее обширными деловыми и личными контактами с финансово-промышленными кругами западноевропейских стран руководство «Стокгольмс Эншилда банкен» могло обеспечить и то, и другое: после того как в посткризисные 80–90-е гг. XIX в. финансы банка не только стабилизировались, но и значительно увеличились, у семьи Валленберг появились ресурсы для активного участия в развитии новых компаний [20]. В то время как Кнут Агатон наиболее посвятил себя деятельности банка и сделкам с облигациями, Маркус занимался, прежде всего, вопросами промышленности. Отметим, что при этом братья Валленберг предпочитали не количество клиентов, а степень возможной успешности начинания, тщательно изучая поступающие к ним запросы. В результате, в 1913 г. более двух третей кредитов приходилось на всего тридцать крупных клиентов банка [14, s. 192–193].

Формально способность банков участвовать в деятельности новых компаний была крайне ограничена шведским законодательством; только в 1911 г. закон о банках разрешил крупным банкам приобретать акции. Однако и до введения этого закона при известной изворотливости банки могли обойти подобные ограничения. Братья Валленберги неоднократно предлагали друзьям и деловым партнерам создавать консорциумы, чтобы совместно приступить к тому или иному начинанию. Банк Валленбергов предоставлял средства членам консорциума в обмен на безопасность приобретённых акций [9, p. 152–154]. Изучая проблематику вовлечённости семьи Валленберг в различные деловые проекты, трудно избежать аналогий с всеохватностью финансовых интересов иных современных

американских или азиатских предприятий, представленных в самых различных отраслях экономики.

Так, в 1898 г. Маркус Валленберг приобрел шведский и датский патент на недавно разработанный дизельный двигатель и основал компанию «AB Diesel Motors». Первоначально требовалась значительная техническая работа по развитию, но уже в 1907 г. инженерам компании удалось создать реверсивный дизельный двигатель, который можно было бы использовать для движения судов. С самого начала компания стала сотрудничать с уже упоминавшимся выше концерном «Atlas», и в итоге к 1917 г. две компании объединились в одну – «Atlas Diesel AB» [13, s. 145].

Отметим, что востребованные в условиях промышленного рывка начала XX в. дизельные двигатели стали одним из основных направлений производства новой компании на протяжении ряда десятилетий. Вторым главным направлением деятельности концерна стали пневматические машины и инструменты, сначала клепальный и зубильный молотки, а позже и буровые станки. «Atlas» купила свои первые сжатые пневматические инструменты для собственного завода в 1880-х гг. и начала выпускать их копии в 1890-х гг. [23, s. 70].

Удержав семейные позиции и даже увеличив подконтрольные активы в результате событий Первой мировой войны и экономического спада начала 1920-х гг., К. А. Валленберг всё больше стал отходить от практической деятельности, в значительной степени превратившись в семейного патриарха и филантропа. Тем не менее, он формально сохранял руководящие посты вплоть до своей кончины в 1938 г. Человек, превративший «Стокгольмс Эншильда банкен» в уникальное явление в шведском финансовом мире – семейный коммерческий банк и центр активной промышленной группы – был погребён в построенной на его средства Церкви Откровения в Сальтшёбадене; на торжественных похоронах в числе прочих гостей присутствовала и королевская семья [16, p. 462].

Официально заняв пост управляющего «Стокгольмс Эншильда Банкен», Маркус Валленберг фактически формализовал ту роль, которую он стал играть в управлении семейной империей с середины 1920-х гг. Несмотря на то, что герой настоящей статьи по сравнению со старшим братом был менее яркой личностью, он оказался вполне успешным приержателем уже достигнутого. Однако человеком, оказавшимся способным самостоятельно вести семейное предприятие к новым достижениям и определять курс его развития оказался младший сын финансиста – Маркус-младший, наравне со своим старшим братом Якобом с середины 1920-х гг. игравшим всё возрастающую роль в повседневной работе семейного банка и связанной с ним финансово-промышленной группы. Тем не менее, в высших кругах шведского общества М. Валленберг-старший был очень заметной фигурой. Так, ещё в начале 1920-х гг. он взял на себя инициативу по сбору информации среди участников Ассоциации налогоплательщиков и регулярно материально поддерживал официальное печатное издание объединения, поскольку считал важным мобилизовать силы, «которые страдают от чрезмерных расходов и превозносят достоинства и возможности бережливости» [17, p. 114]. Заметим, что в

своей частной жизни Маркус был человеком, прочно придерживавшимся традиционной для Швеции того времени протестантской трудовой морали, отличался исключительным трудолюбием, прилежанием, рачительностью и экономным отношением к финансам, и стремился привить те же самые качества и своим детям.

И частные установки, и политические взгляды банкира находили выражение в критике социал-демократов, пришедших к власти в королевстве в начале 1930-х гг.: в понимании М. Валленберга-старшего они неверно тратили или вовсе транжирили государственные средства, получаемые в немалой степени из налоговых поступлений со стороны крупного бизнеса. Его кампании привели к встречным атакам и спорам в прессе. После одной из таких печатных перепалок в 1932 г. он демонстративно переехал из Стокгольма в усадьбу Мальмвик на небольшом островке в окрестностях шведской столицы в качестве протеста в отношении высоких налогов местных властей и неверного, согласно его позиции, управления городом.

Примечательно, что на протяжении многих лет (как минимум с 1918 г., когда они оба принимали участие в обсуждении условий очередного торгового соглашения между двумя странами) банкир был знаком с выдающимся британским экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом, автором известной макроэкономической теории. Как отмечает шведский исследователь Г. Веттенберг, между ними установилось постоянное общение по переписке, ставшее особенно активным в гг. «великой депрессии», когда финансист и экономист вели оживлённую дискуссии о путях выхода из кризиса, угрожавшего благополучию всего капиталистического мира [17, s. 115–116]. Вопреки мнению своего британского визави, руководитель «Стокгольмс Эншильда банкен» после предварительного согласования со своими коллегами в банках-конкурентах объявил о сокращении годовой зарплаты на 7,5 % для руководящего состава и на 5 % для других сотрудников своего банка; сокращения заработной платы продолжались до 1935 г. [20].

С середины 1930-х гг. М. Валленберг-старший стал всё больше передавать дела и обязанности своим сыновьям, постепенно всё больше становясь церемониальным главой семейной империи, уделявшим исключительное внимание поддержанию устоявшихся семейных традиций. Подобно в своё время старшему брату Кнуту Агатону, М. Валленберг-старший получил немало правительственных наград и даже стал рыцарем ордена Серафимов – высшей награды в королевстве, вручаемой за заслуги перед монархом и государством [22, s. 7]. Отметим, что в качестве своего девиза он выбрал известное латинское выражение: *Esse non viderim* – «быть, но быть невидимым», традиционно используемое семьёй Валленберг в качестве фамильного девиза и в наши дни. Немалую роль в повседневной деятельности финансиста играло и достаточно активное участие в функционировании Шведской королевской академии наук и Шведской королевской академии инженерных наук, в которой он стал почётным членом.

Маркус Валленберг-старший скончался в июле 1943 г. и на его похоронах также присутствовала королевская семья, тем самым подчёркивая положение покойного в жизни страны. Отвечая на одно из писем, выражающих соболезнования, сын и продолжатель дела покойного финансиста Маркус Валленберг-младший писал: «Я искренне надеюсь, что с уходом моего отца эпоха смелых и конструктивных нововведений не закончится. Тот факт, что он часто воспринимался как символ эпохи, был, вероятно, обусловлен его необычными качествами. Если появятся другие люди того же калибра, я думаю, они также будут рассматриваться как создатели целых эпох» [17, p. 115].

Список использованных источников и литературы

1. Гехт А. Б. К. А. Валленберг. Жизнь и деятельность шведского банкира // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: матер. 20 ежегодной научной конф. (24–25 апр. 2018 г.) / под ред. В. Н. Барышниковой, П. А. Кротова. СПб, РХГА, 2019. С. 53–61.
2. Гехт А. Б. К. А. Валленберг. ZHizn' i deyatel'nost' shvedskogo bankira // Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy: materialy 20 ezhegodnoy nauchnoy konferencii (24–25 aprelya 2018 g.)/ pod red. V. N. Baryshnikova, P. A. Krotova. SPb, RHGA, 2019. S. 53–61.
3. Гехт А. Б. К. А. Валленберг: краткая биография шведского банкира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 8(77). С. 2300–2307.
4. Гехт А. В. К. А. Валленберг: kratkaya biografiya shvedskogo bankira // Voprosy nacional'nyh i federativnykh otnoshenij. 2021. Т. 11. № 8(77). С. 2300–2307.
5. Гехт А. Б. У истоков финансово-промышленной группы семьи Валленберг: основные вехи биографии А. О. Валленберга // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78). С. 2583–2589.
6. Гехт А. В. U istokov finansovo-promyshlennoi gruppy sem'i Vallenberg: osnovnye vekhi biografii A.O. Vallenberga // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2021. Т. 11. № 9 (78). С. 2583–2589.
7. История Норвегии / Под ред. А. С. Кана. – Москва : Наука, 1980. 710 с.
8. Istoriya Norvegii / Pod red. A. S. Kana. – Moskva : Nauka, 1980. 710 s.
9. История Швеции / Под ред. А. С. Кана. – Москва : Наука, 1974. 719 с.
10. Istoriya Shvetsii / Pod red. A. S. Kana. – Moskva : Nauka, 1974. 719 s.
11. Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. – Москва, 2002. 400 с.
12. Melin Ya., Yukhansson A., Khedenborg S. Istoriya Shvetsii. – Moskva, 2002. 400 s.
13. Ристе У. История внешней политики Норвегии. – Москва : Весь мир, 2003. 413 с.
14. Riste U. Istoriya vneshnei politiki Norvegii. – Moskva : Ves' mir, 2003. 413 s.
15. About us // Atlas Copco. URL: <http://www.atlascopcogroup.com/en/about-us> (дата обращения 29.09.2021)
16. Anderssen S. The Evolution of Nordic Finance. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 2011. 289 p.
17. Annual report 2018 // Hydro. URL: <http://www.hydro.com/en/investor-relations/reporting/annual-report-2018/> (дата обращения 05.10.2021)
18. Arkiv // Aftonbladet. URL: <http://www.aftonbladet.se/arkiv/arkiv.html> (дата обращения 10.10.2021)
19. Arkiv 1901–1904 // Göteborgs Handels-och Sjöfartstidning. URL: http://www.handelstidningen.org/index_arkiv/1901-1904/ (дата обращения 10.10.2021)
20. Hägg G. Svenska förmögenheter: gamla klipp och nya pengar – människorna, intrigerna, sveken. Stockholm: Lind & Co, 2013. 382 s.
21. Lundström S. Bank, industri, utlandsaffärer. Stockholm: Ekerlids, 1999.
22. Nordisk familjebok. Ugglesupplagan. 38. Supplement. Riksdagens bibliotek – Öyen. Tillägg. 1159–1160 // Project Runeberg. URL : <http://runeberg.org/nfcr/0626.html> (дата обращения 19.09.2021)
23. Ollson O. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853–1938. – Stockholm: Atlantis, 2007. 503 s.

**МАРКУС ВАЛЛЕНБЕРГ-СТАРШИЙ.
КАРЬЕРА И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ШВЕДСКОГО ФИНАНСИСТА**

17. Ollson O. *Furthering a fortune. Marcus Wallenberg: Swedish banker and industrialist 1899–1982.* – Gothenburg: Ekerlids Förlag, 2001. 487 p.
18. Payton G., Lepperød T. *Rjukanbanen; på sporet av et industrieventyr.* Rjukan: Mana Forlag, 1995. 187 s.
19. Possehl. URL: <http://www.possehl.de/index.php?id=2&language=2> (дата обращения 10.10.2021)
20. Stockholms enskilda bank 1856–1971 // Wallenberg. URL: https://www.wallenberg.com/arkiv/sites/default/files/files/Arkivet/Bocker/stockholms_enskilda_bank_1856_-_1971.pdf (дата обращения 19.09.2021)
21. Sveriges statskalender för år 1890. Stockholm: P. A. Nordstedt & Söner, 1891. 650 s.
22. Sveriges statskalender för skottåret 1931. Uppsala: Fritzes offentliga publikationer, 1932. 391 p.
23. Wetterberg G. *Wallenberg – The Family that Shaped Sweden’s Economy.* – Stockholm: Möklinta, 2014. 283 s.

Gekht A. B. Marcus Wallenberg Sr. Career and way of life of a Swedish financier

The article is devoted to the outstanding figure of the Swedish industrialist and banker Markus Wallenberg Sr. in the fate of Sweden and of the Wallenberg financial and industrial group. The activities of the Swedish financier are considered from the creation of the iron ore mining project and the management of the pneumatic machines concern to the Markus participation in the political life of the country and in the activities of the Royal Swedish Academy of Sciences. Particular attention is paid to the work of the Wallenberg family bank on the implementation of infrastructure projects in Norway and the impact of Swedish-Norwegian relations on the success of Stockholms Enskilda Bank. Markus Wallenberg Sr. was a less bright personality than other members of the Wallenberg family, but he was able to be remembered by the Swedish society for his attitude to the sphere of labor relations. The review of the personality of M. Wallenberg Sr. and his figure in the management of the family business in the mid-1930s, when Marcus gradually passed into the status of the ceremonial head of the Wallenberg empire, is completed.

Keywords: Wallenberg family, Markus Wallenberg Sr., Sweden, economics, banking, financial and industrial group.

УДК: 001[908:378](470КРЫМ)ЛЕБЕДЕВ:

«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»:

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ

НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)

Ислямова В. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: victorianage89@gmail.com*

На основе широкого круга источников, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Республики Крым, в фондах Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, восстановлена и впервые представлена биография ученого и педагога Николая Агафоновича Лебедева (1911–1965 гг.). Он на протяжении 27 лет занимал должность доцента кафедры физики, в течение 9 лет – должность заведующего кафедрой физики и 7 лет – должность заместителя директора по учебной и научной работе Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (г. Симферополь). Охарактеризовано научное наследие физика, выявлены его научные и деловые контакты. Показаны основные вехи учебно-воспитательной и общественной деятельности ученого, исследованы факты из личной жизни, неразрывно связанные с историей кафедры физики и института в целом. Отмечены заслуги преподавателя, получившие достойное признание среди коллег, руководства и различных общественно-научных организаций. Отобразена роль Н. А. Лебедева в становлении и развитии учебно-воспитательного процесса в Крымском педагогическом институте в первые послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: Н. А. Лебедев, Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Симферополь, кафедра физики, дозиметр, повседневная жизнь института.

Большая часть жизни доцента Николая Агафоновича Лебедева была связана с Крымским полуостровом и Крымским государственным педагогическим институтом им. М. В. Фрунзе (ныне – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»), г. Симферополь). Ученый и педагог, заведующий кафедрой физики, заместитель директора по научно-учебной части проработал в стенах нашего вуза с 1938 г. по 1965 г. и отдал пединституту, науке и студенчеству 27 лет (Рис. 1, 2). Круг научных интересов и фронт работ Н. А. Лебедева, выполняемых под его руководством на физико-математическом факультете, определялся изучением фотохимической сенсibilизации солей уранила и иодидов, люминесценцией, фотохимией красителей, а также исследованием измерений интенсивности ультрафиолетового излучения Солнца на тело человека.

Рис. 1. Третий выпуск студентов физико-математического факультета Крымского учительского института им. М. В. Фрунзе, г. Симферополь, 1937–1939 гг., фотография 1939 г. [Портрет доцента кафедры физики Н. А. Лебедева (2-й ряд сверху, первый слева)]. Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 7/2775.

История становления и развития физико-математического факультета довоенного периода (1918–1930-е гг.); научные разработки преподавателей кафедры физики, связанные с актинометрическими измерениями, флуоресценцией, оптическими наблюдениями, измерениями солнечной радиации широко освещены в научных статьях О. И. Филиповой [108], В. М. Урбанского [106], Л. П. Банниковой [6, с. 6–23], а также в книгах по истории педвуза, составленных коллективами авторов под руководством администрации (директора Г. П. Вейсберга [34], ректоров В. Г. Сидякина [77] и Н. В. Багрова [29] и т.д.).

В научных работах директора Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского, профессора А. А. Непомнящего, заведующего фондовым отделом Д. А. Ломакина и

старшего научного сотрудника данного музея В. А. Грушецкой [43; 20], а также в справочных изданиях по истории вуза, опубликованных как при жизни Н. А. Лебедева [24], так и в наши дни [82] [28], с исчерпывающей полнотой собраны сведения о периоде эвакуации КГПИ во время Второй мировой войны, когда коллектив вуза был вынужден продолжать свою работу вместе с сотрудниками педвуза в Дагестане. Кроме того, в них представлена ценная информация о первых годах жизни института и его работников после возвращения в Крым, которые, несмотря на отсутствие необходимых условий для полноценного преподавания и элементарных жилищно-бытовых условий, продолжали усиленно трудиться на благо своего высшего учебного заведения.

Рис. 2. Кандидат ф.-м. наук, доцент, заведующий кафедрой физики КГПИ им. М. В. Фрунзе Лебедев Николай Агафонович (1911–1965). [Не ранее 1949 г.]. Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2498-107.

Эпоха послевоенного возрождения КГПИ (с середины 1940-х гг. до первой половины 1960-х гг.), период налаживания учебного процесса и полноценной работы физико-математического факультета отражены в публикациях сотрудников

данного факультета, в частности, деканов Р. Г. Бадальяна [5], Т. А. Коростелиной [33], доцента кафедры общей физики В. И. Шостки [110].

Издания справочно-библиографического характера (научные статьи в энциклопедиях, справочниках о различных деятелях науки из ближайшего окружения Н. А. Лебедева [1, 3, 10, 11, 13, 17, 44, 50, 74, 111], библиографические указатели трудов [7, 8, 75]), несомненно, помогли в составлении просопографических портретов ученых из Крыма и других регионов страны; в восстановлении неизвестных страниц из их биографий, сведений о научной деятельности, публикациях, обширных связях; содействовали более полному раскрытию особенностей развития естественнонаучной мысли полуострова [42, с. 64–68].

Однако в специализированной и справочной литературе по истории нашего вуза не все данные о жизненном пути, научно-педагогической деятельности Н. А. Лебедева точны, часто они разрознены или вовсе отсутствуют, нередко встречаются опечатки и ошибки в фактах его биографии. Опишем лишь несколько примеров. Так, в книге «Таврический университет: времена и люди. 90 лет служения науке» (г. Симферополь, 2008) [81], на с. 58 указано, что «в 1924 г. кабинет физики был преобразован в физический институт. <...> заведовал институтом с 1926 по 1930 г. профессор И. И. Тихановский, а с 1930 по 1956 г. – профессор Н. А. Лебедев» (неправильно названы годы работы Лебедева в КГПИ в должности руководителя кафедры, его ученое звание, так как в 1930 г. ему было всего 19 лет, он числился студентом I курса института и не был «профессором»). На с. 60 приведены следующие факты: «Кафедра общей физики – первая физическая кафедра Таврического университета – была основана в 1918 г. как кабинет физики. Ее заведующими были профессор Л. О. Кордыш, профессор С. Н. Усатый, профессор И. И. Тихановский (1926–1930). С 1949 по 1956 г., после преобразования Физического института в кафедру общей физики ее возглавлял Н. А. Лебедев, с 1956 по 1973 г. – доцент Р. Г. Бадальян, с 1973 по 1999 г. – доцент Л. М. Кучикян» (снова неверно указаны годы руководства кафедрой Н. А. Лебедевым и дата преобразования кафедры; нет сведений об ученом звании физика, в отличие от других указанных преподавателей). На с. 209 снова повторяется ошибка по поводу его ученого звания: «Наиболее активными научными руководителями аспирантских работ в эти годы были *профессоры* Е. Ф. Скворцов, Н. А. Троицкий, П. Т. Данильченко, Н. А. Лебедев, Е. В. Петухов, С. Л. Делямуре, В. Н. Мигирин» (наряду с другими преподавателями он отмечен как профессор вуза, хотя в течение всей жизни имел только ученое звание доцента). Далее в «Биографическом справочнике о преподавателях вуза за 1918–1993 гг.» (г. Симферополь, 1994) [10] на с. 86 сообщается, что: «Лебедев Николай Агафонович (1911–1965). Кандидат физико-математических наук, доцент. *Окончил Крымский пединститут*. Заведовал кафедрой физики Крымского пединститута. Исследовал регистрацию ультрафиолетового излучения и фотохимию красителей» (в издании правильно указаны годы жизни ученого, но сведения о получении им полного высшего образования ошибочны, так как он в 1930–1934 гг. обучался на физико-

математическом факультете в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина).

Главная проблема состоит в том, что в научный оборот введена лишь небольшая часть материалов о Николае Агафоновиче Лебедеве и его окружении, о первых десятилетиях послевоенного вуза. Не все сведения активно используются в учебно-образовательной деятельности, так как они малодоступны, поэтому до сих пор сохраняются нераскрытые страницы истории о КГПИ и его сотрудниках.

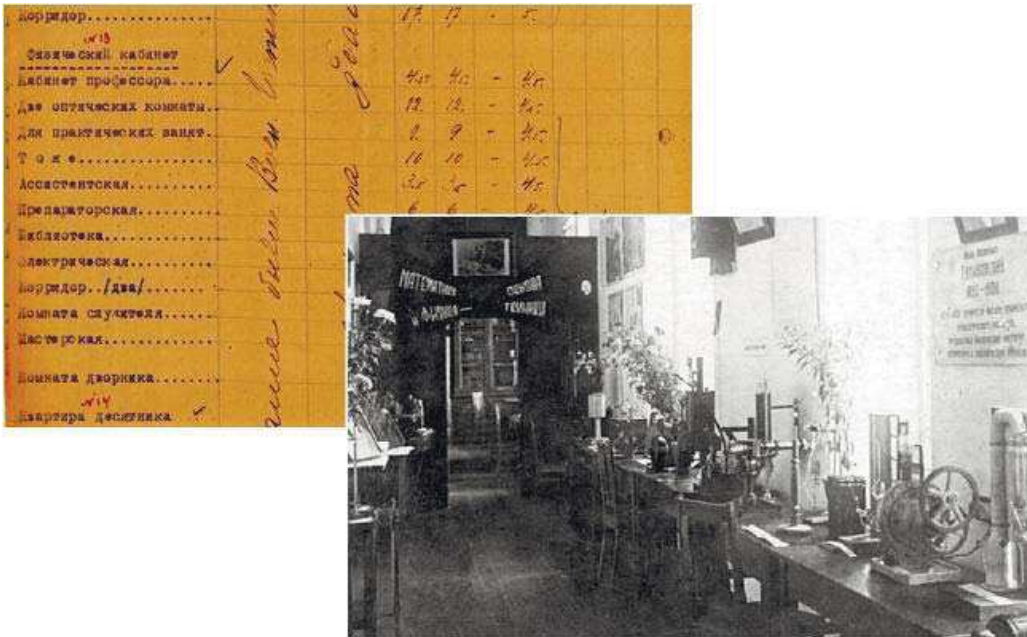

Рис. 3. Сведения о помещениях Физического кабинета Крымского университета, 1923 г. [80, л. 6 об.] (слева); Физический кабинет 1938 г. [28, с. 87] (справа).

Вследствие чего, возникла объективная необходимость представить научной общественности материалы из Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского (далее – МИ КФУ, г. Симферополь), Государственного архива Республики Крым (далее – ГАРК, г. Симферополь) и Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ, г. Москва), в которых представлен широкий диапазон научно-педагогической, воспитательной и организационной деятельности доцента Н. А. Лебедева. Эти документы являются свидетелями и памятниками развития научной мысли, высшего образования того времени, они дают нам уникальную возможность восстановить его биографию, указать ранее неизвестные факты из жизни и деятельности в стенах КГПИ, охарактеризовать главные достижения и вернуть истории науки незаслуженно забытое имя Николая Агафоновича Лебедева.

Важнейшие документы по личному составу ученого, фиксирующие его трудовую деятельность (личное дело работника из отдела кадров КГПИ им. М. В. Фрунзе), финансовые вопросы (штатные расписания, штатные формуляры, приказы об утверждении штатного расписания, объяснительные записки к финансовым отчетам), научные разработки (отчеты, планы по научно-исследовательской работе) хранятся в ГАРК и ГАРФ [40; 113–115; 51; 52; 53; 54; 73].

Рис. 4. Учебный корпус Физического института: 1920–1930-е гг. Фото из кн.: [34, с. 18] (слева); современный вид (справа).

Личное дело доцента Н. А. Лебедева из ГАРК постоянного срока хранения начато с момента его творческого взаимодействия с физико-математическим факультетом КГПИ 14 сентября 1937 г. и окончено 1 мая 1965 г. Оно состоит из 54-х брошюрованных листов [40]. Благодаря этому важному собранию документов мы располагаем ценными биографическими находками: собственноручно заполненными личным листком по учету кадров от 18 ноября 1944 г. [40, л. 1–2об] и автобиографией от 8 января 1947 г. [40, л. 3–3об], двумя характеристиками от 15.01.1947 г. и 29.09.1948 г. соответственно [40, л. 22, 33], личными документами о присуждении ученой степени, звания (копии диплома кандидата наук и аттестата доцента по кафедре физики КГПИ им. М. В. Фрунзе) [40, л. 5, 27].

Автором настоящей статьи выявлено еще два важных архивных дела из ГАРФ. Они хранятся в фондах «Министерство высшего образования СССР (МВО СССР)» и «Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР» [Личные дела руководящих работников; Лебедев Николай Агафонович]. Однако, к сожалению, вышеуказанные архивные материалы располагаются в Центре хранения страхового фонда в г. Ялуторовск (Тюменская область, РФ), где находятся страховые копии, отснятые с уникальных и особо ценных документов всего Архивного фонда РФ. В связи с чем, материалы по личному составу доцента

Н. А. Лебедева из этого страхового фонда даже по нашему официальному запросу не подлежали выдаче в читальный зал ГАРФ. Для ознакомления с ними необходимо только личное присутствие родственников ученого и их самостоятельная работа с архивными делами в г. Ялуторовск.

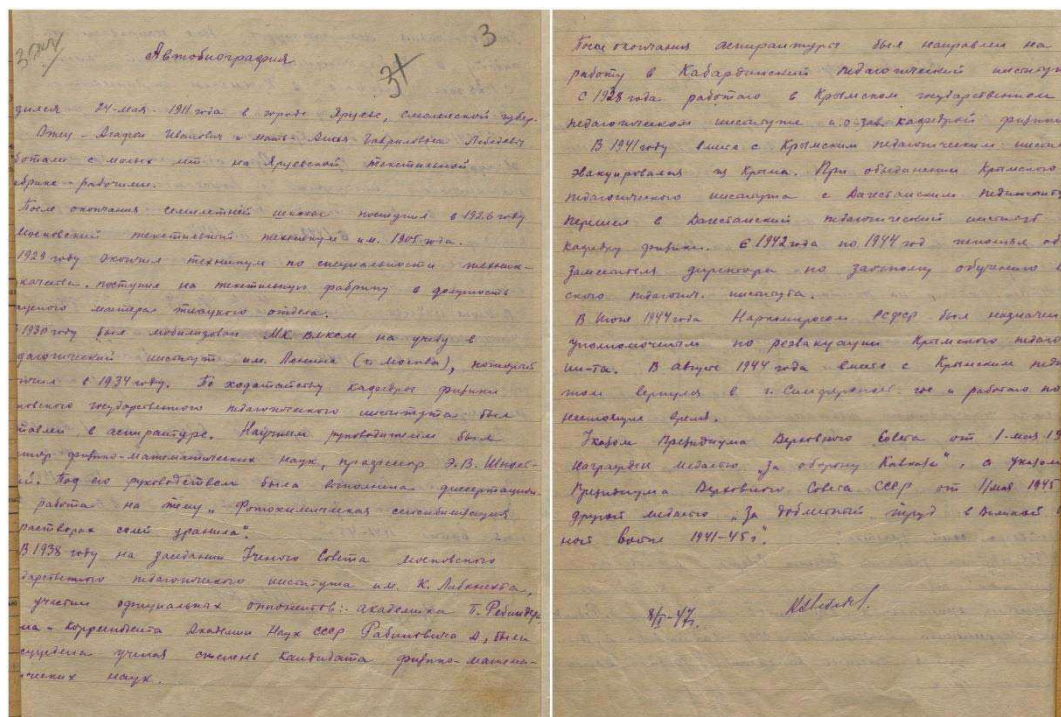

Рис. 5. Автобиография Н. А. Лебедева, 8 января 1947 г. [40, л. 3–3об.].

Музей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (далее – МИ КФУ, г. Симферополь) как лучшая визитная карточка университета был создан 1 февраля 2016 г. с целью повышения имиджа, формирования узнаваемого бренда в научно-образовательном пространстве страны и за ее пределами, корпоративной культуры и внешнего позиционирования ведущего крымского вуза; сохранения и трансляции последующим поколениям социальной памяти его вековой истории. В выставочно-экспозиционном зале (экспозиция «100 лет служения науке») и в фондах музея собраны разнотипные предметы, связанные с жизнью и творческой деятельностью Николая Агафоновича Лебедева в КГПИ. Вместе они составляют личную мемориальную коллекцию (95 единиц хранения), которая, несомненно, представляет научный и познавательный интерес, как для ученых, коллег, студентов, так и для тех, кто хочет узнать о жизни человека науки в контексте истории нашего вуза, его «жителя» – универсанта,

одним из которых и является Н. А. Лебедев. История его плодотворной и разноплановой работы в КГПИ станет примером для молодого поколения, что особенно актуально в современных условиях поиска и конкурентной борьбы за высококвалифицированных и интеллектуальных работников, привлечения в науку талантливых научных и технологических кадровых ресурсов. Ведь сегодняшние посетители музея истории вуза завтра придут учиться в КФУ им. В. И. Вернадского, получат уникальный личный опыт, увлекутся, возможно, займутся серьезной наукой и откроют в ней для себя жизненный смысл. Судя по отзывам, во время посещения выставочной экспозиции и знакомства с музейными предметами у гостей университета всегда создавалось ощущение «близости» и «доступности» к прошлому, поскольку музейным сотрудникам с помощью сохраненных и подаренных безвозмездно музейных предметов, связанных с физиком, удалось в полной мере воссоздать характерный образ эпохи, специфику научной и образовательной деятельности ученых конца 1940– начала 1960-х гг.

В МИ КФУ хранится уникальный комплекс подлинных личных документов, подборка групповых и портретных черно-белых фотографий, на которых изображен Николай Агафонович (сюжетные снимки из семейного архива Лебедевых, коллективные фотографии выпускников физико-математического факультета КГПИ конца 1930-х–1940-х гг.). Собрание документов содержит ценные биографические сведения о нем [4; 9; 15; 21; 104]; подлинные рукописные материалы служебной и творческой деятельности, связанные с научной и учебно-воспитательной работой педагога [2; 27; 36; 45; 61; 62; 68; 69]; должностные и иные заслуги (награды, грамоты, благодарности, документы о присвоении ученой степени и звания) [18; 19; 66; 67; 105], личную корреспонденцию [57; 58; 59; 60]; рукописные и печатные издания, например, оттиски научных статей самого ученого [37; 38] и других исследователей с автографами дарителей [35; 72; 76], поздравительные телеграммы (бланки с сообщениями) [83–102] и др. Многое из указанной музейной коллекции сохранилось благодаря энтузиазму и профессионализму сотрудников различных кафедр вуза и научно-педагогических работников, увлеченных идеей сохранения памяти о предыдущих поколениях универсантов, об истории своей *alma mater*.

Главная цель в исследовании состоит в том, чтобы в данной биографической статье на основе детального изучения музейной коллекции и архивных документов представить жизненный путь Н. А. Лебедева в науке, составить краткий очерк о жизни, научно-педагогической, учебно-воспитательной и общественной деятельности ученого. Представить и сделать доступными для широкого круга исследователей различные материалы, включив исследуемые архивные документы и музейную коллекцию из фондов МИ КФУ в научный и образовательный процесс. Автором статьи были атрибутированы имена целого ряда научных деятелей, определены их места работы и даты оформления документов, выявлены научные связи с Н. А. Лебедевым (Э. В. Шпольский, А. Н. Теренин, А. Н. Яворский, Б. А. Перов, В. П. Ромбах, Г. М. Кисляк и др.). Также впервые представлены сведения о составе семьи, определены адреса проживания ученого, дополнен состав кафедры физики за 1940/41 г. – начало 1950 гг., раскрыт его научный потенциал,

исследованы различные мероприятия по воспитательной и профориентационной работе, определен вклад физика в общественную деятельность КГПИ в исследуемый период.

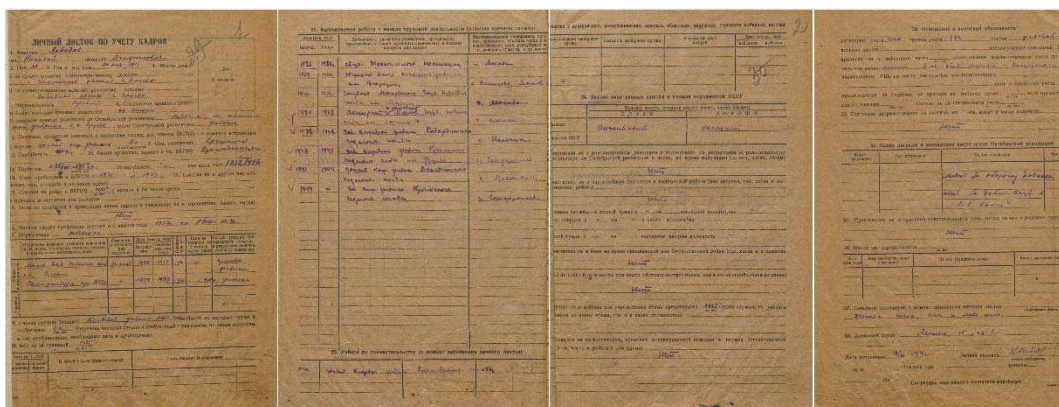

Рис. 6. Личный листок по учету кадров из КГПИ им. М. В. Фрунзе Н. А. Лебедева, 18 ноября 1944 г. [40, л. 1–2об.].

За 15 лет до приезда Н. А. Лебедева в КГПИ, в 1923 г. в состав Физического кабинета, созданного в 1918 г. в Таврическом (с 1921 г. – Крымском) университете (с 1925 г. – Крымском государственном педагогическом и учительском институте) им. М. В. Фрунзе (ул. Лазаретная, 14, ныне – ул. Студенческая, бывшее здание военного госпиталя), входили: кабинет профессора, две оптические комнаты, две комнаты для практических занятий, ассистентская, препараторская, библиотека, электрическая, комната служителя и мастерская (Рис. 3). Кроме того, в нашем вузе в первые годы его работы были созданы и другие кабинеты: метеорологический кабинет (ул. Губернская, 22, ныне – ул. Желябова) состоял из кабинета профессора, ассистентской и студенческой аудитории; астрономический кабинет (особняк по ул. Торговая, 5, ныне – ул. Самокиша) включал в себя читальню, инструментальную комнату, кабинет профессора; математический кабинет (ул. Пушкинская, 18, ныне – ул. Пушкина / ул. Гоголя, 12, т.н. комплекс зданий бывшего Приюта для девочек графини А. М. Адлерберг, ныне – ГБУ РК «Крымский этнографический музей») состоял из кабинета профессора, ассистентской и аудитории № 1 [80, л. 6об., 7об., 8об., 9об., 11]. Физическим кабинетом заведовали акад. А. Ф. Иоффе, профессора Л. И. Кордыш и С. Н. Усатый соответственно. В 1924 г. постановлением Правления университета и по инициативе профессора И. И. Тихановского (1893–1930) физический кабинет был преобразован в Физический институт (факультет), которым он заведовал до 1930 г.

В 1920-х – 1930-х гг. Физический институт (факультет) занимал 15 комнат, имел аудиторию на 130 чел. (ул. Студенческая, 13 / ул. Курчатова, 29, литер «А»; бывшее здание еврейского общественного училища Талмуд-Торы, ныне – факультет

физической культуры и спорта КФУ им. В. И. Вернадского, препараторскую и приборы (881 шт.), 3 лаборатории студенческого практикума (механика и молекулярная физика, акустика и оптика, электричество и магнетизм), музей; сохранил собственную библиотеку (1468 кн., выписывалось 6 зарубежных и 7 отечественных журналов, во 2-й пол. 1920-х гг. должность библиотекаря занимала В. Н. Тихановская). Также здесь находились лаборатория для специальных работ, механическая мастерская (788 инструментов), электростанция, приемная радиостанция с громкоговорителем. Посещение мастерской для студентов старших курсов физико-математического факультета стало обязательным с 1927 г. Обучающиеся III курса изучали столярное, токарное и слесарное дело, а студенты IV курса – переплетно-картонажное дело, также изготавливали наглядные пособия по своей специальности, принимали заказы по изготовлению и ремонту различных приборов (Рис. 4).

Рис. 7. Диплом кандидата наук МФМ № 00777 от 21 сентября 1949 г. о присуждении ученой степени кандидата физико-математических наук, выданный Лебедеву Николаю Агафоновичу 21 сентября 1949 г. [21].

При активном участии профессора И. И. Тихановского и частично за его личные средства 18 июня 1926 г. была создана атмосферно-оптическая станция (единственная на тот момент в СССР), она размещалась на территории образовательного учреждения, где также находилась метеорологическая станция II разряда I класса и сейсмическая станция АН СССР (с 1928 г.). На базе атмосферно-оптической станции сотрудниками факультета выполнялись научно-исследовательские работы, связанные с регулярным наблюдением атмосферно-оптических эффектов, в частности, измерением интенсивности солнечной радиации, прозрачности атмосферы и т.д. Здесь ежедневно проводили наблюдения за продолжительностью солнечного сияния, цветом и радиацией неба. Результаты наблюдений публиковались в бюллетенях феодосийского Гимецентра Черного и Азовского морей (с 1930 г. – Гидрометеорологический институт Черного и

Азовского морей). В этих исследованиях принимали активное участие многие преподаватели кафедры физики и студенты физико-математического факультета. К 1928 г. ученые кафедры физики проводили измерения поляризации небесного свода, занимались изучением рассеяния света в земной атмосфере (теорию разработал профессор И. И. Тихановский); вывели формулу для определения интенсивности солнечной радиации при разной высоте Солнца, проводили актинометрические измерения и исследования по ослаблению света в атмосфере (доценты, позже профессора В. Г. Кастров, И. И. Попов). Благодаря наличию этих научных станций в 1930-е гг. в КГПИ смогли создать центр геофизических исследований в Крыму.

Рис. 8. Аттестат доцента МДЦ № 02290, выданный Лебедеву Николаю Агафоновичу 18 октября 1947 г. [4].

В 1920–1930-е гг. Физический институт при вузе самостоятельно развивал международное сотрудничество и активно поддерживал научные связи с феодосийским Гимецентром, Севастопольской морской обсерваторией, Ай-Петринской метеорологической станцией (возле г. Шишко), Главной геофизической обсерваторией (г. Санкт-Петербург), Государственным научно-мелиорационным институтом Наркомата земледелия РСФСР (с 1931 г. – Научно-исследовательский институт гидротехники, г. Санкт-Петербург), Государственным оптическим институтом (г. Санкт-Петербург), Российской (1919–1928, с 1930 г. – Всесоюзной) ассоциацией физиков, Потсдамской метеорологической обсерваторией и Институтом геофизики и метеорологии во Франкфурте-на-Майне (Германия), Метеоролого-физической обсерваторией в Давосе и Оптико-климатической обсерваторией в Ароза (Швейцария) и др. Эти научные организации и учреждения оказывали огромное влияние, как на темпы развития физической науки в КГПИ, так и на воспитание его новых кадров – ученых-исследователей [5, с. 51–52; 34, с. 17–19, 42–43; 25, с. 351; 33, с. 45; 29, с. 79–81, 117–118; 108, с. 319–320].

«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)

В связи с чем, мы можем предположить, что решению Николая Агафоновича Лебедева переехать в Симферополь в 1938 г. и развивать свою научно-исследовательскую деятельность в области изучения интенсивности ультрафиолетового излучения Солнца, поляризации небесного света, люминесценции, фотохимии полупроводниками и диэлектриками в КГПИ способствовали три главные причины:

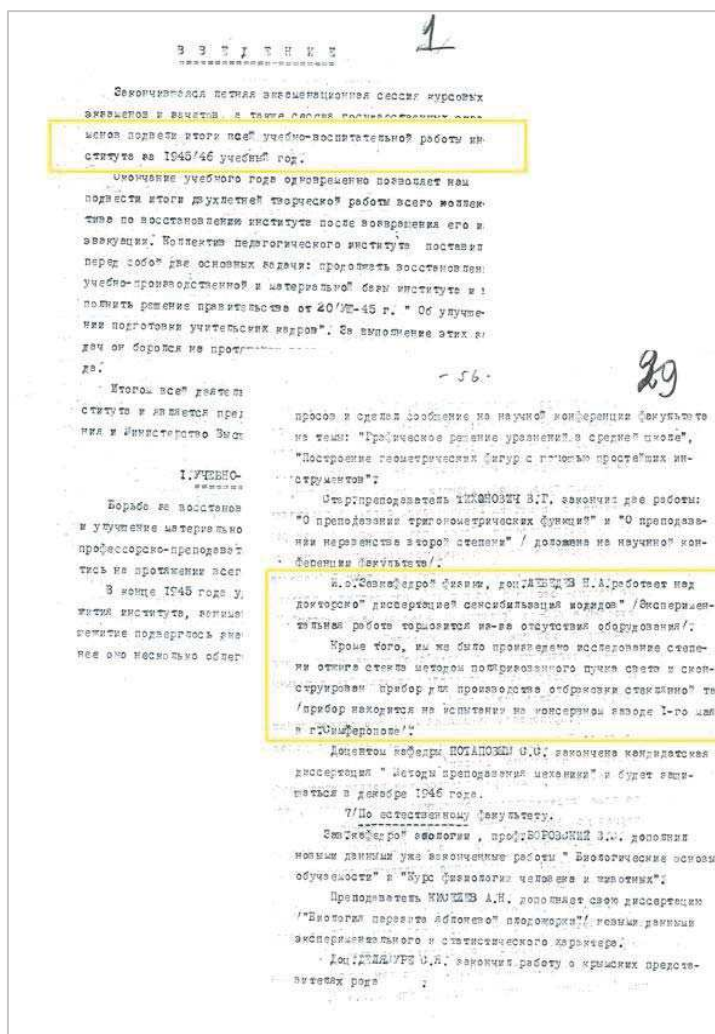

Рис. 9. Фрагмент Отчета Крымского государственного педагогического института об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе за 1945/1946 годы (с приложениями), июль-август 1946 г. [с первоначальной темой докторской диссертации Н. А. Лебедева] [51, л. 29].

2) унаследованная от Крымского университета материальная база, в первую очередь, это кабинеты, специализированные лаборатории при кафедре физики, оснащенные на тот момент современным оборудованием, позволяющим ученому-физику выполнять фундаментальные и прикладные научные исследования, а также научная библиотека со своей коллекцией печатных изданий по физической науке. Отметим, что в Уставе Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе, утвержденного 2 июля 1939 г., указано, что на физико-математическом факультете (на базе Физического института) функционировали следующие учебно-вспомогательные учреждения: астрономическая обсерватория, лаборатория механическая, лаборатория молекулярная, лаборатория колебания и волн, лаборатория электро- и радиотехники, специальная мастерская по физическим приборам, кабинет методики физики, фотолаборатория, оптическая и метеорологическая станции [107, л. 17];

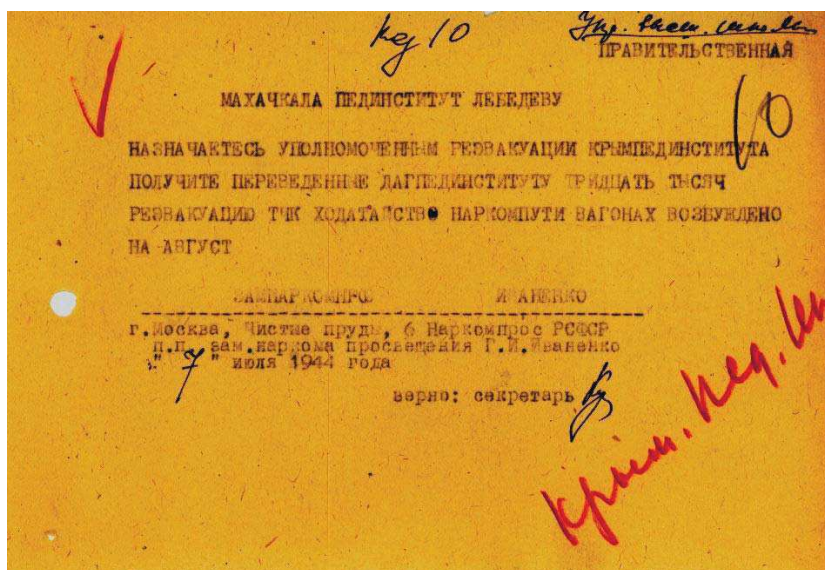

Рис. 10. Правительственная телеграмма заместителя народного комиссара просвещения Г. И. Иваненко с распоряжением назначить Н. А. Лебедева уполномоченным по реэвакуации Крымского пединститута, 7 июля 1944 г. [65].

3) возможно, личное приглашение Н. А. Лебедеву от руководства нашего вуза в связи с уходом преподавателей института или отказе сотрудников в принятии их на работу (в 1930 г. скончался профессор И. И. Тихановский; в 1925 г. не приняли декана физико-математического факультета (1918–1921) Таврического университета, профессора кафедры ботаники Н. И. Кузнецова), переходом в другие организации (профессор Н. М. Крылов в 1922 г. был избран академиком АН УССР по кафедре математической физики, переехал в Киев; доцент, позже профессор

«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)

В. Г. Кастров начал работать в Институте актинометрии и атмосферной оптики (г. Слуцк) и др.). В связи с переездом или увольнением крупных научных работников в КГПИ были значительно сокращены научные исследования, кафедры стали мало укомплектованными, произошло резкое снижение работы по подготовке кадров, поэтому педагогический вуз остро нуждался в новых высококвалифицированных специалистах разнообразного и широкого профиля, приглашенных извне [77, с. 133, 252–253; 28, с. 79; 24, с. 15; 6, с. 59].

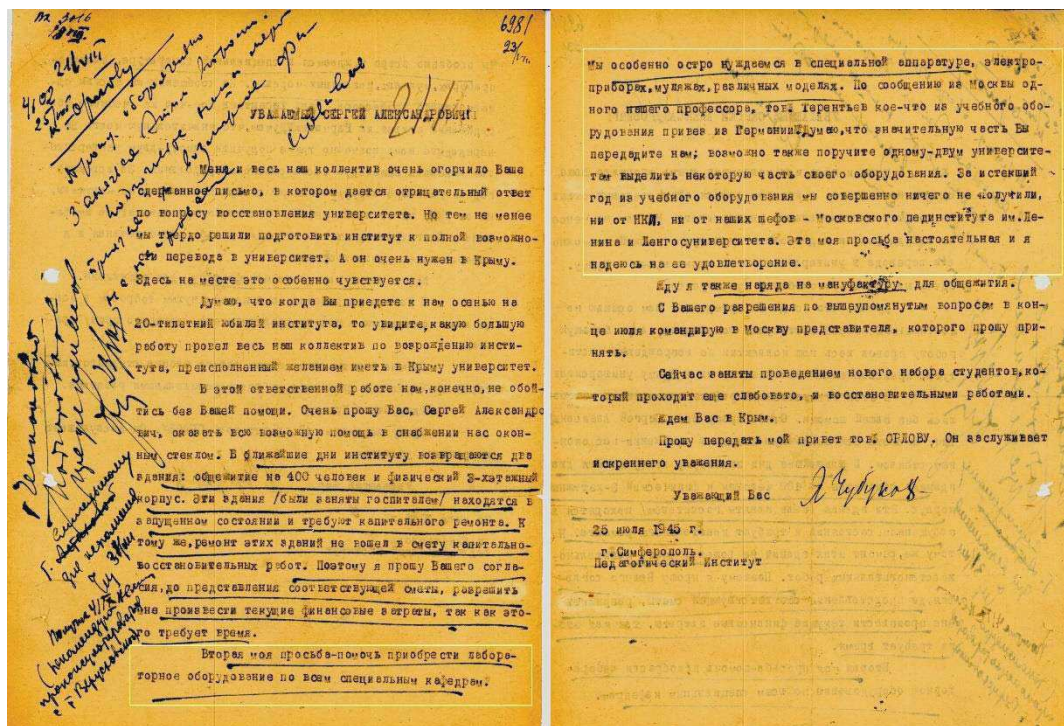

Рис. 11. Письмо Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о необходимости решения финансовых вопросов на ремонт зданий, приобретение лабораторного оборудования и т. д. [56, лл. 211–211об.].

На основе обнаруженных ценных архивных материалов и детально проанализированных личных документов, сохраненных в Музее истории КФУ им. В. И. Вернадского, автором статьи была реконструирована биография ученого, определены его научные связи, основные этапы и виды научно-педагогической, общественной деятельности, а также выявлены факты из личной жизни физика.

Николай Агафонович родился 24 мая 1911 г. в г. Ярцево Смоленской области в семье работников Ярцевской текстильной фабрики Агафона Ивановича и Анисьи Гавриловны Лебедевых. После окончания семилетней школы с 1926 г. по 1929 г. он

обучался в Московском текстильном техникуме им. 1905 г. по специальности «техник качества». По окончании техникума в течение года занимал должность этажного мастера ткацкого отдела на текстильной фабрике в Подмосковье. В 1930 г. переехал в Москву и был мобилизован МК ВЛКСМ на учебу в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, где в течение 1930–1934 гг. обучался на физико-математическом факультете; в 1934–1937 гг. по ходатайству кафедры физики при этом же институте обучался в аспирантуре и одновременно работал ассистентом [40, л. 1–3об.]. После окончания аспирантуры был направлен на работу в Кабардинский педагогический институт (г. Нальчик), где в 1937–1938 гг. занимал должность заведующего кафедрой физики (Рис. 5).

В 1938 г. прибыл в г. Симферополь. 1938–1941 гг. – и. о. доцента (с 01.09.1938 г.), и. о. заведующего кафедрой физики (с 28.12.1940 г.) Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. После начала Великой Отечественной войны в сентябре 1941 г. был эвакуирован вместе с вузом в Дагестан. 1941–1944 гг. занимал должность доцента кафедры физики, а также исполнял обязанности заместителя директора по заочному обучению в Дагестанском педагогическом и учительском институте имени Сулеймана Стальского (г. Махачкала, с. Касумкент; ныне – ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»), был временно объединен с КГПИ им. М. В. Фрунзе с 1941 по 1944 г. согласно постановлению СНК Дагестанской АССР № 1190/114 «О слиянии эвакуированного Крымского пединститута с Дагестанским пединститутом» от 22 ноября 1941 г.; директором объединенного ДГПИ в июне 1942 г. был назначен заведующий кафедрой физики, к. ф.-м. н. Х. М. Фаталиев (1915–1959)).

В июне 1944 г. Наркомпросом РСФСР назначен уполномоченным по эвакуации КГПИ им. М. В. Фрунзе в Крым. В августе 1944 г. вместе с вузом вернулся в Симферополь. С 01.09.1944 г. по 1956 г. – доцент, временно и. о. заведующего кафедрой физики с перерывами (с 28.07.1948 г. – кафедрой общей и теоретической физики в связи с объединением кафедр) КГПИ им. М. В. Фрунзе. Наряду с научно-преподавательской деятельностью в КГПИ он одновременно в 1944 г. (на момент заполнения личного листка по учету кадров) занимал должность доцента на кафедре физики в Крымском сельскохозяйственном институте им. М. И. Калинина (Рис. 6). С 01.10.1946 г. по (1948 г.?) – и. о. декана физико-математического факультета КГПИ. С 20.09.1948 г. – и. о. замдиректора по учебной части и научной работе, чуть позже 22.10.1948 г. был утвержден заместителем директора, 16.02.1951 г. – освобожден от должности замдиректора в связи с переходом на должность заведующего кафедрой физики данного вуза. С 02.11.1953 г. по февраль 1957 г. снова занимал должность заместителя директора по учебной и научной работе КГПИ им. М. В. Фрунзе. С весны 1957 г. и до своей кончины 1 мая 1965 г. (Приказ № 116 из отдела кадров КГПИ от 10.06.1965 г.) Николай Агафонович занимал должность доцента кафедры общей физики [40, лл. 1–3об., 22, 33, 54; 65].

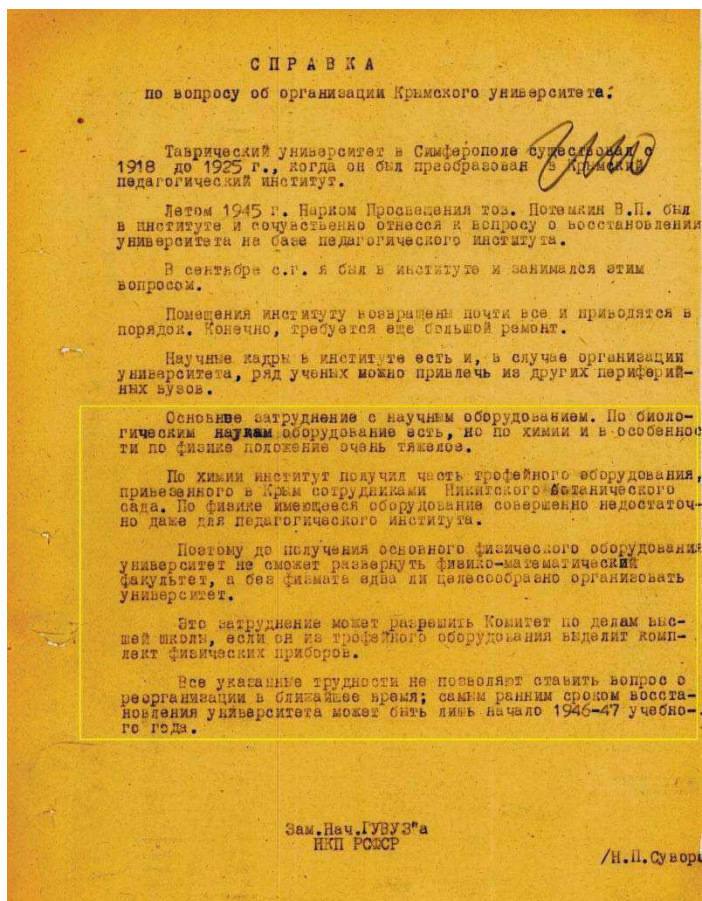

Рис. 12. Справка Главного управления высших учебных заведений (ГУВУЗ) Наркомпроса РСФСР по вопросу организации Крымского университета. Из фондов ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4784, л. 240.

В итоге большая часть его преподавательской деятельности в высшей школе (27 лет) была неразрывно связана с физико-математическим факультетом Крымского пединститута, где он с момента избрания и до последних дней жизни занимал должность доцента кафедры физики, а также 9 лет – должность заведующего кафедрой, 2 года – и.о. декана физико-математического факультета, 7 лет – заместителя директора по учебной и научной части. С ним связана общая судьба и практически тридцатилетняя эпоха жизни кафедры физики и пединститута в целом, относящиеся к периоду предвоенного развития и возрождения уже послевоенного вуза, воспитания новых отечественных кадров конца 1930-х – первой половины 1960-х гг.

Приложение № 1 к Отчету Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе за 1944/45 уч. г., 15 августа 1945 г.: предложения о необходимости замены научно-педагогических кадров и приглашении новых работников

1. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
2. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
3. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
4. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
5. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
6. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
7. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
8. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
9. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
10. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
11. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
12. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
13. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
14. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
15. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
16. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
17. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
18. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
19. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
20. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
21. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
22. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
23. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
24. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор
25. АГАФОНОВ Ник. Агаф.	1908 г. р.	Физико-математический институт им. В. И. Ленина, Ленинград	Доктор физико-математических наук, профессор

Рис. 13. Приложение № 1 к Отчету Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе за 1944/45 уч. г., 15 августа 1945 г.: предложения о необходимости замены научно-педагогических кадров и приглашении новых работников [52, лл. 22–23].

На становление Николая Агафоновича как человека науки в предвоенные годы большое влияние оказало знакомство и дальнейшее сотрудничество с выдающимися физиками, профессорами ведущих вузов страны, в первую очередь, с его научным руководителем, доктором физико-математических наук, профессором Эдуардом Владимировичем Шпольским (1892–1975). Профессор с 1932 г. по 1972 г. возглавлял кафедру физики (с 1938 г. – кафедру теоретической физики) МГПИ им. В. И. Ленина, где создал научно-исследовательскую оптическую лабораторию для проведения исследований в области физических основ фотохимии, спектроскопии и люминесценции. Одновременно он с 1930 г. по 1975 г. был главным редактором ведущего журнала «Успехи физических наук». Работал Эдуард Владимирович в области спектроскопии и применения спектральных методов в биофизике и биохимии [11, с. 189–190]. Под его руководством была выполнена кандидатская диссертация Н. А. Лебедева на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему «Фотохимическая сенсibilизация в растворах солей уранила»¹, которую Николай Агафонович защитил в 1938 г. на заседании Ученого

¹ Соли уранила – соединения шестивалентного урана с кислотами; общая формула солей уранила UO_2X_2 . Наиболее употребляемые из них: *уранилнитрат* (неорганическое соединение, азотнокислая окись урана; имеет формулу $UO_2(NO_3)_2$ (безводный) и $UO_2(NO_3)_2 \cdot 6H_2O$ (кристаллогидрат); получают растворением окислов урана в азотной кислоте: $UO_3 + 2HNO_3 \rightarrow UO_2(NO_3)_2 + H_2O$); применяли в фотографии как усилитель негативов и для тонирования готовых отпечатков (рецепт на основе азотнокислого уранила окрашивает фотоснимок в красно-коричневые тона, в 1960-х гг. XX в. свободно продавался в СССР в фотомагазинах, входил в состав промышленно выпускаемых усилителей, применяемых в фотопечати) и *уранилацетат* (неорганическое соединение, оксосоль урана и уксусной кислоты с формулой $UO_2(CH_3COO)_2$ (безводный); $UO_2(CH_3COO)_2 \cdot 2H_2O$ (кристаллогидрат); получают

Совета Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. В качестве его официальных оппонентов выступили известные физикохимики: заведующий кафедрой физической химии, профессор Московского педагогического института имени К. Либкнехта (на момент защиты Лебедева), академик АН СССР Петр Александрович Ребиндер (1898–1972) (область научных интересов охватывает широкий круг проблем коллоидной химии, физико-химии дисперсных систем и поверхностных явлений); профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (на момент защиты Лебедева), член-корреспондент АН СССР Адольф Иосифович Рабинович (1893–1942) (сфера научных интересов профессора относилась к изучению электрохимии коллоидных растворов, использованию коллоидной химии в теории фотографии). Решением Ученого совета Московского государственного педагогического института от 15 ноября 1938 г. Н. А. Лебедеву была присуждена ученая степень кандидата физико-математических наук, запись об этом знаменательном событии размещена в дипломе кандидата наук МФМ № 00777 от 21 сентября 1949 г., который хранится в фондах МИ КФУ (Рис. 7). Выписка из протокола № 8 от 19 апреля 1947 г. Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР, датированная 17 мая 1947 г., и аттестат доцента МДЦ № 02290 от 18 октября 1947 г., хранящиеся в фондах МИ КФУ, свидетельствуют о том, что он, согласно решению ВАК от 19 апреля 1947 г., был утвержден в ученном звании доцента по кафедре физики Крымского государственного педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе [1, с. 357–359; 74, с. 418; 21; 4; 15; 40, л. 3об.] (Рис. 8).

Из «Отчета КГПИ об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе за 1945–1946 уч. г.» в МП РСФСР и «Пятилетнего плана Крымского государственного педагогического и учительского института им. Фрунзе по научно-исследовательской работе (1946–1950 годы)» за 1946 г. стало известно, что Н. А. Лебедев начал работать над написанием докторской диссертации по теме «Фотохимические сенсibilизированные реакции иодидов». По указанному выше плану он должен был трудиться над темой в течение почти 10 лет, с 1 января 1939 г. по 1 апреля 1948 г., научный руководитель (консультант) в материалах не был указан [51, л. 29; 73, л. 9] (Рис. 9).

К огромному сожалению, Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) (Крым оказался в зоне оккупации нацистской Германии, поэтому КГПИ с осени 1941 г. по август 1944 г. был временно эвакуирован в Махачкалу и объединен с Дагестанским пединститутом), принеся разрушение и материальные потери, не позволила ученому реализовать свои планы. В связи с острой нехваткой преподавателей на кафедре в 1940-х гг. Н. А. Лебедев был существенно перегружен учебными занятиями (его учебная нагрузка была намного выше нормы).

растворением трехоксида урана в уксусной кислоте: $UO_3 + 2CH_3COOH \rightarrow UO_2(CH_3COO)_2 + H_2O$; используют как реагент для обнаружения ионов Li^+ , Na^+]. Соли уранила обладают радиоактивностью и сильным токсическим действием.

После возвращения КГПИ из Дагестана в процессе выполнения плана своей научно-исследовательской работы он столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, отвлекался на решение насущных и неудовлетворенных хозяйственно-бытовых проблем учреждения после реэвакуации в его первый 1944/45 учебный год (строительство и ремонт учебных корпусов, неотапливаемые помещения в учебных зданиях (до 1949 г. не было центрального отопления); незастекленность строений (до февраля 1945 г.), а также отсутствие электрического освещения и учебной мебели в аудиториях, лабораториях, кабинетах и др.) [52, л. 1, 21; 49, л. 35; 43, с. 96, 101, 103; 29, с. 131; 77, с. 159].

Во-вторых, испытывал затруднения в проведении экспериментальных работ из-за неуккомплектованности лабораторий и мастерских вуза необходимым научным оборудованием после реэвакуации. Весной 1944 г. Крымская наступательная операция Красной Армии завершилась освобождением Крымского полуострова, у сотрудников и студентов КГПИ появилась возможность вернуться в Симферополь. Перед отъездом в Крым из Махачкалы уже летом 1944 г. директор КГПИ, назначенный уполномоченным Народного комиссариата просвещения по восстановлению вуза, профессор В. М. Боровский «оставил вместо себя доцента Николая Агафоновича Лебедева. Ему была поручена забота о находящемся там коллективе симферопольского вуза и об эвакуированном имуществе». В начале июля 1944 г. заместитель народного комиссара просвещения Г. И. Иваненко распорядился назначить Н. А. Лебедева уполномоченным по реэвакуации Крымского пединститута (Рис. 10). В свою очередь, В. М. Боровский отправил запрос в НКП РСФСР с просьбой «выслать Н. А. Лебедеву в адрес Дагестанского пединститута мандат на право получения *имущества* Крымпединститута и о назначении Н. А. Лебедева начальником эшелона для реэвакуации; предложить Орджоникидзенской железной дороге предоставить по заявке Лебедева двойной товарный для груза и классный вагон для персонала (всего с семьями около 45 человек); *эвакуированное учебное оборудование* крымского пединститута упаковать и частично перепаковать, для чего приобрести тару. Кроме того, в Дагестане можно купить некоторые материалы, которых в Крыму нельзя достать (например, оконное стекло), учебники, в Крыму абсолютно дефицитные, и другие книги. Просьба перевести в распоряжение Лебедева через ДПИ на указанные и прочие, связанные с реэвакуацией расходы 30 000 рублей». Стоит заметить, что благодаря ответственным руководителям и уполномоченным по реэвакуации (В. М. Боровскому, Н. А. Лебедеву и др.) Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе вернулся в Крым уже в августе 1944 г. [43, с. 89–90; 65].

Через год в Справке, составленной и.о. начальника Управления Высшей школы НКП РСФСР И. Т. Огородниковым, о состоянии Крымского педагогического и учительского института от 19 мая 1945 г. значится, что на «учебное оборудование физических кабинетов выделено 300 тыс. рублей...» [79, л. 40об.]. А из п. 19 «Справки о состоянии Крымского Педагогического и Учительского Института» от 25 мая 1945 г., подготовленной директором КГПИ, к.и.н, доц. Я. А. Чубуковым,

также стало известно, что «для нормальной учебной и научно-исследовательской работы Института необходимо на приобретение учебного оборудования через Главснабпрос Наркомпроса РСФСР и Техучпром дополнительное ассигнование в сумме 350 тыс. руб.» [78, л. 107].

В письме от 25 июля 1945 г. к заместителю народного комиссара просвещения РСФСР С. А. Новикову директор Я. А. Чубуков просил его «помочь приобрести лабораторное оборудование по всем специальным кафедрам. Мы особенно остро нуждаемся в специальной аппаратуре, электроприборах, муляжах, различных моделях. По сообщению из Москвы одного нашего профессора, тов. Терентьев кое-что из учебного оборудования привез из Германии. Думаю, что значительную часть [прим. В. И. – демонтажного трофейного учебного оборудования] Вы передадите нам; возможно, также поручите одному-двум университетам выделить некоторую часть своего оборудования. За истекший год из учебного оборудования мы совершенно ничего не получили, ни от НКИ, ни от наших шефов – Московского пединститута им. Ленина и Ленгосуниверситета. Это моя просьба настоятельная и я надеюсь на ее удовлетворение» (Рис. 11) [20, с. 27; 56, л. 211–211об.].

В «Справке по вопросу об организации Крымского университета», подготовленной осенью 1945 г., отмечалось, что основная проблема вуза была связана с лабораторным оборудованием: «По биологическим наукам оборудование есть, но по химии и в особенности по физике положение очень тяжелое. По химии институт получил часть трофейного оборудования, привезенного в Крым сотрудниками Никитского ботанического сада. По *физике* имеющееся оборудование совершенно недостаточно даже для педагогического вуза. Поэтому до получения основного физического оборудования [прим. В. И. – будущий] университет не сможет развернуть физико-математический факультет, а без физмата едва ли целесообразно организовывать университет. Это затруднение может разрешить Комитет по делам высшей школы, если он из трофейного оборудования выделит комплект физических приборов» (Рис. 12). В Докладной записке секретаря Крымского обкома ВКП(б) В. А. Березкина секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о создании университета в Крыму от 17 ноября 1945 г. и с приложением резолюции Г. М. Маленкова от 23 ноября 1945 г., хранящейся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, в п. 4 было указано, что «передается пединституту доставленное из Германии [прим. В. И. – демонтажное] учебно-лабораторное оборудование, обеспечивающее укомплектование физического и химического институтов» [22, л. 160]. Таким образом, переданное для КГПИ учебное и научное оборудование более подходило для химических исследований и лабораторий, поэтому физический кабинет, лаборатории и мастерские еще несколько лет продолжали оставаться без необходимых приборов, устройств, посуды, тары, специальной аппаратуры, реактивов и т.д.. Серьезные проблемы с поставками и приобретением для Крымпединститута в достаточном количестве необходимого лабораторного физического оборудования (9/10 из основного фонда богатейшего оборудования лабораторий и подсобных мастерских вуза было разрушено во время оккупации Крыма нацистской Германией, утеряно во

время эвакуации/реэвакуации) в первые послевоенные годы весьма негативно отразились и на результатах диссертационного исследования Н. А. Лебедева. Из-за этого сроки выполнения им докторской диссертации, в указанном выше плане научно-исследовательской работы, были практически сорваны.

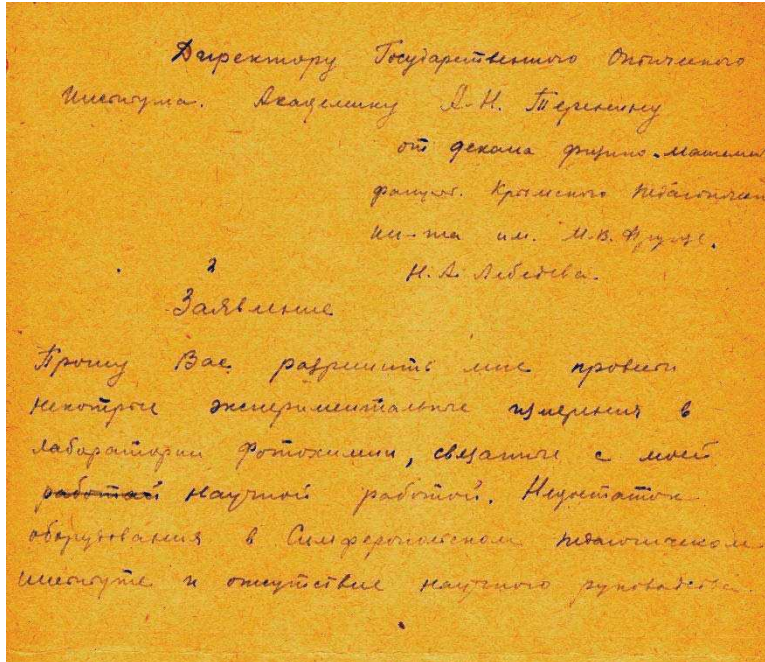

Рис. 14. Черновик заявления Н. А. Лебедева директору [прим. В. И. – заместителю директора по научной части 1945–1956 гг.] Государственного оптического института академику Александру Николаевичу Теренину [36].

Невзирая на невероятно сложные и неблагоприятные условия работы во второй половине 1940-х гг., личные мотивы Николая Агафоновича в плане профессионального роста побуждали его продолжать научную деятельность и вопреки всему завершить оформление докторской диссертации. В Отчете КГПИ за 1944/45 уч. год и Справке о состоянии Крымского пединститута от 25 мая 1945 г. указано, что в 1945 г. в вузе работало всего 8 профессоров (6 – на основном месте работы В. М. Боровский, Н. Ю. Войтонис, П. Т. Данильченко, Е. В. Петухов, Е. Ф. Скворцов, Н. А. Троицкий; 2 – по совместительству В. В. Бобин, П. В. Хватов) [52, лл. 22–23; 28, с. 140]. В этом отчете также указано, что Н. А. Лебедев на тот момент занимал должность и.о. заведующего кафедрой, готовил докторскую диссертацию. Однако не получил извещения об утверждении в должности заведующего кафедрой от Всесоюзного комитета по делам высшей школы (вместе с ним не получили данное извещение другие ученые, которые также

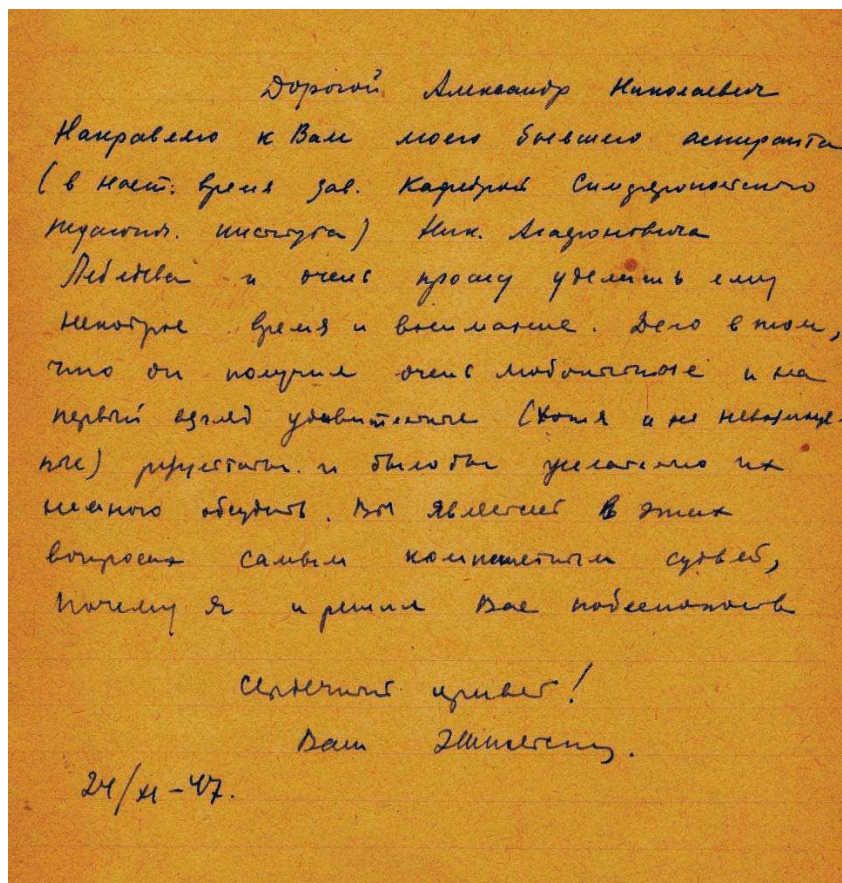
исполняли обязанности заведующих кафедрами истории СССР доцент Ф. С. Загородских, физической географии и геологии доцент В. Н. Познышев, русского языка доцент А. И. Германович, всеобщей истории К. И. Тодорский, экономической географии ст. преподаватель И. Г. Гутырь, геометрии ст. преподаватель Н. А. Никулин). В связи с этим их рекомендовали заменить на приглашенных извне сотрудников, уже имеющих степень доктора наук и ученое звание профессора, объявили конкурс на замещение указанных выше должностей (Рис. 13). Из проекта «О восстановлении Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе» (май 1945 г.) стало известно, что астрофизик, академик Григорий Абрамович Шайн (1892–1956) даже дал согласие руководству КГПИ работать в качестве заведующего кафедрой физики вместо вр.и.о. доцента Н. А. Лебедева [109, л. 77]. Подчеркнем, что с 1925 г. и до конца жизни А. Г. Шайн – один из основателей современной астрофизики, действительный член АН СССР, иностранный член Английского королевского астрономического общества, почетный доктор Копенгагенского университета, почетный член Американской Академии наук и искусств – жил и работал в Крыму. В 1925–1945 гг. он руководил Симеизской обсерваторией (Симеизским отделением Пулковской Главной астрономической обсерватории, гора Кошка над Голубым заливом); проводил исследования в области звездной спектроскопии и газовых туманностей, руководил установкой, ввел в регулярную эксплуатацию самый большой в стране (на тот момент) рефлектор (40 дюймов, диаметр зеркала 102 см), полученный в 1925 г. из Англии от британской фирмы Грэбб энд Парсонс. В 1945 г. был назначен директором Крымской астрофизической обсерватории АН СССР (далее – КраО, с. Научное, возле г. Бахчисарай) и занимал эту должность до 1952 г.; с 1952 г. по 1956 г. – руководил отделом туманностей и межзвездной среды КраО [16, с. 5–6; 52, л. 22–23]. Но, по всей видимости, после назначения директором в КраО в 1945 гг. А. Г. Шайн был настолько загружен организационными, финансовыми и другими вопросами, связанными со строительством новой обсерватории и восстановлением ее филиала в Симеизе (после полного разрушения в годы Великой Отечественной войны), что в итоге так и не смог совместить свою деятельность в обсерватории с преподаванием и работой заведующим кафедрой физики в Крымпедвузе. Поэтому должность заведующего кафедрой в пединституте продолжил занимать Н. А. Лебедев. Однако на этом данная проблема не решилась, и вопрос о замещении должности остался открытым. Например, из Отчета Крымского государственного педагогического института об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе за 1945/1946 годы, составленного летом 1946 г., становится известно, что кафедру физики по-прежнему срочно нужно было пополнить преподавателями, а «объявленный в свое время конкурс на замещение вакантных должностей не дал ожидаемых результатов» [51, л. 2 об.].

В 1947 г. руководство нашего института все же решило направить Н. А. Лебедева в научную командировку в Москву с целью завершения экспериментальной части работ и ознакомления со специализированной литературой по теме докторской диссертации. При этом на расходы ему было

выделено 2000 руб. командировочных (до проведения денежной реформы (деноминации) в декабре 1947 г. – это была значительная сумма, которая даже немного превышала его месячную зарплату). Благодаря этому в конце 1947 г. ученый действительно смог запланировать научную поездку, но не в Москву, а в Ленинград. Мы можем лишь предполагать об этом, опираясь на обнаруженные и атрибутированные нами документы конца 1940-х гг., которые сохранились в мемориальной коллекции Лебедева из фондов МИ КФУ. Это собственноручно написанное заявление доцента Н. А. Лебедева (черновик, без указания даты и подписи; примечательно, что он в документе указал свою должность как «декан физико-математического факультета КГПИ»), а также сопроводительное письмо к этому заявлению от 24 ноября 1947 г. его научного наставника по кандидатской диссертации, руководителя оптической лабораторией при МГПИ им. В. И. Ленина (г. Москва), профессора Э. В. Шпольского (Рис. 14, 15). Письмо профессора позволило нам датировать и черновое заявление Лебедева. Оба документа были адресованы в г. Ленинград директору [прим. В. И. – заместителю директора по научной части 1945–1956 гг.] Государственного оптического института академику Александру Николаевичу Теренину (1896–1967) [36; 112; 44, с. 730].

В заявлении Лебедев просил Теренина разрешить провести «некоторые экспериментальные измерения в лаборатории фотохимии оптического института, связанные с научной работой». Из-за недостатка специального оборудования в лаборатории КГПИ и отсутствия научного руководителя, как было указано в документе, у него не было возможности полностью завершить исследование без данных измерений. Очевидно, что он продолжал работать над диссертационным исследованием и искал возможность получить экспериментальные данные за пределами своей лаборатории. В решении проблемы ему помог Эдуард Владимирович, направив своего бывшего аспиранта в Государственный оптический институт, в своем письме он лично просил руководителя данного учреждения «уделить ему некоторое время и внимание...». Э. В. Шпольский высоко ценил знания Александра Николаевича, ставшего основоположником школы фотохимии и фотофизики в СССР, и особо отметил научные достижения Н. А. Лебедева, указав, что последний «получил очень любопытные и на первый взгляд удивительные <...> результаты, и было бы желательно их немного обсудить. Вы являетесь в этих вопросах самым компетентным судьей, почему я и решил Вас побеспокоить» [36; 112]. Но развивать исследования в данном направлении Лебедеву, видимо, так и не удалось. И уже в отчете пединститута по научно-исследовательской деятельности за следующий 1948 год, отмечено, что доцент Н. А. Лебедев сменил тему и начал работать над докторской диссертацией «О метастабильном состоянии молекул органических красок». По нашим предположениям, переход Лебедева от изучения фотохимических сенсibilизированных реакций иодидов к исследованию метастабильного состояния молекул органических красок был совершенно неслучайным (Рис. 16). Возможно, что сотрудничество Николая Агафоновича с академиком Александром Николаевичем Терениным сыграло огромную роль в его дальнейшей научной деятельности и предопределило смену темы докторской

диссертации Лебедева. Ведь как раз в 1944–1946 гг. академик активно работал над фундаментальным трудом «Фотохимия красителей» и мог осознанно повлиять на выбор нового и современного на тот момент научного направления для Н. А. Лебедева [44, с. 726; 53, л. 47].

Дорогой Александр Николаевич
Направлено к Вам мое бывшее ассистентом
(в наст. время зав. кафедрой Сидорова)
Киев. Митрофановича
Лебедева и очень прошу уделить ему
некоторое время и внимание. Дело в том,
что он получил очень любопытные и на
первый взгляд удивительные (хотя и не
идеальные) результаты и бытовое название их
маленького объема. Вот являясь в этих
вопросах самым компетентным судьей,
почему я и решил Вас попросить
статейное письмо!
Ваш Шпильский.
24/11-47.

Рис. 15. Письмо Эдуарда Владимировича Шпильского А. Н. Теренину, 24 ноября 1947 г. [112].

Вместе с тем в указанном отчете из КГПИ снова сообщается о том, что заведующим кафедрой была выполнена лишь небольшая часть экспериментальных исследований. Окончание экспериментальной части диссертационной работы задерживалось из-за отсутствия более совершенного на тот момент, но дорогого прибора – кварцевого монохроматора (спектрального оптико-механического прибора, который позволял вычислять абсолютные измерения спектрального распределения энергии излучения источников света, определять коэффициенты

пропускания, отражения и рассеяния, измерять спектр возбуждения люминесценции, проводить фотохимические исследования и т.д.) [53, л. 47; 103, с. 257–260].

Таким образом, в письмах, научных отчетах и в плане по научной деятельности Крымского пединститута видно, что Николай Агафонович стремился дописать и оформить докторскую диссертацию должным образом, качественно и всесторонне подойти к исследованию. Отметим, что процесс написания самого текста диссертации для Н. А. Лебедева был уже заключительным этапом, ведь сначала ему необходимо было получить ценные экспериментальные данные и разработать теоретическую часть исследования, сделать свое открытие (в плане на это отводилось почти 10 лет). Вероятно, он считал, что тщательное оформление научной работы – это также один из признаков ее высокого уровня, был очень внимателен к чистоте и достоверности полученных данных, к точности терминологии, стремясь ясно и четко выражать свои мысли, делать научные выводы. Несомненно, он также искал возможность выезжать за пределы Крыма, планировал научные командировки, чтобы работать над темой в ведущих научных центрах Советского Союза. Но в то же время, жертвуя отведенным ему временем на написание докторской диссертации, он тратил много сил и энергии на подготовку «сотен специалистов – учителей физики школ Крымской области», на «создание прекрасно оборудованного кабинета, обеспечивающего политехническую подготовку будущих учителей» физики, на ведение «большой общественной работы» в КГПИ. Из Биографического справочника о преподавателях нашего вуза за 1918–1993 гг. становится известно, что Николай Агафонович смог завершить текст докторской диссертации, но, к сожалению, не успел защитить научную работу публично в диссертационном совете из-за внезапной смерти 1 мая 1965 г. и, согласно приказу № 116 от 10.05.1965 г., был исключен из списков работников пединститута [9, л. 250; 66; 40, л. 54].

После возвращения Крымпединститута в Симферополь в августе 1944 г. возникла острая потребность в специалистах физиках и геофизиках для восстановления и дальнейшего развития промышленности, как в Крыму, так и в других районах СССР, а также для детального изучения Черного моря. Базой для открытия отделения при физмате Крымского университета должна была послужить кафедра физики во главе с Н. А. Лебедевым вместе с бывшим кабинетом физики, организованным еще академиком А. Ф. Иоффе, профессорами Л. И. Кордыш и И. И. Тихановским в 1920-е – 1930-е гг. (Физическим институтом). В послевоенные годы открытие физического отделения при физико-математическом факультете крымского вуза определялось также и постановлением СНК СССР № 552 «О расширении и улучшении подготовки преподавателей физики для высших и средних учебных заведений» от 24 марта 1945 г. [64, л. 28–30]. В нем были обозначены поощряющие мероприятия для сотрудников вуза, занятых в подготовке будущих преподавателей физики. В частности, п. 2 обязует «наркомпросы союзных республик при приеме на I-е курсы физико-математических факультетов <...> вузов ежегодно зачислять на специальность по физике не менее 50% студентов от общего

приема на эти факультеты; п. 3 <...> обязует «наркоматы и ведомства беспрепятственно освобождать от работы лиц, принятых в аспирантуру по физике»; п. 4 освобождает «от призыва в Красную армию студентов, преподавателей, научных сотрудников, инженеров, мастеров и лаборантов физических и физико-математических факультетов университетов и педагогических институтов»; п. 6 разрешает «Комитету по делам высшей школы при СНК СССР предоставлять профессорам и доцентам физики, работающим более 5 лет в периферийных вузах, научные командировки в крупнейшие вузы и научно-исследовательские институты сроком на 3-4 месяца с сохранением основной зарплаты по месту работы и выплатой командировочных сумм за весь период научной командировки»; п. 10 обязывает «совнаркомы РСФСР, УССР <...> предусмотреть в бюджетах наркомпросов на 1945 г. дополнительные ассигнования в сумме 36,5 млн. руб. на оборудование физических кабинетов средних школ и физических лабораторий высших учебных заведений в районах, освобожденных от немецкой оккупации <...>»; п. 11 обязывает «наркоматы: авиационной промышленности <...>, вооружения <...>, электропромышленности <...>, тяжелого машиностроения <...> изготовить <...> в 1945 г. физические приборы и оборудование для физических и физико-математических факультетов»; п. 12 б) разрешает «руководителям кафедр физики <...> ежегодную выписку научной литературы из-за границы на сумму 300 рублей в год»; п. 13 поручает «Госплану СССР и Комитету по делам высшей школы при СНК СССР в двухмесячный срок разработать <...> план производства на заводах <...> лабораторного оборудования, приборов, <...> лабораторной посуды, необходимых для высших учебных заведений <...>» [64, л. 28–38].

В исследуемый период кафедра физики (с 1945 г. – общей физики, с 1947–1948 гг. – кафедра общей и теоретической физики) находилась в просторном помещении учебного корпуса на ул. Студенческой, 12. В правом крыле 2-го этажа этого учебного корпуса была создана лаборатория по механике и теплоте. Здесь также были оборудованы большая лекционная аудитория и демонстраторская комната. В начале 1945 г. кафедра физики располагала комплектами иностранных журналов, начиная с первых выпусков и до 1930 г. («Zeitschrift für Physik» (=Журнал по физике), «Annalen der Physik» (=Летопись физики), «Physikalische Zeitschrift» (=Физический журнал)). Однако преподавать и заниматься научно-исследовательской деятельностью в КГПИ в данное время было очень трудно: мало специализированной литературы (перед эвакуацией необходимые книги и пособия были упакованы в ящики под личным руководством декана физико-математического факультета, профессора Е. Ф. Скворцова, с целью их сохранения имущество вуза в Махачкале не распаковывали и пользовались библиотекой, наглядными пособиями Дагпединститута, однако, все-таки немалая часть книжных изданий из библиотеки кафедры физики была либо утеряна, либо вывезена во время оккупации немецкими войсками в Германию); для работы со специальным оборудованием ученым физикам приходилось ехать в Москву или Ленинград, им были необходимы частые командировки за пределы полуострова. В первый послевоенный учебный год научно-педагогические кадры вуза были

укомплектованы лишь на 61%. Позже в КГПИ было приглашено 26 преподавателей из других вузов, руководству удалось укомплектовать кафедры в соответствии со штатным расписанием. Несмотря на все трудности, постепенно стал увеличиваться прием студентов, рос штат сотрудников, укреплялась материальная база [110, с. 233; 28, с. 140; 30, с. 52].

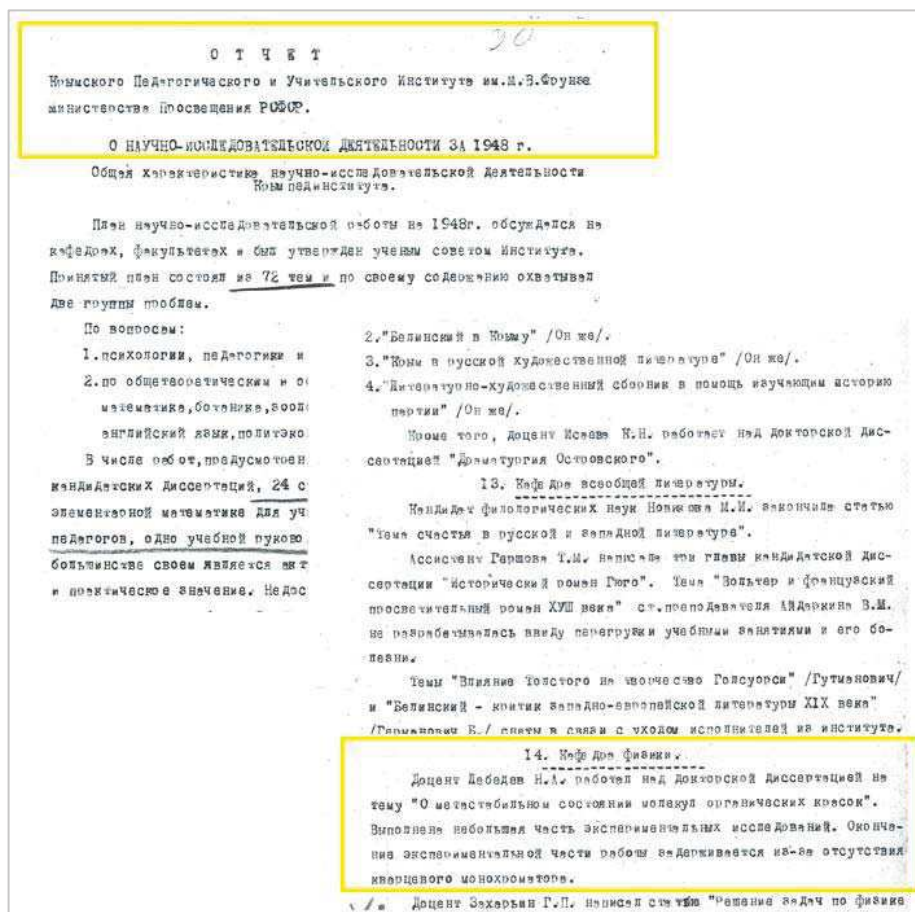

Рис. 16. Фрагмент Отчета Крымского педагогического и учительского института Министерства просвещения РСФСР по научно-исследовательской деятельности за 1948 г. (январь–февраль 1949 г.) [лл. 38, 47 – с указанием новой темы докторской диссертации Н. А. Лебедева] [53].

В составе кафедры физики перед началом Великой Отечественной войны в 1940–1941 уч.г. числилось 8 преподавателей, 7 лаборантов и препараторов (большинство начало свою трудовую деятельность в 1937–1939 гг.):

**«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)**

– профессорско-преподавательский состав: заведующий кафедрой, и.о. доцента Николай Агафонович Лебедев (зав. каф. оклад 140 руб., 1 ст. доц., оклад 700 руб.), доцент Сергей Степанович Потапов (1 ст., оклад 700 руб.), преподаватели Халил Мустафаевич Халилев (1 ст., оклад 700 руб.), Марцинкевич Николай Владимирович (1 ст., оклад 700 руб.), Александр Михайлович Михайлов (совм., 0,5 ст., оклад 350 руб.), ассистенты Абдулла Левфулла Мамин (1 ст., оклад 600 руб.), Петр Павлович Полунин (1 ст., оклад 500 руб.), Надежда Ивановна Несторович (0,5 ст., оклад 300 руб.).

– учебно-вспомогательный состав: ст. лаборанты Д. Г. Стамов, Н. Н. Даниленко, лаборанты В. И. Колышкин, В. Н. Тихановская (во 2-й половине 1920-х г. – библиотекарь Физического института, с 1930 г. – лаборант кафедры), П. И. Златин; ст. препараторы Р. Х. Белкин, А. С. Станкевич (Рис. 17а) [113, л. 6; 115, лл. 13–14].

ШТАТНЫЙ ФОРМУЛЯР
профессорско-преподавательского состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1945/1946 учебный год.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Специальность	Стаж преподав. работы в спец. учеб. заведениях	Стаж в науч. учреждении	Степень	Классификац. категория	Числ. ставок	Дата вступления в должность	Пол	Место рождения	Пол. институт	Год выпуска	Специальность по образованию	Звание	Оклад	Ставка	Страна
I. КАФЕДРА МАТЕМАТИКИ																	
1.	САВИН Алексей Павлович	Элементарная геометрия	6/10	Основ. математики	ст.	9	1	-	член ВШО	1901	рус. м.	Мордов. гос. пед. институт	-	1500	420	Мордов. АССР	
2.	ТЮБОВ Лев Иванович	Стереометрия	Стаж не указан	Синусы, косинусы	ст.	8	1	-	член ВШО	1911	рус. м.	Ленинградский ин-т в 1937 г.	-	1000	550	Армения	
3.	КОЛОДОВСКИЙ Евгений Евгеньевич	Стереометрия	1944	Геометрия	ст.	9	7	-	б/п	1898	рус. м.	Агрон. институт	-	1000	550	-	
61.	РАДИК Анна Григорьевна	Ассист.	1945	Матем.	ст.	-	-	-	член ВШО	1911	рус. м.	Крымский ин-т	-	700	720	-	
62.	РАДИК Леонид Семёнович	"	1944	Геом.	ст.	1	-	-	б/п	1921	рус. м.	Луганск. ин-т в 1943 г.	-	700	720	Крымский ин-т	
II. КАФЕДРА ФИЗИКИ																	
63.	ЛЕБЕДЕВ Ник. Агафонович	Доцент физ. кафе.	-	Специальность не указана	ст.	10	7	доц. кат. 1 ст.	б/п	1911	рус. м.	Моск. пед. ин-т	-	1680	660	Петрозаводск. ин-т	
64.	ПОТАПОВ Сергей Степанович	Доцент	-	Специальность не указана	ст.	12	12	доц.	б/п	1902	рус. м.	Специальность не указана	-	1100	650	-	
65.	НЕСТОРОВИЧ Надежда Ивановна	Ассист.	1942	"	ст.	10	10	-	б/п	1909	рус. м.	Специальность не указана	-	600	720	-	
66.	ПЕТРОВ Алексей Иванович	Доцент физ.	1945	"	совм.	13	-	доц. кат. 1 ст.	-	1900	рус. м.	Одесский ин-т	-	700	330	-	
67.	САРЕВ Ник. Алексеевич	Ассист.	1945	"	ст.	-	-	-	член ВШО	1904	украин. м.	Киевский ин-т	-	700	720	Украина	

Рис. 17а. Фрагмент штатного формуляра учебно-вспомогательного состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1940/1941 учебный год, 7 декабря 1940 г. [115, лл. 12–14]:

– учебно-вспомогательный состав кафедры физики;
– И. М. Сверчинская (Лебедева) (супруга ученого) – лаборант кафедры зоологии КГПИ.

В «Штатном формуляре профессорско-преподавательского состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1945/1946 учебный

год» от 12 декабря 1945 г. имеются сведения, что в состав кафедры физики входили: заведующий кафедрой, доцент Лебедев Николай Агафонович (с учетом научной степени и звания имел оклад 1680 р. и годовую нагрузку в 660 часов); доцент Потапов Сергей Степанович (оклад 1100 руб., нагрузка 660 ч.), ассистент Нестерович Надежда Ивановна (оклад 900 руб., нагрузка 720 ч.). С 1945 г. начали работать на кафедре доцент Петров Алексей Иванович (совм., оклад 700 руб., нагрузка 720 ч.) и ассистент, позже ст. преподаватель, доцент Зарев Михаил Алексеевич (оклад 700 руб., нагрузка 720 ч.) [114, л. 9, 13об.]. Таким образом, на кафедре физики после войны работало всего 5 человек: заведующий кафедрой, 2 доцента (1 – по совм.), 2 ассистента (Рис. 176).

В конце 1940-х – в первой половине 1950-х гг. на кафедре под руководством Н. А. Лебедева работали: ассистенты В. К. Жук, И. И. Петренко, И. Д. Шмеркович; ст. преподаватель А. Е. Панкеева, доценты К. В. Альбин, В. В. Паненко, Р. Г. Бадальян, Г. П. Захарьин [33, с. 45; 77, с. 155, 253; 53, д. 7530, л. 47] (Рис. 18).

учебно-помощательного состава Крымского педагогического института имени М.В.Фрунзе, -
на "1940/41" уч. год.

Наименование кафедры	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Образование / что окончил и когда	Партбилет	Занимаемая должность			Оклад руб.	Примечания	
					Должность в данном вузе	Итат.	Дата приказа о замещении в данном вузе			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Физика	Тимошенко Мария Гордеев.	1900	Крымпединститут	чл. ВПФ 1939	ст. лабор.	итат.	IX.1939г.	2	800 руб.	
Физики	Мамкина Екатерина Эдуар.	1896	Вяткин. лиц. гимназия	б/п	ст. лабор.	итат.	XI.1937 г.	6	600 руб.	
	Мамкина Надежда Васильев.	1896	Валковский 2-я земск. учил.	б/п	лаборант	итат.	XII.1938 г. 1г.8м.	2	225 руб.	
	Камыдина Анна Ивановна	1905	Начальная школа	б/п	препарат.	итат.	IX.1939 г.	1	150 руб.	
Биологии	Шенкин Софья Ивановна	1912	Крымпединститут 1937 г.	чл. ВПФ	ст. лабор.	итат.	IX.1937 г.	3	450 руб.	
	Караман Леонард Николаевич	1889	Крымпединститут 1937 г.	б/п	лаборант	итат.	XII.1938 г.	2	350 руб.	
	Хазанович Эфимья Борисовна	1910	Крымпединститут 1936 г.	б/п	лаборант	итат.	XI.1938 г.	2	350 руб.	
	Белориз Николай Андреев.	1871	Желез. номер. уч. 1886 г.	б/п	ст. препар.	итат.	IV.1936 г.	6	275 руб.	
	Сарачинская Ирина Марков.	1914	Моск. ГИИ 1937 г.	б/п	лаборант	итат.	XII.1938 г.	2	350 руб.	
Математическая физика	Скородина Любовь Никола.	1898	Моск. высш. жен. курс 1917	б/п	ст. лабор.	итат.	XII.1938 г.	8	600 руб.	
	Саламатина Надежда Нитр.	1905	Крымпединститут 1934 г.	б/п	лаборант	итат.	XI.1938 г.	2	350 руб.	
Геометрия	Колупек Досиф Владимирович	1871	Одесск. университет. уч. 1892г. Высш. политехн. 1895 г.	б/п	лаборант	итат.	II.1938 г.	3	350 руб.	
Физики	Стенов Даниил Гаврилович	1910	Крымпединститут /Физмат/ 1932г.	б/п	ст. лабор.	итат.	IX.1937 г.	6	600 руб.	
	Давиденко Николай Николаевич	1909	Гидромет. Ин-т, 1936 г.	б/п	ст. лабор.	итат.	I.1938 г. 2г.8м.	1	350 руб.	С. В. Фрунзе
	Колупек Владимир Иванович.	1916	Новочеркасск. техн. ин-та, чл. ВПФ 1936 г.	б/п	лаборант	итат.	VI.1939 г.	1	350 руб.	
	Тихоновская Вера Николаев.	1886	Кавказск. высш. женск. курс 1915г.	б/п	лаборант	итат.	IX.1939г.	2г.	450 руб.	
	Златин Павел Косефович	1920	Физ. сред. школы	б/п	лаборант	итат.	IX.1939г.	1г.	225 руб.	
	Велин Руслан Ханюков	1886	инж. артиллер. мастер. 1902г.	б/п	ст. препар.	итат.	IX.1939г.	1г.	225 руб.	
	Оттавский Ариадн Семенович	1906	пром. эконом. техн. /И-курс/ 1935г.	б/п	ст. препарат.	итат.	IV.1940г.	1г.	150 руб.	
Иностранная физика	Кирова Ал-нара Дмитриевна	1879	Московский высш. жен. курс 1907г.	б/п	лаборант	итат.	X.1939г.	4	450 руб.	
	Кавказов Борис Данилович	1901	среднеазиатское	б/п	лаборант	итат.	IV.1939г.	1	225 руб.	

Рис. 176. Профессорско-преподавательский состав кафедры физики. Фрагмент штатного формуляра профессорско-преподавательского состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1945/1946 учебный год [114, лл. 11, 13об.].

С 1956 г. по 1964 г. в связи с реформой среднего образования и политехнизации средней школы в пединституте велась подготовка учителей широкого профиля преимущественно для малокомплектных сельских школ. Они одновременно должны были вести уроки по разным дисциплинам («История, русский язык и литература», «Математика, астрономия, черчение», «Физика и основы промышленного производства» и т.д.). В результате чего в КГПИ были пересмотрены учебные планы, переработаны программы курсов лекций, планы семинарских занятий (увеличивалось время для самостоятельной работы студентов, а количество лекционных часов сокращалось). На историко-филологическом, физико-математическом и естественно-географическом факультетах срок обучения увеличился с 4 до 5 лет. Руководство вуза снова решило вернуться к обязательной производственной практике студентов-физиков в мастерских КГПИ (в 1945 г. в структуру института входили только слесарная и столярная мастерские), а также на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в вузе было увеличено количество посадочных мест в лабораториях и мастерских.

Со второй половины 1950-х гг. физический факультет был реорганизован в факультет физики и основ производства. При нем возникла профильная кафедра основ производства, на базе которой готовили учителей физики и труда (несколько выпусков получили объединенную специальность «математика и черчение», «физика, общетехнические дисциплины», позже – «учитель физики и основ производства», «физика и труд» и др.). В студгородке по ул. Студенческая, 10 находились учебно-производственные мастерские со столярным, токарным, слесарным и автомеханическими цехами, где студенты получали навыки работы на токарных и фрезерных станках, обучались стеклодувному делу. Знали переплетно-картонажное дело, для вуза и школ в рамках программы дисциплины «Методика физики» изготавливали как наглядные печатные пособия по соответствующим дисциплинам, так и учебное оборудование (различные приборы) (в 1957 г. студенты-физики создали более 600 пособий). С 1961 г. студенты в мастерских обучались рабочим профессиям, выполняли заказы предприятий города и различных подразделений пединститута. Также они изучали устройство автомобилей и сельскохозяйственных машин, получали права водителей грузовых автомобилей. Эти мастерские обслуживали научную лабораторию и лабораторию физического практикума по изготовлению и ремонту различного оборудования в КГПИ. Теоретические занятия велись преподавателями вуза, а практические – учебными мастерами. Позже в учебные программы внесли ряд изменений, оборудование автокласса и других технических лабораторий, мастерских передали техникумам и сельским школам [77, с. 165, 171, 184–185, 254; 78, л. 103; 29, с. 124, 136]. Теперь увидеть фотографии с изображением ремесленного оборудования, студентов и преподавателей из КГПИ за работой в производственных мастерских можно лишь в МИ КФУ, у нас хранится альбом кафедры общей физики с 41 фотографией (16 л.), созданный ее сотрудниками предположительно в конце 1940-х – начале 1950-х гг.. Так совпало, что в мае 2021 г., как раз к 110-летию со дня рождения Н. А. Лебедева, этот ценный фотоальбом подарил музею его бывший

студент Адам Карпович Дабахов, он обучался на физико-математическом факультете КГПИ в 1959–1964 гг., а с 1980 г. по 2021 г. был заведующим лабораторией кафедры общей физики этого вуза (Рис. 19).

Главные направления научных исследований Н. А. Лебедева сформировались во время работы в Крымском государственном педагогическом институте. Благодаря его инициативам и кропотливому труду на кафедре общей физики конца 1940-х – 1950-е гг. наблюдался быстрый рост масштабов научной деятельности, для которой характерны широта и разнообразие в постановке задач исследований. Изучение интенсивности ультрафиолетового излучения Солнца на кожу человека становится одним из основных направлений, разрабатываемых Н. А. Лебедевым и его учениками в течение многих лет, также он уделял большое внимание климатолечению, активно изучал поляризацию и фотохимию красителей. Исходя из данных пятилетнего научного плана института за 1946–1950 уч. г., известно, что в 1947 г. за кафедрой общей физики была закреплена научная тема «Изучение физических свойств крымского кальцита» с целью дальнейшего его использования в оптике. Предполагалось написание статей по теме заведующим кафедрой и сотрудниками, научные командировки преподавателей в Москву, а также выделение им денежных средств в размере 3000 руб. на проведение экспериментальных работ и ознакомления с научной литературой [73, л. 9].

В первые послевоенные десятилетия активно приветствовалась связь фундаментальной (академической) и прикладной (отраслевой) науки. В процессе творческой работы ученый также стремился искать научную суть прикладной проблемы, что позволило ему в содружестве с сотрудниками института, работниками заводов и санаториев внести кардинальные улучшения в развитие специальных технологий и особых методов лечения. Важное значение имели приборы, созданные Н. А. Лебедевым в 1950-х гг. Он проявлял интерес ко всему новому и обладал способностью предвидеть возможное практическое применение своих, казалось бы, отвлеченных изысканий. Так, согласно отчету по научной деятельности вуза в МП за 1945–1946 уч. г., заведующий кафедрой общей физики провел исследование степени отжига стекла методом поляризованного пучка света, сконструировав прибор для производства отбраковки стеклянной тары. Данный прибор был отдан на испытание на консервный завод 1 мая в г. Симферополь [51, л. 29].

Благодаря своим научным разработкам доцент Н. А. Лебедев был тесно связан с санаторно-курортным делом по линии климатолечения и климатотерапии, одним из основных методов которого выступала гелиотерапия (солнцелечение). В СССР была развернута активная борьба с костно-суставным туберкулезом, туберкулезом желез и кожи у различных возрастных категорий населения, с последствиями полиомиелита у детей. Солнечные ванны для больных, находящихся на санаторно-курортном лечении, применялись также при различных заболеваниях нервной системы, болезнях почек, нарушении обмена веществ у пациентов. Лечение Солнцем и приморским воздухом проводилось в сочетании с ортопедическими мерами и физкультурой. Отсутствие качественных контрольных приборов,

измеряющих ультрафиолетовую радиацию Солнца в период принятия солнечных ванн, часто приводило к передозировкам и тяжелым осложнениям амбулаторных больных в связи с их перегревом, получением ожогов кожного покрова и резким падением гемоглобина. Для более рационального использования Солнца, вопрос об уточнении его дозировки был весьма важен и требовал самого серьезного внимания и подробного изучения. Ради повышения эффективности лечения и медицинской реабилитации пациентов, Николай Агафонович всесторонне изучил проблему применения физиологически обоснованных методов дозирования климатопроцедур. Он понимал, что благодаря созданию новых приборов можно существенно улучшить методы измерения ультрафиолетового излучения Солнца на организм человека (на его кожный покров) и больше не подвергать риску здоровье пациентов.

Рис. 18. Доцент Н. А. Лебедев с выпускниками и коллегами физико-математического факультета, 9 июля 1948 г. Преподаватели справа налево во втором ряду, сидят: 1 – Николай Андреевич Никулин, 2 – Николай Агафонович Лебедев, 3 – Евгений Федорович Скворцов, 4 – Н. А. Лялин, 5 – Леонид Григорьевич Голосовский, 6 – Рубен Григорьевич Бадалян, 7 – Анна Михайловна Радик?; во втором ряду сверху пятый: Борис Аронович Манзон.

Из фондов МИ КФУ.

Общеизвестно, что, с одной стороны, УФ-излучение вызывает ожоги различной степени, потерю эластичности кожи и преждевременное старение, а с другой – играет важную роль в обеспечении организма витамином Д₃ (холекальциферол), регулирующим процесс фосфорно-кальциевого обмена. Поэтому четко дозированное УФ-излучение широко применяется и в современной медицинской практике, в первую очередь, как бактерицидное и заживляющее средство. Само действие УФ-излучения на кожу человека представляет собой воспалительную реакцию (покраснение кожи), называемую эритемой. В медицинской практике для дозирования широко используются понятия минимальной эритемной дозы (МЭД) (доза облучения, вызывающая минимальное покраснение кожи) и «биодозы» (минимальная продолжительность УФ-облучения кожи, необходимая для возникновения слабой, но ясно очерченной эритемы). МЭД значительно варьируется для различных участков тела: для кожи живота белого незагорелого человека составляет 210 Дж/м², а для кожи ноги – 780 Дж/м². Доза УФ-В-излучения, превышающая 10 МЭД, способна вызвать сильный ожог кожи. Эритемная реакция кожи человека на УФ-излучение особенно зависит от типа кожи, которую условно можно разбить на три группы (светлая (молочно-белая), нормальная и смуглая) и продолжительности облучения. Опасность действия УФ-излучения заключается в том, что в момент получения сильной дозы облучения кожи человек может просто ничего не почувствовать и в итоге получить сильный ожог даже за непродолжительное время пребывания под солнечными лучами. Поэтому все вышесказанные обстоятельства необходимо учитывать при определении допустимой дозы УФ-облучения кожного покрова и его влияния на физическое состояние тела человека, для правильной дозировки следует обращаться за советами к медикам, которые обязательно будут учитывать тип человеческой кожи и давать рекомендации по приему солнечных ванн без вреда для здоровья. Известно, что интенсивность солнечной радиации, поступающей на Землю, сильно зависит от высоты стояния Солнца, максимальное значение которой приходится на летний полдень, однако, данная высота для разных регионов различна. Эти советы весьма оправданы при климатолечении, особенно при гелиотерапии на южном берегу Крыма в безоблачный полдень летнего дня. Для другой местности, в разное время года и при различном состоянии атмосферы (облачность, дымка, озон) эти рекомендации могут быть необъективными. В связи с этим весьма актуальной проблемой являлось обеспечение возможности точного измерения дозы УФ-радиации с помощью создания специального актиметрического прибора – автоматического дозиметра, который мог бы отсчитывать определенные порции энергии, падающей на горизонтальную поверхность ультрафиолетового излучения Солнца. Н. А. Лебедев лично сконструировал такой образцовый прибор на основе новой отечественной измерительной техники, а собрали данную установку лаборанты кафедры физики КГПИ. Перед созданием дозиметра-интегратора он тщательно изучил особенности солнечной радиации на южном берегу Крыма, где расположена значительная часть лечебных санаториев. Совместно с аспирантами и сотрудниками кафедры, в частности, с И. Д. Шмерковичем, Николай Агафонович

**«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)**

подробно описал принцип работы созданного им автоматического дозиметра и специфику наблюдений над ультрафиолетовой радиацией Солнца в Крыму. Результаты его научных изысканий и экспериментальные данные по проблеме были отражены в ряде научных статей и тезисах докладов научных конференций и симпозиумов [29, с. 145–146; 33, с. 45; 38, с. 293–299; 37, с. 11–16; 27; 70].

Рис. 19. Производственные мастерские: обложка альбома фотографий кафедры физики КГПИ конца 1940-х – начала 1950-х гг. (вверху, слева), студенты на практикуме в ремесленных мастерских (вверху, справа). Из фондов МИ КУ. КП ОФ № 7/2948; лаборатория токарного дела КГПИ, 1959 г. (внизу, слева); преподаватели физики КГПИ: заведующий кафедрой Н. А. Лебедев с коллегами на заседании кафедры физики, 1950-е гг. (внизу, справа). Из фондов МИ КФУ.

Таким образом, знание основ климатолечения и правил приема солнечных ванн приобретает особый смысл при нахождении на пляжах крымского побережья, так как солнцелечение до сих пор занимает одно из важнейших мест среди других климатических факторов, применяемых с лечебной и профилактической целью. Автоматический дозиметр, которому Н. А. Лебедев нашел практическое применение в климатологии и климатотерапии, значительно упростил процедуру определения уровня доз солнечной радиации и позволил медикам самостоятельно проводить контроль получаемой эритемной дозы у пациентов.

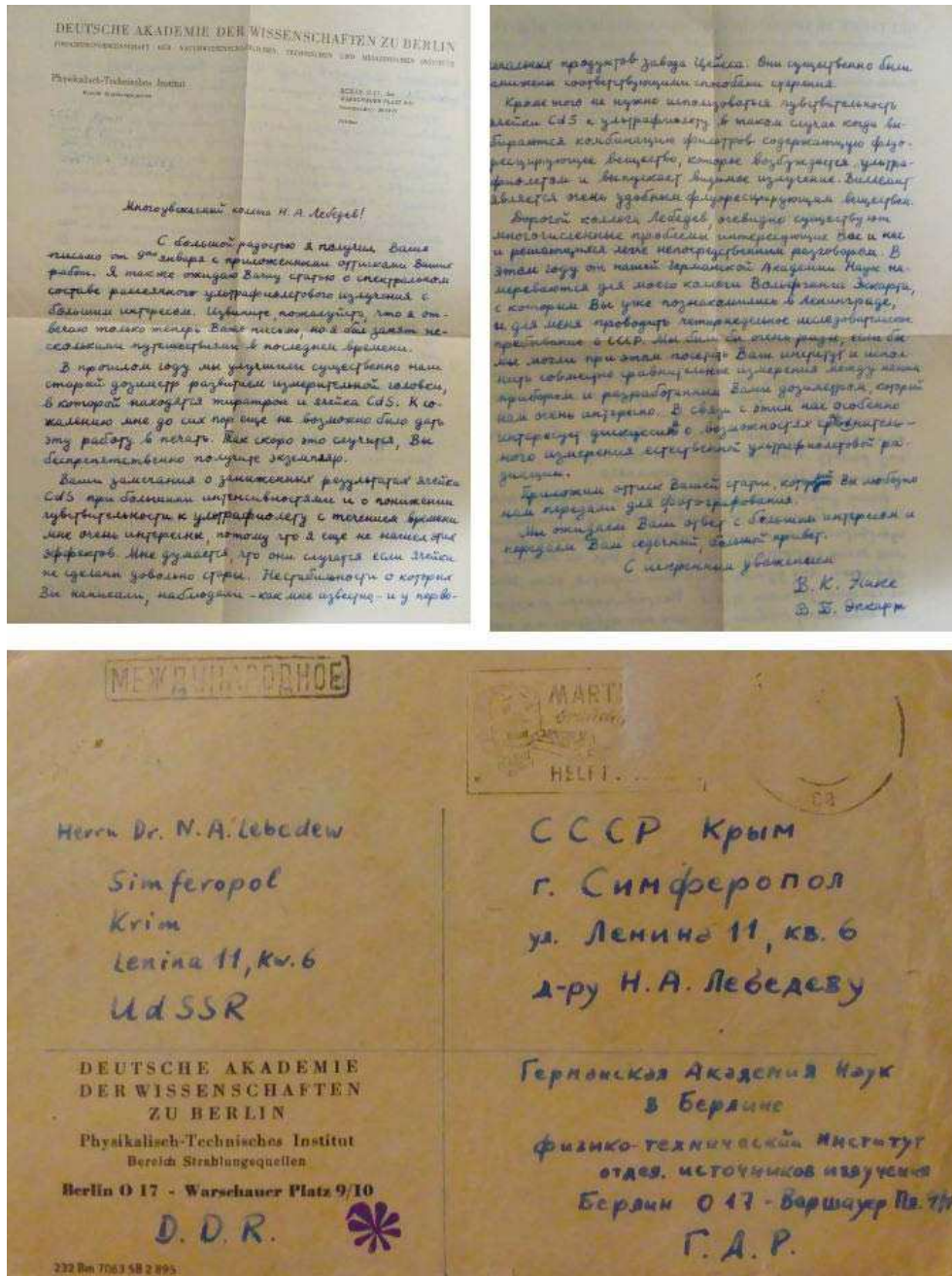

Рис. 20. Письмо Н. А. Лебедеву от сотрудников Физико-технического института Германской академии наук в Берлине (ГДР) В. К. Эшке, В. Б. Эккарта, 23 марта 1959 г., лл. 1–1об. [60].

В последний период научно-педагогической деятельности, в конце 1950 – начале 1960-х гг., на фоне всплеска интереса к изучению и освоению космического пространства в стране Николай Агафонович также воодушевился этой темой. В куполе учебного здания по ул. Студенческая, 11 был создан планетарий, на его крыше была смонтирована площадка для исследований космических частиц студентами и преподавателями кафедры. Руководил этими наблюдениями доцент Н. А. Лебедев [77, с. 254].

Однако следует отметить, что во время экспериментальных работ с аппаратами для УФ-облучения, или УФ-облучателями, применяемых с целью гелиотерапии, Н. А. Лебедев использовал ртутные трубчатые (так называемые ртутно-кварцевые) или люминесцентные эритемные лампы низкого давления, колбы которых были выполнены из специального, но весьма хрупкого увиолевого стекла. По воспоминаниям упомянутого выше студента физико-математического факультета А. К. Дабахова, который лично знал Н. А. Лебедева в последние годы его жизни, известно, что в физической лаборатории КГПИ во время проведения им различных экспериментальных работ часто разбивались колбы ламп и разливалась ртуть. По словам А. К. Дабахова, ученый-физик часто ощущал сильные недомогания, у него даже начали выпадать зубы, так как он много времени проводил в лаборатории института, регулярно подвергаясь хроническому воздействию высокой концентрации ртути¹. А ведь вдыхание паров ртути могло вызвать у него серьезные проблемы со здоровьем: они воздействовали на его нервную, пищеварительную и иммунную системы, легкие и почки. Возможно, работа с токсичными препаратами могла привести к скоропостижному и преждевременному уходу доцента, который горел работой и сгорел на ней, не дожив 23 дня до своего 54 дня рождения. К сожалению, в эти годы учеными-физиками и их помощниками часто использовалось экспериментальное оборудование, содержащее ртуть и другие токсичные вещества в лампах и измерительных приборах. И им не всегда удавалось осуществлять безопасное обращение, использование и утилизацию данной продукции, что, в свою очередь, могло привести к их летальному исходу.

Плодотворные научные идеи ученого вместе с присущей ему чуткостью, благожелательностью и вниманием к молодежи привлекали к Николаю Агафоновичу многочисленных учеников и последователей. Он был тесно связан со многими отраслевыми научно-исследовательскими институтами и крупными заводами региона.

С 1945 г. при его всесторонней поддержке и участии кафедра общей физики КГПИ начала вести подготовку аспирантов. Из Объяснительной записки Крымского педагогического института к финансовому отчету института за 1948 г. узнаем, что,

¹ Устные воспоминания А. К. Дабахова о кафедре физики и ее заведующем, доценте Н. А. Лебедеве были зафиксированы хранителем музейных предметов Э. М. Ислямовым 19 мая 2021 г., в день передачи фотоальбома кафедры физики 1940–1950-х гг. в фонды МИ КФУ. Симферополь, Музей истории КФУ им. В. И. Вернадского, 19.05.2021 г. Подробнее об этом событии можно узнать из раздела новостей на сайте музея: <http://museum.cfuv.ru/новые-поступленияальбом-фотографий/>

на кафедре в это время числилось 2 аспиранта первого года обучения, из них: «<...> 1 по общей физике (Белянский Л. П.) и один по методике (Альбин К. В.) <...>».

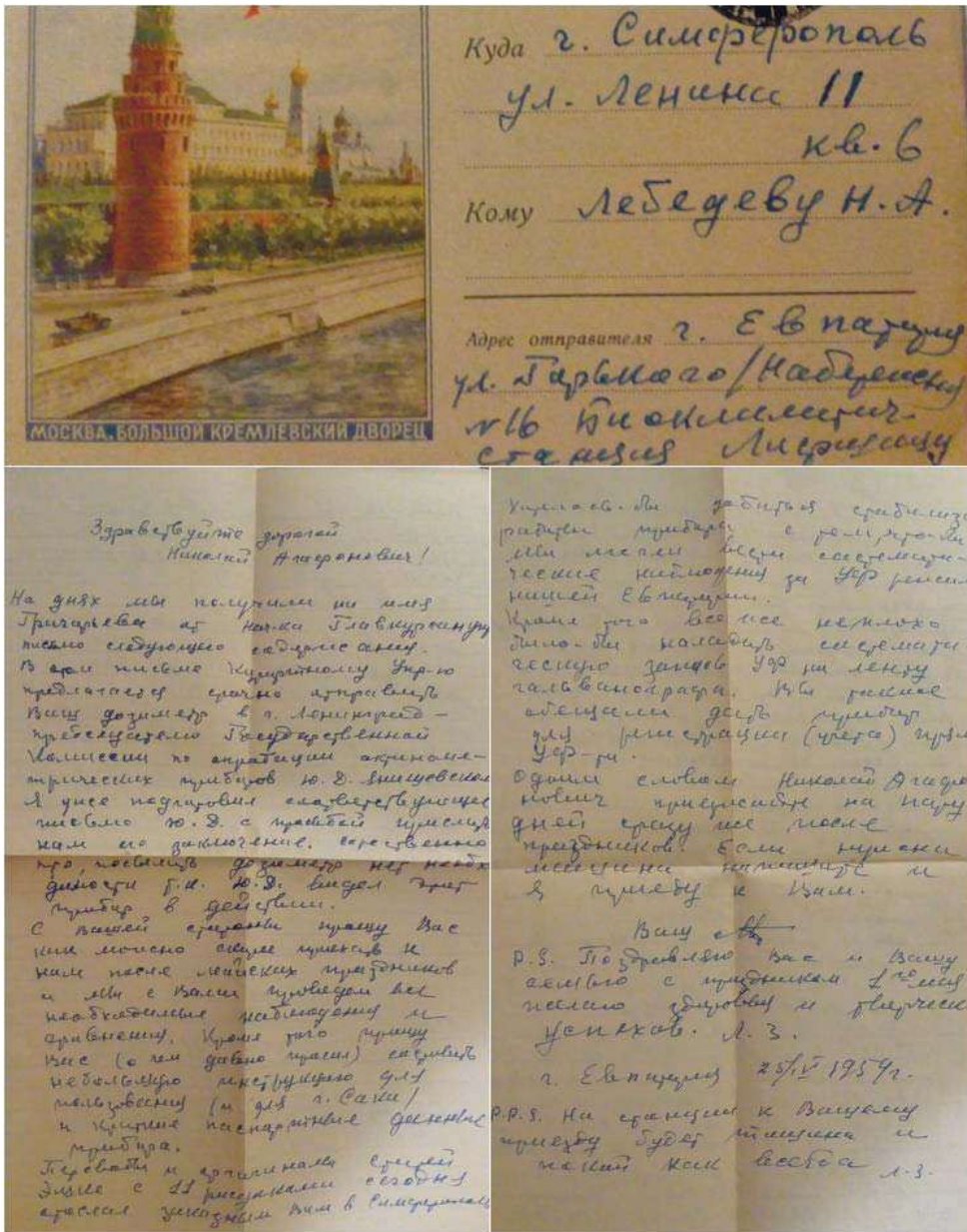

Рис. 21. Письмо Н. А. Лебедеву от сотрудника Биоклиматической станции г. Евпатория [Л. З.], 25 апреля 1959 г., лл. 1-1об. [58].

В 1957–1965 гг. у одного только Н. А. Лебедева насчитывалось уже 16 аспирантов, из них 5 защитилось. В связи с чем, он был отмечен как один из наиболее активных научных руководителей аспирантов в первое послевоенное десятилетие, среди которых также значились Е. Ф. Скворцов, Н. А. Троицкий, П. Т. Данильченко, Е. В. Петухов, С. Л. Делямуре, В. Н. Мигирин и др. Николай Агафонович часто помогал молодым ученым института с публикациями научных статей, подбором материалов, поиском места защиты диссертации и т.д. Постоянно консультировал многие работы, был доступен любому аспиранту или студенту, не считаясь со своей большой загруженностью, детально обсуждал с ними результаты различных исследований, давал ценные советы, намечал новые перспективы.

Нами выявлено, что под его научным руководством защитили кандидатские диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук Г. М. Кисляк (в будущем – доцент кафедры химии и физики Полтавского инженерно-строительного института); В. П. Ромбах (позже – доцент кафедры физики Луганского государственного педагогического института им. Т. Шевченко, в 1994 г. – выехал в США, стал научным руководителем Научно-исследовательской лаборатории предотвращения техногенных катастроф); М. И. Эйдельберг (позже – доцент кафедры общей физики КГПИ им. М. В. Фрунзе), Т. А. Коростелина (в будущем – доцент кафедры астрономии и методики физики, декан физического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе) и, возможно, В. А. Каравацкая (сведения о предоставлении рукописи диссертации к защите в МПИ им. Ленина отмечены в личном деле Н. А. Лебедева и в Объяснительной записке к бухгалтерскому отчету Крымского педагогического института за 1953 г.) [48, л. 74; 33, с. 45; 32; 75, с. 4, 31; 9, л. 249–250; 77, с. 254, 412; 29, с. 132; 82, с. 48; 81, с. 209; 40, л. 53, 47, л. 37].

Нами также определено, что у доцента Н. А. Лебедева было издано 18 научных публикаций (научные статьи и тезисы докладов конференций), написанных с большим мастерством и со знанием темы исследования. Библиографический список трудов ученого составлен на базе сохраненных работ физика в МИ КФУ и библиографического сборника трудов преподавателей КГПИ им. М. В. Фрунзе за 1957–1967 гг. [8], приведен в конце данной статьи. Его научные изыскания нашли широкое признание и отклик, высоко оценивались в научной литературе. Весомый вклад Н. А. Лебедева в развитие отечественной физики, согласно его научным трудам, определялся его исследованиями по проблемам сенсбилизации солей уранила, люминесценции, флуоресценции, фотохимией красителей, дозирования ультрафиолетовой радиации Солнца и ее воздействия на кожу человека и др. Из «Отчета о выполнении плана научно-исследовательской работы Крымского Педагогического и Учительского института им. М. В. Фрунзе за 1950 г.», который составил и подписал доцент Н. А. Лебедев, занимая в это время должность заместителя директора вуза по научно-учебной части, становится известно, что кафедра физики по плану должна была вести работу над созданием книги «Справочник по физике». Авторами издания выступили доценты Н. А. Лебедев, Г. П. Захарьин и С. С. Потапов. Однако в связи с тем, что последние два

преподавателя уехали из Симферополя, данный проект пришлось исключить из плана и, к сожалению, справочник так и не был издан [54, л. 113].

Его выступления на региональных и всесоюзных научных конференциях в различных городах Крыма и других регионах страны (Алупка, Симферополь, Ялта; Киев, Ленинград, Тарту, Минск и др.) стали важным событием в научной биографии физика. Участие в данных мероприятиях позволило Николаю Агафоновичу установить тесные многолетние научные и деловые контакты, впоследствии перешедшие в большую плодотворную научную дружбу, как с советскими учеными, так и с учеными из стран ближнего и дальнего зарубежья, и совместно с ними работать над общими проблемами в области физики и химии.

Лебедев придавал большое значение обмену научной информации и публикациям коллег по интересующим его научным направлениям, особенно связанных с вопросами дозиметра и УФР. Об этом свидетельствует сохраненная им личная коллекция писем, адресованных ему от сотрудников разных научных организаций (1950-е – начало 1960-х гг.), собрание отпечатков статей исследователей с дарственными надписями от авторов. Документы находятся в мемориальной личной коллекции Н. А. Лебедева в МИ КФУ.

Во-первых, это переписка с учеными из различных научных учреждений ГДР и Крыма. Из письма от 9 апреля 1958 г. соавтора научных статей Н. А. Лебедева Б. А. Перова (сотрудник Научно-исследовательского института медицинской климатологии и климатотерапии им. И. М. Сеченова, переименованного в 1955 г. в «Украинский НИИ медицинской климатологии и климатотерапии им. И. М. Сеченова МЗ УССР» (г. Ялта); 1956–1960 гг. – руководил НИИ профессор С. Р. Татевосов) узнаем, что в это время дозиметр Лебедева уже начали использовать для измерения УФ излучения и дозирования солнечных ванн в Гурзуфе [59].

В письме от 23 марта 1959 г., полученном от коллег из отдела источников излучения Физико-технического института Германской академии наук в Берлине (ГДР) В. К. Эшке и В. Б. Эккарта, обсуждался ряд важных вопросов: об обмене отпечатками научных статей, о разработке дозиметра и способах его совершенствования, о возможном проведении совместных наблюдений, измерений и сравнений немецкого прибора и дозиметра Лебедева [60] (Рис. 20).

В письме работника Биоклиматической станции г. Евпатория (БКС) от 25 апреля 1959 г. [прим. В. И. – в письме есть только инициалы автора «Л. З.», пока нами не атрибутированы, и личная подпись автора] обсуждались проблемы, связанные с бесперебойной и систематической работой прибора, говорилось о просьбе сотрудников Биоклиматической станции составить для них и коллег из г. Саки специальную инструкцию по использованию данного прибора и краткие паспортные данные дозиметра для проведения систематических наблюдений в Евпатории, для правильного использования и ремонта в случае выхода из строя. Несмотря на то, что в личном листке по учету кадров физик указал, что английским языком владеет «слабо», а немецким «хорошо» (теоретически мог вести переписку с коллегами из Берлина на немецком языке), сотрудник станции из Евпатории

[«Л. З.»] сообщил Н. А. Лебедеву в письме, что он свои переводы и оригиналы статей [В. К.] Эшке с 11 рисунками «сегодня отослал заказным [письмом] Вам в Симферополь <...>» (Рис. 21). Отметим, что Биоклиматическая станция в г. Евпатория являлась первой подобной станцией в Крыму. Она была создана в 1925 г. на базе биофизического кабинета клинического санатория «Таласса» им. Н. А. Семашко и прекратила свою работу в 2016 г. Сотрудники БКС занимались проверкой приборов, измеряющих мощность лучистой энергии в видимой, ультрафиолетовой и инфракрасной областях спектра. Они проявляли заметный интерес к новым разработкам дозиметров-интеграторов, так как с 1956 г. именно евпаторийские курорты во время лечения всех видов туберкулеза, кроме легочного, начали активно использовать эти приборы, впервые перешли с дозирования солнечных ванн по калориям (разработки А. Н. Бойко) на их дозирование в лечебных дозах с учетом ультрафиолетового (УФ) излучения Солнца, ввели систему отсчета биодоз [26, 150–152; 58; 40, л. 2].

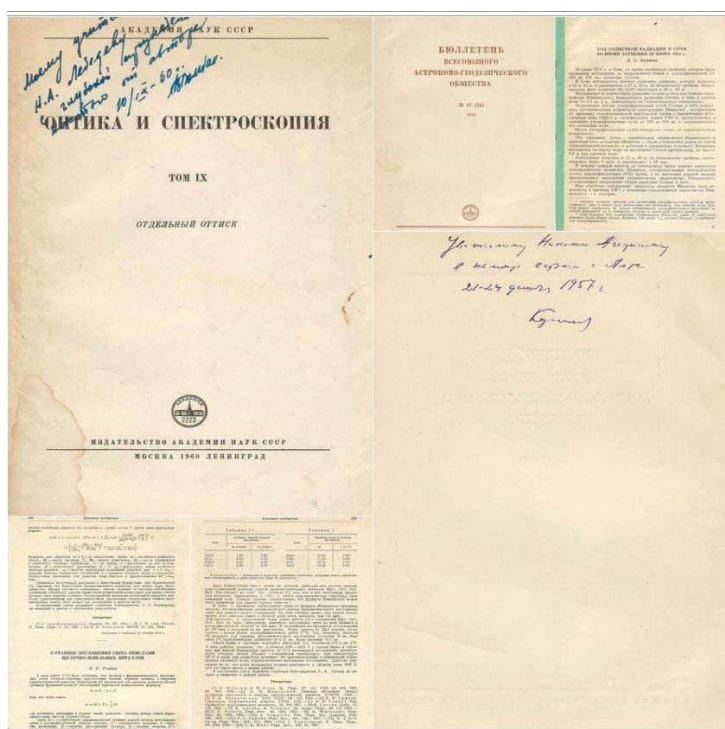

Рис. 22. Оттиски из научных статей с дарственной памятной надписью от авторов для Н. А. Лебедева: публикация аспиранта Ромбаха В. П. (слева) [76]; статья начальника физиотерапевтического отделения санатория им. Я. Фабрициуса (ныне – Центральный военный клинический санаторий «Сочи», г. Сочи) Л. А. Куничева (справа) [35].

Во-вторых, несомненный интерес представляют оттиски научных работ с дарственной надписью Лебедеву и автографами от ученых, специализирующихся на изучении солнечной радиации, климатологии, климатотерапии. Например, в Музее истории КФУ им. В. И. Вернадского хранятся отдельные оттиски статей от подполковника медицинской службы Д. А. Пушкарева с автографом: «Многоуважаемому доценту Лебедеву от автора. 24.07.1957 г.»; от заслуженного врача РСФСР, начальника физиотерапевтического отделения санатория им. Я. Фабрициуса (ныне – Центральный военный клинический санаторий «Сочи», г. Сочи) Л. А. Куничева с автографом и памятной дарственной надписью: «Уважаемому Николаю Агафоновичу в память встречи в Ялте. 21–24.12.1957 г.» и др. Л. А. Куничев разработал актинометрические таблицы, они позволяли дозировать прием солнечных ванн в больших группах пациентов с учетом эритемной чувствительности кожи, им также изучалось влияние интенсивности солнечной радиации и определялись рекомендуемые биодозы в разное время года и дня [72; 35]. В фондах МИ КФУ также сохранился оттиск статьи аспиранта В. П. Ромбаха с благодарностью Николаю Агафоновичу и личной подписью автора: «Моему учителю Н. А. Лебедеву с глубокой признательностью от автора. 10/IX-60 г.» (Рис. 22) [76].

В МИ КФУ хранится ценная и уникальная в своем роде подборка поздравительных телеграмм-подлинников (25 ед. хр.), отправленных Николаю Агафоновичу в первой половине июля 1961 г. от имени коллег и сотрудников различных организаций по случаю торжественного празднования его пятидесятилетнего юбилея и 25-летия трудовой деятельности [прим. В. И. – отсчет лет до юбилейной даты велся от времени занятия им должности ассистента в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина до доцента, заведующего кафедрой физики и заместителя директора по учебной и научной части в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе] [83–102; 66]. Данное собрание телеграмм, безусловно, является ярким свидетелем его обширных научных и дружеских связей со многими учеными из различных городов Советского Союза. Половина из сохранных в МИ КФУ телеграмм – это художественные открытки с текстовым сообщением, которое, либо сразу печатали, либо размещали на бумажной ленте с клейкой оборотной стороной, которую затем для удобства чтения наклеивали на стандартный художественный бланк (12 открыток-телеграмм, двойной формат). Вторая часть посланий – 13 телеграмм, которые оформлены на обычном черно-белом бланке (одинарный формат). Все телеграммы были установленного образца, специально разработанного Министерством связи СССР. Чаще всего текст сообщений был четко и разборчиво напечатан на лицевой стороне телеграфного бланка или на светлой бумаге заглавными буквами, строчки на бланках наклеены ровно, без помятостей и перекосов. Рисунки на этих документах были созданы на рубеже эпох и отражали переход художественных стилей, запечатленных в специально созданных и зашифрованных тематических сериях изображений (отметка о виде телеграммы, где при заказе документа отправителем указывался номер серии бланка с

соответствующим рисунком). Отправленные телеграммы-открытки были выполнены в различных стилях:

а) в стиле пышного сталинского ампира конца 1950-х гг. (красочный букет роз или сирени в хрустальной изящной вазе (Серии Р-16, Ш-22), телеграммы от коллег из кафедры зоологии и преподавателя кафедры геометрии КГПИ им. М. В. Фрунзе Анны Михайловны Радик) [97; 83; 114, л. 13об]; (кирпичные ярко-красные стены Кремля (г. Москва), (Серии Г-4; Я-26), телеграмма от сотрудников кафедры физики Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина) [99];

б) в лаконичном т.н. «суровом стиле» начала 1960-х гг. с менее заметным фоном (букет ромашек и маков (Серия Е-6), хризантем (Серия И-9), телеграмма от сотрудников кафедры русского языка, кафедр ботаники и основ сельскохозяйственного производства КГПИ им. М. В. Фрунзе [98; 96]); (памятник Богдану Хмельницкому (г. Киев) (Серия У-1), от аспиранта Н. А. Лебедева Григория Михайловича Кисляка [86]; государственный флаг УССР (Серия У-2), телеграмма от студентов-физиков КГПИ, выпуск 1961 г. [102]) (Рис. 23).

Встречаются и казусные случаи. Вместо обычных поздравительных тематических бланков с шифром серии Я-26 Н. А. Лебедеву отправили две телеграммы от 4 июля 1961 г. на бланке «1 мая» (Серия Г-4) с поздравительными посланиями в честь юбилея ученого. Речь идет о телеграммах из Москвы от Александра Федоровича Перехода (директор КГПИ им. М. В. Фрунзе с 1960 г. по 1972 г., с 1972 г. по 1977 г. – ректор СГУ им. М. В. Фрунзе) и Симферополя от Николая Романовича Одинца (доцент кафедры марксизма-ленинизма (кафедры политической экономии) КГПИ) [84; 91; 29, с. 132].

Несмотря на то, что все сообщения оформлены особым телеграфным стилем (сжато и с опущенными предложениями, так как отправитель стремился уместить в минимальное количество слов максимальный объем информации), многие из них содержат весьма важные и ценные сведения. Прежде всего, в телеграммах имеются данные о самом получателе или отправителе (фамилия, имя, иногда отчество, должность [прим. В. И. – все атрибутированные автором данной статьи должности ученых указаны за вторую половину 1950-х гг. – начало 1960-х гг.], часто представлен профессорско-преподавательский состав кафедр вузов), об учреждении или организации (полное название), о времени приема и пункте назначения. Кроме того, в исследуемых телеграммах передаются особенности личного взаимоотношения между отправителем телеграммы и адресатом, выраженные в теплых словах поздравлений имениннику. Например, коллеги по Крымскому педвузу (сотрудники кафедры зоологии) изложили свои пожелания следующим образом [прим. В. И. – здесь и далее в цитатах из телеграмм сохранены особенности орфографии, стиля и пунктуации оригиналов]: «Дорогой Николай Агафонович коллектив кафедры зоологии сердечно поздравляет Вас с пятидесятилетием желает новых творческих успехов здоровья многих лет жизни и дальнейшей плодотворной работы в области подготовки кадров учителей» [88]. От коллег-физиков из КСХИ им. М. И. Калинина (во второй половине 1940-х гг. Н. А. Лебедев работал по совместительству на этой кафедре) пришло дружеское поздравление: «Дорогой

Николай Агафонович! Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием Вашей жизни. Желаем многих лет творческого труда в деле образования и воспитания учительских кадров.=Сотрудники кафедры физики Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина Катков, Жибинов, Григоров, Важов, Несторович, Ярошенко» [99]. Из поздравительной телеграммы от 7 июля 1961 г. узнаем, что профессор Павел Трофимович Данильченко был на момент празднования юбилея в Алуште, из-за болезни не смог лично поздравить Николая Агафоновича с юбилеем: «Дорогой славный Николай Агафонович всего сердца горячо поздравляю всвязи пятидесятилетием желаю крепкого здоровья долгих долгих лет жизни новых успехов науке болезнь помешала мне лично вас обнять и крепко пожать руку=Данильченко» (Рис. 24) [92].

Благодаря тому, что в музейной коллекции встречаются телеграммы с отметкой «вручить (дата)», где указан срок доставки сообщения, мы можем с уверенностью назвать дату проведения запланированного торжества по случаю юбилея Н. А. Лебедева. Известно, что большая часть из них (несмотря на то, что день рождения ученого 24 мая) была отправлена в начале июля 1961 г. и передана адресату либо в тот же день, либо на следующий. Так, телеграммы из «Профбюро» и от «заведующего кафедрой математики Скрыдлова» КГПИ (к.ф.-м.н., доцент, позже заведующий кафедрой геометрии В. Н. Скрыдлов) были отправлены 3 июля с указанием того, что юбиляру их «необходимо вручить 4 июля» ко дню чествования [89; 93; 29, с. 132]. Эту же дату празднования указывает в тексте приказа от 4 июля 1961 г. о вынесении благодарности ученому замдиректор по учебно-научной части М. М. Максименко: «Сегодня общественные организации физико-математического факультета педагогического института им. М. В. Фрунзе отмечают 50-летие со дня рождения и 25-летие трудовой деятельности зав. кафедрой физики Николая Агафоновича Лебедева» (Рис. 25). Кроме того, часто на обороте этих бланков встречается печать-табличка, из которой можно узнать, когда и откуда была принята телеграмма, так как здесь четко фиксируется час, минуты, место отправки и т.д. В поздравительной телеграмме Николаю Агафоновичу аспирант Владимир Павлович Ромбах вместе с подписью-пожеланием выразил огорчение, что не смог получить приглашение на торжество ранее, поэтому ему не удалось приехать вовремя и лично поздравить своего учителя: «Поздравляю днем рождения желаю крепкого здоровья успехов жизни научной и учебной работе всегда с благодарностью вспоминаю Вас сожалею что получил приглашение лишь сегодня=Ромбах». Кстати, другой его аспирант Г. М. Кисляк отправил руководителю поздравительную телеграмму только 8 июля, т.е. намного позже намеченного дня празднования, поэтому также не смог присутствовать на юбилее [66; 86; 85].

Знания и опыт, организаторские способности Н. А. Лебедева, полученные в период эвакуации в Дагпединституте, когда он занимал должность заместителя директора по заочному обучению, немало способствовали его успешной работе на посту замдиректора по научно-учебной части КГПИ [66].

**«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)**

Рис. 23. Поздравительные телеграммы-открытки в честь 50-летия Н. А. Лебедева от коллег и друзей, выполненные на художественном бланке (двойной формат) в стиле пышного сталинского ампира конца 1950-х гг. и в лаконичном т.н. «суровом стиле» начала 1960-х гг.

Следует сказать, что в послевоенное время должность заместителя директора по учебной и научной части КГПИ им. М. В. Фрунзе занимали достаточно энергичные и деятельные сотрудники, которым удалось организовать эффективный учебно-воспитательный процесс и успешную научно-исследовательскую работу

вуза: 1944–1945 гг. – доцент кафедры всеобщей истории К. И. Тодорский (2 года); 1945–1947 гг. – доцент кафедры русского языка М. С. Лапатухин (2 года); 1948–1951 гг., 1953–1957 гг. – доцент кафедры общей физики Н. А. Лебедев (7 лет, с перерывом); 1957–1960 гг. – старший преподаватель кафедры химии А. Ф. Переход (3 года); 1960–1964 гг. – доцент кафедры истории СССР М. М. Максименко (4 года); 1964–1965 гг. – доцент кафедры ботаники М. В. Сивцев (1 год); 1965–1987 гг. – доцент кафедры экономической географии В. Г. Ена (22 года) [52, л. 21; 114, л. 12об.; 50, с. 110; 3, с. 51; 77, с. 155; 53, л. 51; 40, л. 33; 13, с. 217; 14, с. 355] (Рис. 26а, б, в).

Учитывая то, что Н. А. Лебедев был дважды назначен на должность замдиректора, говорит о признании его научного авторитета и способности управлять большим и сложным коллективом, принимать ответственные и непоколебимые решения в различных административных вопросах. Он был одним из тех, кто в этот период «много сил приложил для того, чтобы улучшить качество научной и учебной работы в институте» [66]. В указанные годы, согласно Уставу КГПИ 1939 г., он осуществлял контроль над организацией учебно-методической и научно-исследовательской работы факультетов и кафедр, следил за составлением расписаний занятий и экзаменов, за их выполнением факультетами и кафедрами, за проведением педагогической и специальной практики студентов; руководил издательской деятельностью и подготовкой, переподготовкой научно-педагогических кадров, координируя деятельность аспирантуры, докторантуры, специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, курсов повышения квалификации преподавателей; обеспечивал организацию учебно-методических и научных конференций; представлял общеузовские интересы в органах государственной власти, входил в состав Совета института, замещал директора в случае его отсутствия (из архивных документов стало известно, что он занимал должность и.о. директора пединститута в ноябре 1953 г.). Указанные обязанности Н. А. Лебедева распространялись также и по отношению к Учительскому институту, отделению заочного обучения и к вечернему отделению соответственно [107, л. 19–20; 55, л. 146]. Доцент кафедры физического воспитания Крымпедвуза Абрам Яковлевич Зильбер в поздравительной телеграмме Н. А. Лебедеву отметил его несомненные заслуги: «Дорогой Николай Агафонович Ваша многолетняя педагогическая научная административная и общественная деятельность всегда вызывала у меня искреннее восхищение тчк примите в день пятидесятилетия самые горячие пожелания здоровья успехов и счастья» (4 июля, г. Симферополь) [88; 29, с. 132].

Преподавательская деятельность Н. А. Лебедева и сотрудников его кафедры пришлось на сложный восстановительный период вуза в первые послевоенные годы. В это время наблюдался существенный недобор студентов на физико-математический факультет, а все его выпускники были очень востребованы. Согласно плану приема в КГПИ за 1948–1949 уч. г. из 100 запланированных абитуриентов на физико-математический факультет поступило только 66 человек [48, л. 73], поэтому на заседаниях кафедры было принято решение – проводить

**«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)**

активную профориентационную работу среди будущих студентов (учеников школ из старших классов, молодых работников фабрик и заводов), вовлекать в этот процесс студентов кафедры и преподавателей.

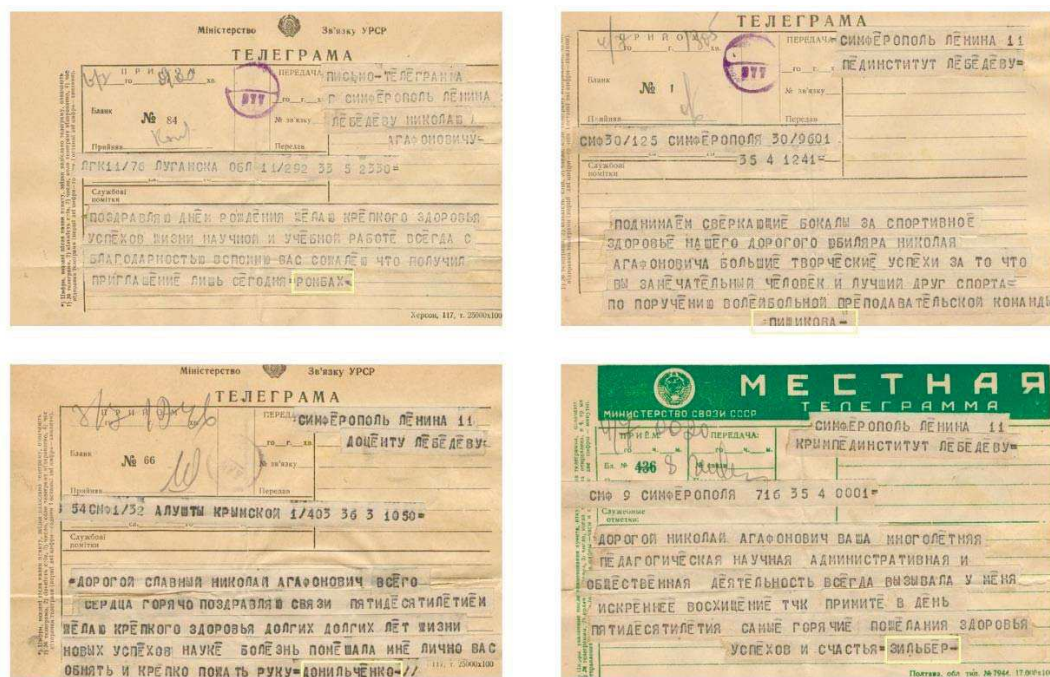

Рис. 24. Поздравительные телеграммы-открытки в честь 50-летия Н. А. Лебедева от коллег, аспирантов из КГПИ им. М. В. Фрунзе, выполненные на черно-белом бланке (одинарный формат): от аспиранта Владимира Павловича Ромбаха, 6 июля 1961 г. (вверху, слева) [85]; от волейбольной команды преподавателей [КГПИ им. М. В. Фрунзе], 4 июля 1961 г., отправитель – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Лидия Ивановна Пищикова (член женской команды ДСО «Большевик» по волейболу) (вверху, справа) [87]; от профессора, заведующего кафедрой химии КГПИ Павла Трофимовича Данильченко, 7 июля 1961 г. (внизу, слева) [92]; от доцента кафедры физического воспитания КГПИ Абрама Яковлевича Зильбера, 4 июля 1961 г. (внизу, справа) [88].

Естественно, что Н. А. Лебедев был близок к студентам факультета, не понаслышке знал об их жилищно-бытовых проблемах, трудностях, пытался решить их вопросы, связанные с улучшением жилищных условий. Он всегда объективно оценивал уровень знаний и возможностей студентов, поэтому был очень заинтересован в успешном обучении будущих физиков, заботился о контингенте обучающихся, старался привлечь на факультет активных, талантливых, увлекающихся физикой абитуриентов.

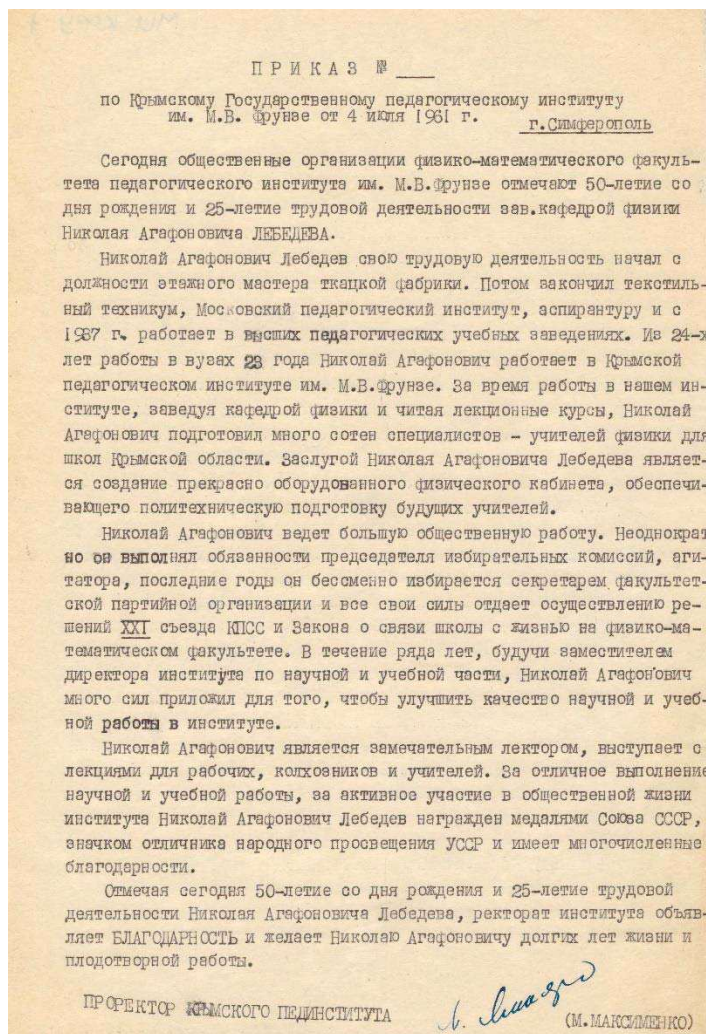

Рис. 25. Приказ по Крымскому государственному педагогическому институту им. М. В. Фрунзе [о вынесении благодарности Н. А. Лебедеву в честь его 50-летнего юбилея и 25-летия трудовой деятельности], 4 июля 1961 г. [66].

Как популяризатор научных знаний о физике в рамках профориентационной работы и учебных занятий в вузе Николай Агафонович умел увлекательно и доступно излагать разнообразные и сложные вопросы, которые вызывали неизменный интерес, как у специалистов, так и у широкого круга слушателей, в первую очередь, у студентов вуза и учеников старших классов. Еще в 1941–1944 гг., в период эвакуации пединститута, когда многие студенты были вынуждены выйти на работу в Махачкале и пытались совмещать ее с занятиями в объединенном

**«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)**

Дагестанском вузе, посещаемость обучающихся резко сократилась, но преподаватели мирились с этим. Чтобы не снизилось качество знаний у будущих специалистов, они принимали деятельное участие в массово-разъяснительной работе среди жителей, начали вести дополнительные занятия для работавших студентов, молодежи на предприятиях и в различных учреждениях. Николай Агафонович также проводил открытые лекции. Согласно единственному объявлению, сохраненному в МИ КФУ (типография издательства «Дагестанская правда» опубликовала документ тиражом в 20 экз.), стало известно, что открытая лекция ученого на тему «Современное физическое учение о материи и движении» состоялась 6 апреля 1943 г. в 19.00 в лекционном зале городского лектория по адресу: г. Махачкала, ул. Маркова, 23, Дагпединститут (Рис. 27) [45]. По мнению коллег и студентов, он являлся «замечательным лектором», а его лекции отличались глубиной мысли и блеском изложения материала. Поэтому он часто выступал «для рабочих, колхозников и учителей» с интересными и занимательными научно-популярными докладами в различных отраслевых научно-исследовательских учреждениях, институте по повышению квалификации, на заводах и т.д. [77, с. 158; 66].

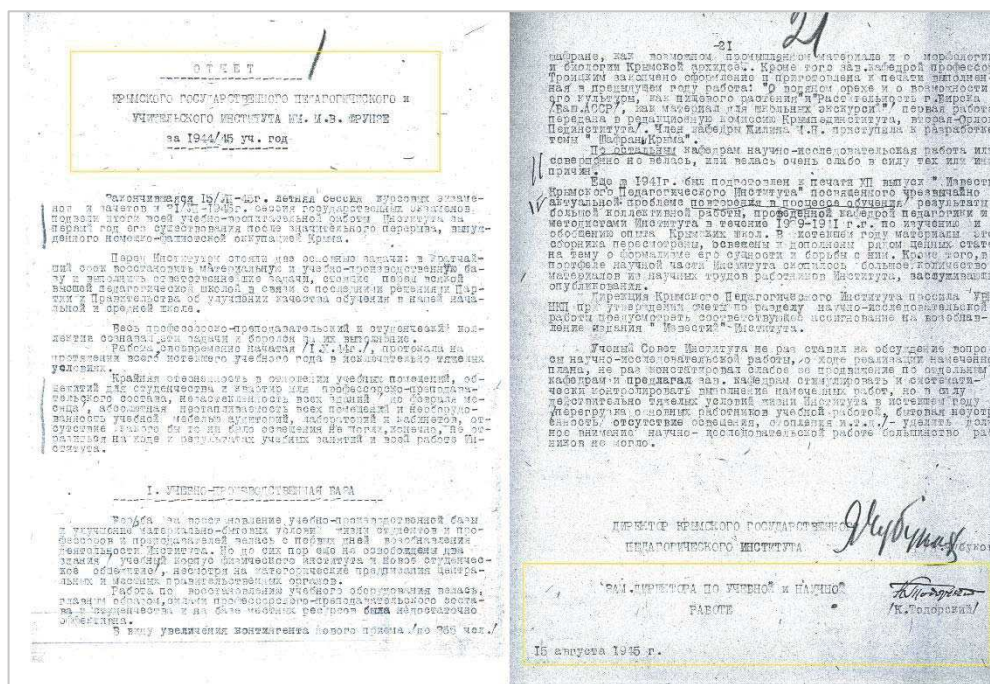

Рис. 26а. Первая и последняя страницы Отчета Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе за 1944/45 уч. г., 15 августа 1945 г. с подписью замдиректора по учебной и научной работе К. И. Тодорского [52, л. 21].

В течение ряда лет он также входил в состав государственной экзаменационной комиссии, которая проводила государственные аттестационные испытания выпускных курсов. В отчете председателя государственной экзаменационной комиссии по КГПИ профессора В. М. Боровского за летнюю сессию 1945–1946 уч. г. значится, что доцент Н. А. Лебедев вместе с доцентом С. С. Потаповым принимали у выпускников государственные экзамены по дисциплине «физика». Кроме того, самого Николая Агафоновича тоже назначали председателем ГЭК, чтобы он руководил процессом проведения выпускных экзаменов. Сведения об этом имеются в письме, хранящемся в фондах МИ КФУ. В нем редколлегия газеты КГПИ «За педагогические кадры» просила Н. А. Лебедева как председателя ГЭК «написать заметку о первых впечатлениях о государственных экзаменах в нашем институте». Сдать эти материалы надо было до 4 июня в учебную часть вуза, к сожалению, в письме не было указано полной даты [51, л. 43; 57].

В «Отчете о выполнении плана научно-исследовательской работы Крымского Педагогического и Учительского института им. М. В. Фрунзе за 1950 г.» Лебедев Н. А. как заместитель директора по научно-учебной части отмечал, что «большинство кафедр института недостаточно связано со школой и с задачами улучшения методов преподавания специальных дисциплин в средней школе». Он также указал в данном отчете на ряд проблем, связанных с развитием научных исследований и работой преподавателей. Выявил, что на кафедрах и факультетах редко проводятся научные заседания и собеседования, молодые работники не объединяются под руководством более опытных для коллективной работы над общими проблемами научного познания, а законченные научные работы не имеют практического применения, не продвигаются на производство и школы [54, л. 113]. Со второй половины 1950-х гг. и до середины 1960-х гг. ежегодно утверждался план по оказанию учебно-методической помощи среднеобразовательным школам Крыма со стороны педвуза и совершенствованию методических связей в системе «вуз-школа», по внедрению передового на тот момент педагогического опыта. План предусматривал следующее:

Проводить работу с учителями (конференции, циклы лекций, семинары);

Организовывать работу с учащимися (создавались школы юных любителей науки, проводились предметные олимпиады и сессии Малой академии наук «Искатель»);

Оказывать всестороннюю научно-методическую помощь (подготовка пособий для учителей, рекомендаций, заданий, руководство научно-методической работой);

Проводить работу по укреплению материально-технической базы школ и оснащению школьных кабинетов учащихся.

Подобные планы большим тиражом рассылались во все школы полуострова, в органы народного образования, на все факультеты и кафедры пединститута для руководства и укрепления взаимосвязей. Руководство и контроль за выполнением плана, а также разработка курса методики преподавания дисциплины в школе были закреплены на кафедре общей физики за опытным методистом, доцентом К. В. Альбиным [77, с. 191].

«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)

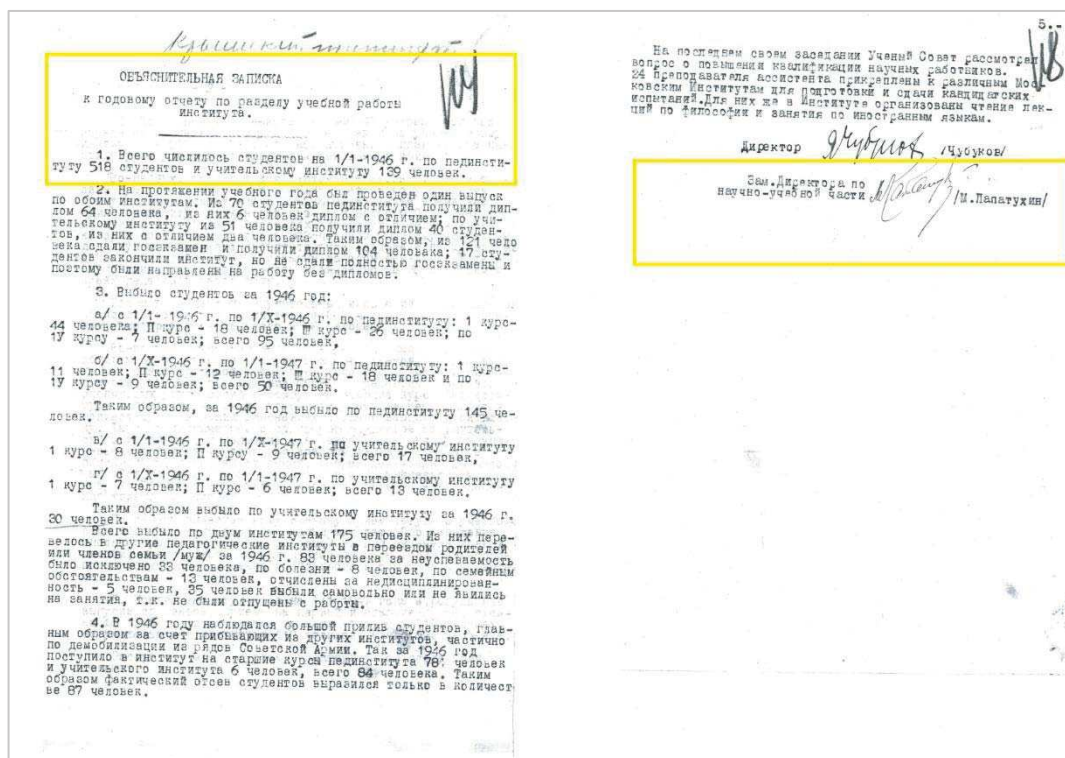
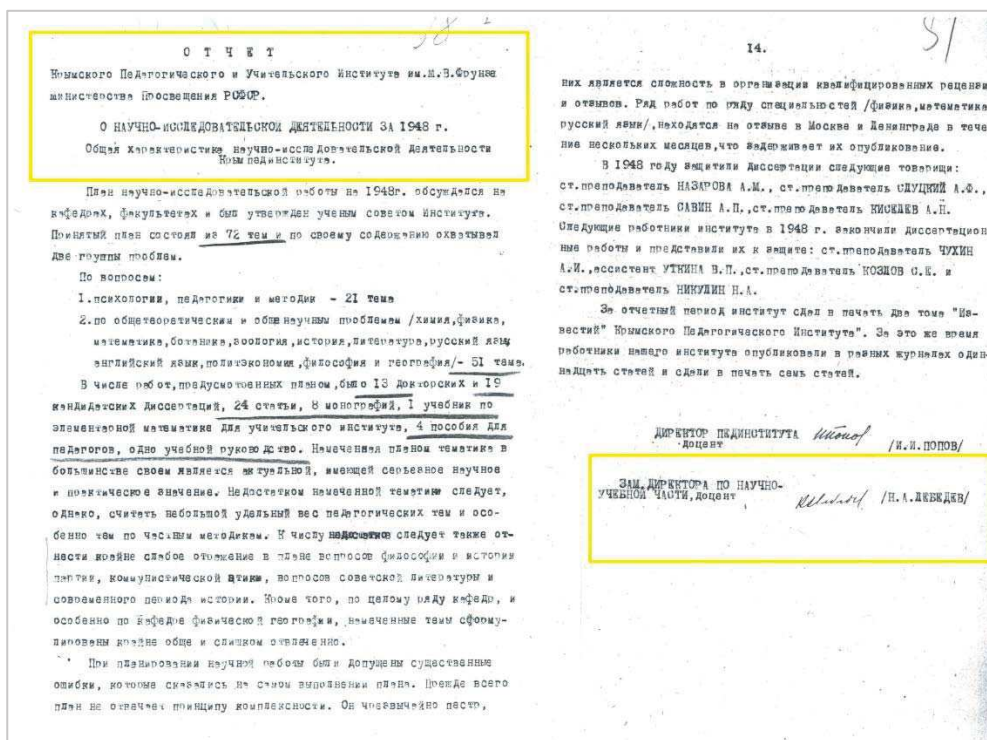

Рис. 266. Первая и последняя страницы Объяснительной записки к отчету Крымского педагогического института за 1946 г. по разделу учебной работы, 10 февраля 1947 г. с подписью замдиректора по научно-учебной части М. С. Лапатухина [46, лл. 114, 118].

В МИ КФУ хранится индивидуальный пригласительный билет для Н. А. Лебедева на Вторую методическую конференцию по итогам общественно-полезной работы студентов отделения физики и основ производства за 1958–1959 учебный год, которая состоялась 26 мая 1959 г. в физическом корпусе пединститута по адресу: г. Симферополь, ул. Студенческая, 11 [68]. Организаторами данной конференции являлись сотрудники кафедры физики и студенты из Бюро Ленинского коммунистического союза молодежи Украины физико-математического факультета КГПИ им. М. В. Фрунзе. В программе конференции указано, что для ее участников была открыта выставка пособий, созданных студентами. На конференции были представлены доклады обучающихся III–V курсов об организации и опыте работы студентов в физических кружках, проводимых ими в различных образовательных учреждениях (школах, детских домах, Доме пионеров; в симферопольских школах студенты-физики КГПИ организовали 18 различных физических и физико-технических кружков). Было отмечено, что благодаря

кружкам студенты пединститута расширили свои знания по физике, совершенствовали навыки в обращении с приборами, проводили исследовательские работы на определенные темы, изучали фото- и кинодело, проводили занимательные вечера физики. Николай Агафонович Лебедев совместно с коллегой К. В. Альбиным подготовил доклад об итогах общественно-полезной работы студентов за 1958–1959 уч. г. Заведующий кафедрой физики выступил на открытии мероприятия со вступительным словом, а сам доклад зачитал его соавтор, доцент К. В. Альбин (Рис. 28) [2]. Своей сохранностью в личных документах Н. А. Лебедева письменное приглашение на данную конференцию, вероятнее всего, обязано тому, что оно было вручено физика лично, чем организаторы конференции подчеркнули его особый статус на данном мероприятии, оказав ему должное внимание как заведующему кафедрой физики и докладчику. Такие пригласительные билеты являются обязательной частью корпоративной культуры сотрудников вуза. Тираж у них бывает весьма ограниченным, и, как правило, выдают их лишь определенному количеству человек.

14. 51

них является сложность в организации квантифицированных рецензий и отзывов. Ряд работ по ряду специальностей /физика, математика, русский язык/, неходило на отзыве в Москве и Ленинграде в течение нескольких месяцев, что задерживает их опубликование.

В 1948 году выданы Диссертации следующие тематики:

ст. преподаватель НАЗАРОВА А.М., ст. преподаватель СЛУЦКИЙ А.Ф., ст. преподаватель БАВНИ А.П., ст. преподаватель НИКОЛАЕВ А.П.

Следующие работники института в 1948 г. закончили Диссертационные работы и представили их в ядите: ст. преподаватель ЧУХИН А.И., ассистент УТИНИН В.П., ст. преподаватель КОЗЛОВ С.Б. и ст. преподаватель НИКОЛАЕВ Н.А.

За отчетный период институт сделал в печать два тома "Известий" Крымского Педагогического Института". За это же время работники нашего института опубликовали в разных журналах одиннадцать статей и сделали в печать семь статей.

ДИРЕКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА /И.И. ПОПОВ/

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ПО НАУЧНО-УЧЕБНОЙ ЧАСТИ, доцент /Н.А. ЛЕБЕДЕВ/

Рис. 26в. Первая и последняя страницы Отчета Крымского педагогического и учительского института Министерства просвещения РСФСР по научно-исследовательской деятельности за 1948 г., январь–февраль 1949 г. с подписью замдиректора по научно-учебной части Н. А. Лебедева [53, л. 38, 51].

Благодаря плану построения плодотворной воспитательной работы кафедры, составленного Николаем Агафоновичем, и вышеуказанному докладу ученого в соавторстве с К. В. Альбиным, можно ознакомиться с увлекательными и любопытными мероприятиями по учебно-воспитательной работе, которые уже состоялись в 1957–1959 гг. или должны были быть организованы в ближайшее время преподавателями и студентами кафедры. В документах отразилось широкое разнообразие совместных видов общественно-полезных работ со студентами III, IV, V курсов, аспирантами и старшекласниками в вузе, в юношеской школе, в кружках. За 1957–1959 гг. было проведено 12 пионерских сборов для 300 пионеров и семинары вожатых по подбору материалов для подготовки астрономических вечеров для учащихся; беседы по истории развития физической науки (студенты знакомили учащихся с жизнью и деятельностью известных инженеров, физиков), викторины на физические темы. Преподаватели и аспиранты кафедры решали вместе со студентами и школьниками сложные физические задачи, организовали для учеников занимательные опыты по физике (углубление знаний по дисциплине, привитие навыков в обращении с физической аппаратурой), экскурсии на производство (32 экскурсии для 350 школьников на фабрики, заводы, предприятия Симферополя); выпуск стенгазеты (создано 50 номеров). Они также показывали демонстрационное кино (обучали пользоваться киноаппаратом; демонстрировали учебные, научно-популярные и документальные фильмы при чтении лекций, проведении семинарских и практических занятий с целью повышения образовательного уровня студентов, старшекласников) [61, л. 1–1об.; 29, с. 137; 2, л. 2–3]. И это лишь часть запланированной деятельности, которую проводили сотрудники кафедры общей физики вместе со студентами и школьниками.

Студенты-физики из КГПИ и ученики городских школ под руководством преподавателей кафедры также участвовали в Симферопольском объединении любителей астрономии (СОЛА), на базе которого смогли провести ряд важных обучающих мероприятий. Прежде всего, это визуальное и телескопическое совместное наблюдение за небом с целью создания общемировой экспериментальной базы для геофизических исследований. Например, за 200 дней наблюдений участниками СОЛА было зарегистрировано 23000 метеоритов по программе МГГ [прим. В. И. – МГГ/(IGY) (Международный геофизический год) – масштабный эксперимент, в котором участвовали ученые из 67 стран и в течение 18 месяцев (с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г.) вели геофизические наблюдения на всех континентах по единой специальной программе и методике]. На обучающихся были возложены обязанности по сбору, обработке и анализу этих наблюдений, полученные ими результаты исследования помогли ученым КГПИ сделать ценные научные выводы и обобщения. В рамках этого объединения для обучающихся вуза и школы в Детской технической станции организовывались астрономические вечера, киносеансы, походы в планетарий, показ диапозитивов о планетах. Студентами было прочитано 80 докладов на различные темы (о техническом прогрессе, об искусственных спутниках и др.) для школьников, их родителей, рабочих. В различных технических кружках (электротехническом,

радиотехническом), организованных студентами физико-математического факультета при этой станции, изготавливали электрические настольные лампы с вращающимися абажурами, электрифицированные чернильницы, детекторные приемники и другие приборы. Всего было изготовлено более 350 приборов и наглядных пособий для кабинетов физики школ Симферополя. Студентами велась активная внеаудиторная работа для учеников в Доме пионеров, где обучающиеся КГПИ выступали с научными докладами, организовали 15 вечеров физики, проводили дополнительные занятия и обсуждали со школьниками прочитанную ими научную литературу, чем помогли 470 ученикам стать более успешными по физике, математике, черчению, астрономии. Кроме того, студенты организовали для рабочей молодежи ГРЭСа бесплатные курсы по подготовке в вуз, проводили там регулярные занятия по физике. Силами обучающихся факультета в производственных мастерских КГПИ был произведен ремонт институтской мебели. Значимым событием было создание фотокружка в детском доме, здесь студенты-физики учили детей фотографировать, работать в фотолаборатории, создавать свои фотоальбомы, фотогазеты и фотовитрины, благодаря чему история детского дома в иллюстрациях формировалась глазами самих детей.

Рис. 27. Объявление об открытой лекции доцента Н. А. Лебедева в Дагестанском пединституте, г. Махачкала, 6 апреля 1943 г. [45].

Преподаватели кафедры общей физики наблюдали за работой талантливых студентов-организаторов и участников кружков, им предоставлялись различные льготы, по мере возможности – лучшие условия жизни и обучения, они получали повышенную стипендию, для них организовывались научные экскурсии по Крыму, Москве и Ленинграду. Из «Отчета Крымского государственного педагогического института об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе за

1945/1946 годы» стало известно, что руководство института планировало даже создать научно-художественный студенческий журнал «Таврида» для публикации лучших научно-исследовательских работ обучающихся, участвующих в научных кружках [2, л. 2–5; 51, л. 13об.; 34, с. 54–55].

Рис. 28. Пригласительный билет на Вторую методическую конференцию по итогам общественно-полезной работы студентов отделения физики и основ производства за 1958–1959 учебный год (26 мая 1959 г., г. Симферополь) для Н. А. Лебедева (справа) [68]; доклад К. В. Альбина и Н. А. Лебедева на этой конференции на тему «Общественно-полезная работа студентов отделения физики» (слева) [2].

Следовательно, студенческие научные кружки в КГПИ создавались с целью лучшего усвоения материала обучающимися, для более четкого научного обоснования их идей, часто с деятельности подобных кружков начиналась подготовка школьных лаборантов по ботанике, физике, математике, химии и т.д. Они прививали обучающимся навыки исследовательской работы, активно вовлекая их в научную деятельность по интересующим дисциплинам и темам.

В 1947 г. в педвузе возобновило работу студенческое научное общество. К 1959 г. насчитывалось 486 членов этой организации, а в 1960 г. – уже более 700. Основная часть студентов занималась научной работой, объединяя под своим руководством различные кафедральные и факультетские научные кружки. Его участники при поддержке руководства и преподавателей активно занимались всесторонним распространением научных знаний о физике. В 1960 г. физиками – участниками студенческого научного общества – было прочитано в различных городах и селах Крыма значительное количество лекций, проводилась работа по привлечению к научным исследованиям старшеклассников из крымских школ. Вероятнее всего, Н. А. Лебедев лично присутствовал на заседаниях студенческого научного общества, принимал самое активное и заинтересованное участие в его работе [77, с. 197].

В 1960 г. при КГПИ им. М. В. Фрунзе по инициативе Н. А. Лебедева и его коллег на базе физико-математического факультета была организована Юношеская школа физиков им. И. В. Курчатова, чуть позже была создана и школа юных математиков. Прием в них производился по рекомендациям органов народного образования и самих школ, в результате проверочных экзаменов и собеседований. Для юной школы физиков сотрудниками кафедры физики были специально подготовлены программа и особые формы учебной работы со школьниками. Обучаясь в ней, старшеклассники стали посещать лекции и практические занятия, проводимые студентами и преподавателями вуза. По итогам двухлетней работы в юношеской школе выпускники школ, увлеченные физикой, сдавали зачеты по дисциплине. Лучшим членам юношеской школы выдавались рекомендации для поступления в вуз. Учащиеся школ юных физиков и математиков КГПИ были одними из главных участников, кто пополнял ряды Малой академии наук школьников Крыма «Искатель», первым президентом которой был доктор геолого-минералогических наук, профессор КГПИ им. М. В. Фрунзе Я. Д. Козин [29, с. 147–148; 31, с. 126; 77, с. 198].

Малая академия наук школьников Крыма «Искатель» (ныне – ГБОУ ДО РК «МАН «Искатель») – детская научная организация, региональное объединение увлеченных наукой учащихся, учителей и научных работников. Она дала путевку в большую жизнь ряду будущих ученых, изобретателей, новаторов производства, руководителей и управленцев высшего звена. Учредительная сессия данной организации состоялась в Симферополе 20–21 апреля 1963 г. в актовом зале Дома профсоюзов на ул. Севастопольской. Инициатором создания была Крымская областная станция юных техников, которую на тот момент возглавлял И. И. Брагинский. В фондах МИ КФУ сохранилось приглашение на III очередную

сессию МАН для Н. А. Лебедева и план-программа проведения этой сессии, которая состоялась 8–9 февраля 1965 г. [62; 69].

Рис. 29. Домашний адрес Н. А. Лебедева: Центральный корпус КГПИ по ул. Ленина, 11, кв. 4, позже кв. 6 (т.н. жилой дом Ш. В. Дувана, ныне – Институт филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»). Фотография 1950-х гг. Из фондов МИ КФУ.

Поиск форм и методов внешкольной работы по развитию творческих способностей школьников, ориентированных на изучение естественно-научных и точных дисциплин, стал главной педагогической задачей, стоящей перед руководителями и организаторами физико-математического отделения МАН «Искатель». Создание МАН помогло найти новые формы и методы внеклассной и внешкольной работы по развитию научного потенциала и технического творчества личности школьников путем усовершенствования исследовательских способностей и приобретения личного опыта в творческой деятельности. Когда создавалась МАН, одной из основных целей было привлечение к работе со школьниками ученых и преподавателей вузов. С первых дней деятельности «Искателя» с мановцами встречались и работали преподаватели многих ведущих вузов страны. Но основной базой все эти годы оставался КГПИ. Проводились областные сессии и ежегодные летние лагерные сборы МАН «Искатель». Для того, чтобы быть принятым в

кандидаты и в действительные члены МАН, необходимо было внести «творческий взнос», то есть подготовить и публично защитить завершённую научно-исследовательскую работу, выходящую за рамки школьной программы, отражающую личный вклад автора работы и его руководителя, имеющую обширный круг источников и специализированной литературы, точные экспериментальные данные, объективные научные выводы исследования. Об уровне таких «творческих взносов» мановцев первого поколения свидетельствует тот факт, что на протяжении ряда лет, начиная с момента создания организации, действительные члены МАН были участниками научных студенческих конференций различных вузов Симферополя, а позже они становились деятелями науки и культуры, были частью интеллектуальной элиты. Поэтому преподаватели кафедры физики во главе с Н. А. Лебедевым были чрезвычайно заинтересованы в успешной деятельности МАН «Искатель», они активно руководили физико-математическим отделением, а также с первых лет создания данной организации принимали непосредственное участие в заседаниях Клуба научной фантастики. Сотрудники кафедры физики КГПИ в роли наставников успешно работали со школьниками, создавали им благоприятные условия для интеллектуального, творческого и духовного развития их научно-исследовательской деятельности. Их первоочередной задачей являлось повышение образовательного уровня подрастающего поколения, поиск и поддержка талантов, самосовершенствование и формирование мыслящей и творческой личности.

Все итоги научно-исследовательской работы студентов вуза подводились на факультетских, институтских и межвузовских научных студенческих конференциях (с 1948 г. они стали ежегодными). Лучшие доклады и тезисы докладов студентов представлялись также на городских, республиканских и всесоюзных конкурсах, небольшая часть из них публиковалась в научных журналах и в сборниках трудов по итогам проводимых конференций [77, с. 198].

Таким образом, благодаря вышеупомянутым научным и учебно-воспитательным мероприятиям Н. А. Лебедеву и его коллегам по кафедре удалось увеличить численность студентов вдвое, значительно улучшить качество их знаний, повысить успеваемость, расширить кругозор студентов и установить тесное многолетнее сотрудничество в системе «вуз-школа».

Научную и педагогическую деятельность в вузе Н. А. Лебедев совмещал с ответственной и значительной по объёму общественной работой, принимал активное участие в жизни факультета и института в целом. Профессор М. М. Максименко охарактеризовал его общественную активность следующим образом: «Неоднократно он выполнял обязанности председателя избирательных комиссий, агитатора, последние годы он бесценно избирается секретарем факультетской партийной организации и все свои силы отдает осуществлению решений XXI съезда КПСС и Закона о связи школы с жизнью на физико-математическом факультете <...>» [66]. Н. А. Лебедев ходил в наряды добровольцем народной дружины (далее – ДНД). Исходя из записи в удостоверении ДНД № 66176 (выдано ученому Исполкомом Симферопольского городского Совета

депутатов трудящихся от 19 сентября 1962 г.; хранится в фондах МИ КФУ), известно, что он «являлся дружинником по охране общественного порядка», поэтому «имел право проверять документы, удостоверяющие личность, составлять акты о нарушениях общественного порядка, по необходимости доставлять нарушителей в милицию и дружину» [104].

Рис. 30. Супруга ученого Лебедева Ирина Марковна (1914–?) (в центре) [не ранее 2-й половины 1960-х гг.]. Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2498-108:

1) лаборант на кафедре зоологии, надписи на оборотах паспарту фотографий: «Справа – Лебедева И. М. (практические занятия). Сентябрь, 1939 г., Симферополь» (верхний левый угол). Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2579; «Лебедева И. М. (практические занятия). Симферополь, 1941» (нижний левый угол). Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2580.

2) библиограф, середина 1950-х гг.: среди коллег научной библиотеки КГПИ им. М. В. Фрунзе, (1-й ряд: 1 – И. М. Лебедева, 4 – З. Я. Житомирская) (верхний правый угол); в книгохранилище с А. П. Савиной (нижний правый угол) [30, с. 59, 63].

С осени 1944 г. и до начала 1950-х гг. в связи с финансовыми затруднениями вуза и невозможностью нанять большое количество квалифицированных рабочих Н. А. Лебедев вместе с коллегами и студентами из КГПИ принимал непосредственное участие в восстановлении разрушенных зданий и инфраструктуры Крымпединститута методом черкасовских бригад. Это

общественное движение специализировалось по капитальному и текущему ремонту строений послевоенного вуза, участники которого в свободное от преподавания время, даже в выходные и праздничные дни участвовали в строительных работах учебных корпусов, общежитий, подсобных помещений, создавая бригады штукатуров, столяров, плотников и т.д. Заведующий кафедрой физики также выезжал на сельскохозяйственные работы в колхозы; в связи с отсутствием центрального отопления в учебных корпусах (в первые годы после возвращения института) для отопительного сезона заготавливал дрова на выделенных участках в крымских лесах [77, с. 152; ст. 43, с. 96; 20, с. 30; 63, л. 7].

О личной жизни доцента также сохранились сведения в фондах ГАРФ и МИ КФУ. Согласно личному листку по учету кадров за 1944 г. и более поздним поздравительным телеграммам 1961 г., известно, что физик был женат, проживал в Симферополе в переоборудованных частях центральных корпусов пединститута, предназначенных для сотрудников вуза, вместе со своей супругой Ириной Марковной Лебедевой (в девичестве Сверчинской), матерью жены, двумя сыновьями Александром и Владимиром. В архивных материалах указаны следующие домашние адреса ученого: ул. Ленина, 15, кв. 1 (т.н. Дом Таврического губернатора, ныне – ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»); ул. Ленина, 11, кв. 4, позже кв. 6 (т.н. жилой дом Ш. В. Дувана, ныне – Институт филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского») (Рис. 29) [40, л. 2об.; 91; 96; 97; 29, с. 131; 28, с. 134].

Супруга преподавателя Лебедева Ирина Марковна (1914/7–?) начала свою трудовую деятельность в нашем вузе: с декабря 1938 г. и, вероятнее всего, до эвакуации КГПИ в Дагестан осенью 1941 г. она работала лаборантом кафедры зоологии (заведующий кафедрой – проф. В. М. Боровский), имела оклад 350 руб. (это половина оклада от доцентской ставки мужа). То есть до начала Великой Отечественной войны их общий семейный доход за 1 месяц в среднем составлял 1190 руб. Осенью 1941 г. с трехлетним сыном Сашей на руках она последовала за супругом и другими сотрудниками вуза в эвакуацию, разделив с ним все тяготы военного времени. После возвращения коллектива КГПИ из Махачкалы в Симферополь в августе 1944 г. Ирина Марковна перешла на должность библиографа, затем старшего библиографа в научную библиотеку КГПИ. И занимала она эту должность более сорока лет (до начала 1980-х гг.). Следует упомянуть, что научная библиотека КГПИ с середины 1940-х и до середины 1960-х гг. находилась рядом с квартирой семьи Лебедевых. Сначала библиотека вуза располагалась в здании по ул. Ленина, 15 (несколько комнат, в первой проходной комнате находился абонемент, к 1944 г. книжный фонд библиотеки насчитывал более 120000 томов; рабочий день часто доходил до 12 часов в сутки); затем, с 1951 г. – в двухэтажном строении по ул. Ленина 11/13 (1-й этаж – научная библиотека, 2-й – администрация института).

Рис. 31. И. М. Лебедева (1-й ряд: крайняя справа, играет в волейбол, под № 4) и Н. А. Лебедев (2-й ряд: в числе болельщиков, сидит на стуле). Весенние городские соревнования по волейболу, г. Симферополь, 29 мая 1949 г. (вверху, слева). Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2742; И. М. Лебедева (в центре) с участницами соревнования на профсоюзном гимнастическом празднике. Центральный спортзал, г. Симферополь, 6 июня 1934 г. Надпись на обороте паспарту: «<...> Участники соревнования: I место Кристинина, [студентка] СкиГ; II место Сверчинская [И. М. Лебедева], [студентка] КПИ; III место Голдова, [студентка] СкиГ <...> Сверчинская – ст-ка КПИ». Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2578 (вверху, справа); И. М. Лебедева (первая слева, под № 4) и Л. И. Пищикова (вторая слева) среди участниц женской команды Крымского пединститута ДСО «Большевик», занявшей I-е место в соревнованиях на первенство Крыма по волейболу, г. Симферополь, июнь 1949 г. Надпись на обороте паспарту с указанием состава команды: «<...> Слева направо: И. Лебедева, Л. Пищикова, А. Маркова, Д. Леонова, А. Зюкина-Панкеева, Н. Варыпаева, Л. Генерозова, И. Березкина». Из фондов МИ КФУ. КП ОФ № 6/2744 (внизу).

Видимо, имея на руках ребенка дошкольного возраста, Ирина Марковна испытывала большие затруднения в вопросе совмещения работы лаборанта и воспитания сына, поэтому решила сменить профессию, чтобы быть поближе к дому и семье. С 1965 г. и по сегодняшний день вузовская библиотека находится в главном корпусе нашего университета по ул. Ялтинской (ныне – проспект Академика Вернадского, 4). В фондах музея истории (часть семейного архива Лебедевых) и научной библиотеке КФУ им. В. И. Вернадского хранятся черно-белые фотографии Ирины Марковны за 1933–1934 гг., вторую половину 1940-х – середину 1950-х гг., когда она была студенткой (согласно подписям на фото) и позже сотрудницей КГПИ им. М. В. Фрунзе. Есть ряд фотографий, где она изображена на фоне книжных стеллажей, за работой в книгохранилище, в кругу коллег, в составе сборных команд пединститута и Симферополя по волейболу ДСО «Молния», «Большевик» (Рис 30).

Свои воспоминания об Ирине Марковне оставила ее коллега и друг семьи Зинаида Яковлевна Житомирская, которая начала свою трудовую деятельность в библиотеке с 1948 г. и проработала в институте библиографом свыше 50 лет. На момент прихода З. Я. Житомирской коллектив библиотеки был небольшим и состоял всего лишь из семи человек, со слов сотрудницы также известно, что супруга физика в это время уже работала здесь. Все работники библиотеки были образованными и вежливыми, стремились помочь студентам и преподавателям в работе с книгой. Подруга охарактеризовала жену ученого следующим образом: «Ирина Марковна Лебедева – человек разносторонних интересов, образованная, прекрасная художница и спортсменка». В научной библиотеке педвуза сохранилось несколько указателей, которые были подготовлены Ириной Марковной в соавторстве с З. Я. Житомирской: «Программированное обучение: указ. лит.» (1972 г.; вып. 4) и «Библиографический указатель трудов преподавателей Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе» (1978 г.; вып. 3; научные статьи преподавателей вуза за 1967–1972 гг.) [23, с. 250–251; 30, с. 53–63, 72, 332; 7; 71; 115, л. 13].

Николай Агафонович пользовался репутацией примерного семьянина, любящего и во всем поддерживающего свою супругу Ирину Марковну. По воспоминаниям друзей он проявлял к жене должное внимание, навещал на работе и был частым посетителем библиотечного абонемента для профессорско-преподавательского состава. Присутствовал на соревнованиях жены, а также сам принимал активное участие в спортивной жизни института. Об этом свидетельствует юбилейная телеграмма с поздравлением от волейбольной команды преподавателей пединститута от 4 июля 1961 г., которую отправила старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Лидия Ивановна Пищикова (супруга м.н.с. Крымской астрофизической обсерватории (п. Симеиз) О. П. Голландского, член женской команды ДСО «Большевик» по волейболу): «Поднимаем сверкающие бокалы за спортивное здоровье нашего дорогого юбиляра Николая Агафоновича большие творческие успехи за то, что Вы замечательный

«ОДНОМУ ИЗ ВИДНЕЙШИХ РАБОТНИКОВ НАШЕГО ИНСТИТУТА»: ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1911–1965)

человек и лучший друг спорта = по поручению волейбольной преподавательской команды = Пищикова» [30, с. 59; 87] (Рис. 31).

Рис. 32. Поздравительные телеграммы Н. А. Лебедеву от коллег из КГПИ им. М. В. Фрунзе, 4 июля 1961 г.: от заведующих кафедрами ботаники Михаила Соломоновича Шальты и основ сельскохозяйственного производства Михаила Васильевича Сивцева (вверху) [96]; от сотрудников кафедры русского языка (внизу) [98].

Все это вызывало к нему глубокое уважение у окружающих, его знали как человека энергичного, принципиального и жизнерадостного. К сожалению, один из сыновей Николая Агафоновича Владимир погиб, другой – Лебедев Александр Николаевич (1938–2013) стал композитором, писал музыку для кинематографа, для хора а capella, создал ряд произведений для оркестра и фортепьяно. Известно, что в 1964 г. он окончил Московскую консерваторию по классу композиции у Т. Н. Хренникова (ранее учился у С. С. Богатырева). После окончания консерватории преподавал на кафедре музыки и пения в Крымском пединституте (1965–1966 гг.), работал преподавателем музыкальной школы в пос. Октябрьское (1971 г.) и Крымского культпросветучилища (1971–1973 гг.), а также концертмейстером вокального кружка в клубе Облпотребсоюза в Симферополе (с 1974 г.). С 1977 г. по 2013 г. входил в Крымскую организацию Союза композиторов Украины (с 1999 г. – Национального союза композиторов Украины). Говоря о деятельности Н. А. Лебедева как ученого, педагога и семьянина, нельзя не коснуться замечательных качеств его характера, во многом отразившихся на его деятельности и личной жизни. Из переписки с коллегами и его учениками, из поздравительных телеграмм узнаем, что он – человек добрый, энергичный и впечатлительный. Для него физическая наука – осознанный выбор в качестве жизненного пути, он жертвовал своим временем и усилиями ради поиска крупиц нового знания. Был настойчив в достижении поставленной цели, трудолюбив, внимателен и находчив, всегда был готов прийти на помощь всем, кто в ней нуждался. Его эрудиция, логическое мышление и творческие подходы в организации учебного процесса обучающихся создавали эффективную среду для развития будущих квалифицированных специалистов. Ученый был прост и скромн в общении с людьми, коммуникабелен, поддерживал дружеские связи со многими учеными из отечественных и зарубежных вузов.

В поздравительной юбилейной телеграмме студенты физики (выпуск 1961 г.) выразили Николаю Агафоновичу свое почтение и глубокую признательность: «Горячо поздравляем славным юбилеем желаем крепкого здоровья многих лет жизни успехов в Вашей замечательной плодотворной деятельности искренне благодарны за все то что Вы сделали для нас <...>» [102].

Доброжелательные поздравления содержатся в телеграммах от коллег, различных организаций и учреждений, подписанных должностными лицами из разных городов (Черкассы, Симферополь, Винница), например, из Центральной сейсмической станции Института физики земли АН СССР (г. Симферополь) [101], Профбюро КГПИ им. М. В. Фрунзе (г. Симферополь) [93]. От преподавателей и заведующего кафедрой физики Винницкого пединститута Анатолия Николаевича Яворского (методист, изобретатель, в начале 1950-х гг. создал прибор для определения степени поляризации рассеянного небесного света) также пришло доброжелательное поздравление с юбилеем: «Поздравляем пятидесятилетием желаем здоровья счастья успехов работе=завкафедрой физики Винницкого пединститута Яворский коллектив кафедры» [90; 17, с. 41–42, 45].

Рис. 33. Грамота Правления Крымского областного отдела Общества по распространению политических и научных знаний Украинской ССР Н. А. Лебедеву за активное участие в работе Общества по распространению политических и научных знаний Украинской ССР, г. Симферополь, 28 июня 1961 г. (слева) [19]; Грамота Министерства образования Украинской ССР Н. А. Лебедеву за самоотверженную работу и выдающиеся успехи в деле обучения и коммунистического воспитания молодого поколения, г. Киев, 13 июля 1961 г. (в центре) [18]; Почетная грамота Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе Н. А. Лебедеву за руководство научной работой сотрудников кафедры и студентов, г. Симферополь, 26 апреля 1962 г. (справа) [67].

От заведующих кафедрами ботаники и основ сельскохозяйственного производства КГПИ им. М. В. Фрунзе Михаила Соломоновича Шалыта и Михаила Васильевича Сивцева соответственно пришла телеграмма от 4 июля 1961 г. с оригинальными юмористическими пожеланиями: «От имени коллективов кафедр ботаники и основ сельскохозяйственного производства горячо поздравляем дорогого юбиляра – одного из ветеранов Института, желаем долгой жизни, успехов, бодрости, новую автомашину и стабильные учебные планы. Жалеем, что в связи с занятиями не можем поздравить лично. Скорбим, что по той же причине лишь мысленно пьем за Ваше здоровье. = Шалыт, Сивцев» [96; 29, с. 132].

Николай Агафонович к празднованию юбилея получил теплые поздравления от семьи Манзон (доцент кафедры математики КГПИ им. М. В. Фрунзе Борис Аронович Манзон с супругой): «Дорогой Николай Агафонович сердечно поздравляем Вас 50-летием и славной педагогической общественной деятельностью желаем дальнейших успехов = семья Манзон». К ним присоединилась и семья Поповых (Иннокентий Иванович Попов – директор КГПИ им. М. В. Фрунзе

(с 1947 г. по 1952 г.), с 1952 г. по 1963 г. – заведующий Центральной сейсмической станцией крымской зоны Института физики Земли АН СССР (г. Симферополь, ул. Студенческая, д. 3) с супругой): «Сердечно поздравляем Вас дорогой Николай Агафонович пятидесятилетием желаем здоровья бодрости новых успехов»=Поповы [94; 29, с. 132; 12, с. 10; 111, с. 402; 95].

Восторженные слова и дружеское поздравление отправили имениннику филологи, сотрудники кафедры русского языка КГПИ: «Дорогой и глубокоуважаемый Николай Агафонович в день Вашего пятидесятилетия кафедра русского языка горячо приветствует Вас и считает своим приятным долгом выразить Вам свое глубокое уважение как **одному из виднейших работников нашего института** живите и здравствуйте и творите еще долгие годы пусть счастье сопутствует всегда Вам и Вашей семье = доцент Германович профессор Мигирин канд фил наук Соловьева Уткина Киселев Коваленко» (Рис. 32) [98].

И по этой причине светлый образ Н. А. Лебедева сохраняет яркость и жизненность благодаря тем чертам его характера и особенностям его общения с людьми, которые бесспорно обеспечивали притягательность его незаурядной личности.

Научно-исследовательская, педагогическая и организационная деятельность Н. А. Лебедева получили достойное признание как в КГПИ, так и за его пределами. Отличившись на строительстве оборонительных сооружений вокруг Махачкалы в 1942 г., Н. А. Лебедев вместе с коллегами, доцентами А. И. Германовичем, Ф. С. Загородских, А. У. Маминым был удостоен медалью «За оборону Кавказа» (1944) [43, с. 92], а также награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945). За вклад в науку, за высокий профессионализм педагога, за активное участие в общественной жизни, за выслугу лет и безупречную работу Министерством просвещения УССР был награжден нагрудным значком «Отличник народного образования УССР», Президиумом Верховного Совета СССР – медалью «За трудовую доблесть» (удостоверение к этой медали Д № 666183 от 27 октября 1953 г. хранится в нашем Музее истории). В указанном выше удостоверении включены извлечения из различных положений о наградах. Так, во фрагменте из «Положения о медали «За трудовую доблесть» говорится, что подобной наградой удостоивались работники различных организаций и учреждений, которые «в своей самоотверженной трудовой деятельности являются передовыми борцами за социалистическое строительство, показывают образцы стахановского использования техники и дают высокие нормы производительности труда, двигают вперед развитие науки, техники и культуры». Такую медаль должны были носить «с честью, служить личным примером сознательности в выполнении своего гражданского долга, быть образцом добросовестности и аккуратности при исполнении государственных обязанностей» [105; 66].

В фондах МИ КФУ сохранилось несколько грамот и приказ о вынесении благодарности, врученных физику в разные годы от имени дирекции пединститута,

от руководителей других образовательных и научных организаций, включая Министерство образования Украинской ССР.

Так, 28 июня 1961 г. Управление Крымского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний Украинской ССР (г. Симферополь) удостоило грамотой ученого № 579 за активное участие в данном Обществе [19]. В честь 50-летнего юбилея со дня рождения и 25-летия трудовой деятельности Николая Агафоновича руководство КГПИ в лице заместителя директора по учебно-научной части М. М. Максименко объявило 4 июля 1961 г. благодарность «с пожеланиями долгих лет жизни и плодотворной работы» [66]. Также ученый был награжден грамотой Министерства образования УССР № 31620 от 13 июля 1961 г. (г. Киев) «за самоотверженную работу и выдающиеся успехи в деле обучения и коммунистического воспитания молодого поколения» [18]. 26 апреля 1962 г. он получил почетную грамоту КГПИ им. М. В. Фрунзе «за руководство научной работой сотрудников кафедры и студентов» (Рис. 33) [67].

Подводя итоги научной и творческой жизни, учебно-воспитательной и общественной деятельности доцента, заведующего кафедрой физики, заместителя директора КГПИ, следует сказать, что он был одним из первых, кто стоял у истоков послевоенного периода возрождения физико-математического факультета как одного из старейших факультетов в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Многие годы ученый играл определяющую роль в развитии кафедры физики и вуза в целом, в области физического просвещения и популяризации науки среди молодежи, он приложил немало усилий для повышения качества знаний обучающихся, оставил заметный след в науке. Со времени внезапной кончины Николая Агафоновича Лебедева прошло уже более полувека, но благодарная память о нем как о носителе научных и педагогических традиций жива в сердцах его учеников и сотрудников, близких ему людей.

Библиографический список трудов Н. А. Лебедева

1949

Лебедев Н. А. Фотохимическое окисление глюкозы, сенсibilизированное ураниловыми солями // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. – 1949. – Т. XIII: «Химия». – С. 3–12.

1954

Лебедев Н. А. О дозировании ультрафиолетовых лучей // Тезисы докладов XII конференции военных санаториев. – Ялта, 1954.

1955

Лебедев Н. А. Новый прибор для измерения ультрафиолетовой радиации Солнца / Н. А. Лебедев, И. Д. Шмеркович // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. – 1955. – Т. XXI: «Математика и физика». – С. 293–300.

1956

Лебедев Н. А. О парамагнетизме борных фосфоров в фосфоресцентном состоянии (доклад на 4-м совещании по люминесценции и прения по докладу, июнь, 1955 г.) / Н. А. Лебедев, И. Д. Шмеркович // Известия АН СССР. – 1956. – Т. 20, № 5. – С. 529–532.

1957

Лебедев Н. А. Рассеянная ультрафиолетовая радиация в различных зонах лечебных сооружений на пляже в Гурзуфе / Н. А. Лебедев, И. А. Сивцов, Б. А. Перов // Тезисы докладов Двенадцатой научно-

практической конференции врачей Крымской группы санаториев и домов отдыха Министерства обороны СССР. – Ялта, 1957. – С. 56–57.

1958

Сивцов И. А. Рассеянная ультрафиолетовая радиация в различных зонах лечебных сооружений на пляже в Гурзуфе (Сообщение I) / И. А. Сивцов, Н. А. Лебедев, Б. А. Перов // Сборник научных работ Гурзуфского клинического санатория Министерства обороны СССР. – Гурзуф, 1958. – С. 49–61.

Лебедев Н. А. Измерение и дозирование ультрафиолетовой радиации фотоэлектрическим методом (дозиметрами-интеграторами) в Гурзуфе / Н. А. Лебедев, Б. А. Перов // Сборник научных работ Гурзуфского клинического санатория Министерства обороны СССР. – Гурзуф, 1958. – С. 39–47.

Лебедев Н. А. Опыт дозирования солнечных ванн по ультрафиолетовой радиации / Н. А. Лебедев, Б. А. Перов // Сборник научных трудов Научно-исследовательского института медицинской климатологии и климатотерапии им. И. М. Сеченова. – Ялта, 1958. – С. 297–303.

Лебедев Н. А. Изменение спектров поглощения возина в присутствии сульфита натрия под действием облучения видимым светом / Н. А. Лебедев, В. К. Жук // Тезисы докладов Третьей украинской республиканской конференции по физической химии. – Киев, 1958. – С. 89–90.

Лебедев Н. А. О дозировке и некоторых закономерностях при воздействии ультрафиолетового излучения Солнца на кожу человека // Тезисы докладов Совещания по биологическому действию ультрафиолетового излучения (г. Ленинград, 2–6 июня 1958 г.). – Л., 1958. – С. 33–34.

Лебедев Н. А. О соотношении между суммарной и рассеянной ультрафиолетовой радиацией // Тезисы докладов 29-й научно-практической конференции врачей Евпаторийского территориального курортного управления и детского клинического санатория Министерства обороны (г. Евпатория, 21–23 августа 1958 г.) – Симферополь, 1958. – С. 98–99.

1959

Лебедев Н. А. Некоторые наблюдения над ультрафиолетовой радиацией Солнца в Крыму // Тезисы докладов Совещания по актинометрии и атмосферной оптике (г. Ленинград, 28 января – 3 февраля 1959 г.). – Л., 1959. – С. 35–38.

Лебедев Н. А. Опыт применения дозиметра ультрафиолетовой радиации Солнца / Н. А. Лебедев, Б. А. Перов // Гигиена и санитария. – 1959. – № 2. – С. 11–16.

1960

Лебедев Н. А. О соотношении длинноволновой и коротковолновой радиаций ультрафиолета в спектре Солнца // Тезисы докладов Научно-практической конференции врачей-фтизиатров (г. Алушка, 6–8 октября 1960 г.). – Алушка, 1960. – С. 21.

1961

Зміна виходу флуоресценції при фотохімічних сенсibilізованих реакціях / М. А. Лебедев, В. К. Жук // Український фізичний журнал. – 1961. – № 6. – С. 789–792.

1964

Лебедев Н. А., Жук В. К. Изменение выхода флуоресценции при фотохимической реакции разложения щавелевокислого калия и присутствии бенгальской розы / Н. А. Лебедев, В. К. Жук // Тезисы докладов Итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава ([г. Симферополь], 7–9 апреля 1964 г.). – Симферополь, 1964. – С. 120.

Кисляк Г. М. Про антистоксову фосфоресценцію органічних фосфорів / Г. М. Кисляк, М. А. Лебедев, Г. М. Лисенко // Український фізичний журнал. – 1964. – Т. 9, № 9. – С. 1001–1008.

1965

Кузьменко М. Г. Некоторые оптические свойства светящихся силикатных красок / М. Г. Кузьменко, Н. А. Лебедев // Тезисы докладов итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава ([г. Симферополь], 26–28 апреля 1963 г.) – Симферополь, 1965. – С. 147.

Список использованных источников и литературы

1. Академик Петр Александрович Ребиндер (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Сер. 2. Химия. – 1998. – Т. 39, № 5. – С. 357–359.
Akademik Petr Aleksandrovich Rebinder (k 100-letiju so dnja rozhdenija) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 2 Himija. – 1998. – T. 39, № 5. – S. 357–359.
2. Альбин К. В., Лебедев Н. А. Общественно-полезная работа студентов отделения физики [за 1958–1959 учебный год] : [доклад на Второй методической конференции по итогам общественно-полезной работы студентов отделения физики и основ производства за 1958–1959 учебный год, 26 мая 1959 г.]. 6 л. : машинопись черновая. – Фонды Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (далее – МИ КФУ). Книга поступлений основного фонда (далее – КП ОФ) № 6/2546.
Al'bin K. V., Lebedev N. A. Obshchestvenno-poleznaia rabota studentov otdeleniia fiziki [za 1958–1959 uchebnyi god]. 6 l. : mashinopis'. – Fondy Muzeia istorii Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo (dalee – MI KFU). Kniga postuplenii osnovnogo fonda (dalee – KP OF) № 6/2546.
3. Антонова Е. С. Михаил Семенович Лапатухин (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2005. – № 3. – С. 50–53, 72.
Antonova E. S. Mikhail Semenovich Lapatukhin (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia) // Russkii iazyk v shkole. – 2005. – № 3. – S. 50–53, 72.
4. Аттестат доцента МДЦ № 02290, выданный Лебедеву Николаю Агафоновичу 18 октября 1947 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/31.
Attestat dotsenta MDTs № 02290, vydannyi Lebedevu Nikolaiu Agafonovichu 18 oktiabria 1947 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/31.
5. Бадалян Р. Г. Про наукову діяльність кафедр фізичної спеціальності Таврійського університету // Нариси з історії природознавства і техніки. – 1971. – Вип. 15. – С. 51–52.
Badal'ian R. G. Pro naukovu diial'nist' kafedr fizichnoi spetsial'nosti Tavriiskogo universitetu // Narisi z istoriï prirodoznavstva i tekhniki. – 1971. – Vip. 15. – S. 51–52.
6. Банникова Л. П. Физико-математический факультет Таврического университета (1918–1930). – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2014. – 120 с.
Bannikova L. P. Fiziko-matematicheskii fakul'tet Tavricheskogo universiteta (1918–1930). – Simferopol : IT «ARIAL», 2014. – 120 s.
7. Библиографический указатель трудов преподавателей Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе / З. Я. Житомирская, И. М. Лебедева. – Симферополь, 1978. – 48 с.
Bibliograficheskii ukazatel' trudov prepodavatelei Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Frunze / Z. Ia. Zhitomirskaiia, I. M. Lebedeva. – Simferopol, 1978. – 48 s.
8. Библиография трудов преподавателей Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Вып. 2 (1957–1967) / З. Я. Житомирская [и др.]. – Симферополь, 1967. – 142 с.
Bibliografiia trudov prepodavatelei Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze. Vyp. 2 (1957–1967) / Z. Ia. Zhitomirskaiia [i dr.]. – Simferopol, 1967. – 142 s.
9. Биографический справочник (альманах) о преподавателях Таврического университета – Крымского университета – Крымского государственного педагогического института – Симферопольского государственного университета. 1918–1993 : Материалы к альманаху СГУ им. М. В. Фрунзе (К 75-летию). 458 л. : машинопись черновая. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2714.
Biograficheskii spravochnik (al'manakh) o prepodavatelyakh Tavricheskogo universiteta – Krymskogo universiteta – Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta – Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1918–1993 : Materialy k al'manakhu SGU im. M. V. Frunze (K 75-letiiu). 458 l. : mashinopis' chernovaia. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2714.
10. Биографический справочник: о преподавателях Таврического университета – Крымского государственного педагогического института – Симферопольского государственного университета : 1918–1993. – Симферополь, 1994. – 160 с.
Biograficheskii spravochnik: o prepodavatelyakh Tavricheskogo universiteta – Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta – Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta : 1918–1993. – Simferopol, 1994. – 160 s.

11. Блохинцев Д. И. Памяти Эдуарда Владимировича Шпольского / Д. И. Блохинцев, Т. Н. Болотникова, В. Л. Гинзбург, Я. Б. Зельдович, Б. Б. Кадомцев и др. // Успехи физических наук. – 1976. – Т. 118. – Вып. 1. – С. 189–190.

Blokhintsev D. I. Pamiati Eduarda Vladimirovicha Shpol'skogo / D. I. Blokhintsev, T. N. Bolotnikova, V. L. Ginzburg, Ia. B. Zel'dovich, B. B. Kadomtsev i dr. // Uspekhi fizicheskikh nauk. – 1976. – Т. 118. – Вып. 1. – С. 189–190.

12. Бюллетень сети сейсмических станций СССР / отв. ред. Е. Ф. Саваренский ; АН СССР ; Совет по сейсмологии. Январь–март 1959 г. – М., 1960. – 168 с.

Biulleten' seti seismicheskikh stantsii SSSR / отв. red. E. F. Savarenskii ; AN SSSR ; Sovet po seismologii. Ianvar'–mart 1959 g. – М., 1960. – 168 s.

13. Васильев В. В. Максименко Матвей Михайлович // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: В 3-х т. Т. 2 / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского ; ред.-сост. : А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – С. 217–218.

Vasil'ev V. V. Maksimenko Matvei Mikhailovich // Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: V 3-kh t. T. 2 / Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo ; red.-sost. : A. A. Nepomniashchii, D. A. Lomakin, V. A. Grushetskaia i dr. – Belgorod : KONSTANTA, 2018. – S. 217–218.

14. Вахрушев Б. А. Ена Василий Георгиевич / Б. А. Вахрушев, А. Г. Кузнецов // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: В 3-х т. Т. 1 / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского ; ред.-сост. : А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – С. 355–356.

Vakhrushev B. A. Ena Vasilii Georgievich / B. A. Vakhrushev, A. G. Kuznetsov // Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: V 3-kh t. T. 1 / Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo ; red.-sost. : A. A. Nepomniashchii, D. A. Lomakin, V. A. Grushetskaia i dr. – Belgorod : KONSTANTA, 2018. – S. 355–356.

15. Выписка из протокола № 8 от 19 апреля 1947 г. Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР об утверждении в ученом звании доцента по кафедре «физика», выданная Лебедеву Николаю Агафоновичу 17 мая 1947 г. 1 л. : машинопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/32.

Vypiska iz protokola № 8 ot 19 apreliia 1947 g. Vysshei attestatsionnoi komissii pri Ministerstve vysshego obrazovaniia SSSR ob utverzhdenii v uchenom zvanii dotsenta po kafedre «fizika», vydannaia Lebedevu Nikolaiu Agafonovichu 17 maia 1947 g. 1 l. : mashinopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/32.

16. Гершберг Р. Е. Слово об академике Г. А. Шайне // Известия Крымской астрофизической обсерватории. – 2013. – Т. 113 (1). – С. 5–9.

Gershberg R. E. Slovo ob akademike G. A. Shaine // Izvestiia Krymskoi astrofizicheskoi observatorii. – 2013. – Т. 113 (1). – S. 5–9.

17. Головки М. В. Невідомі імена в історії вітчизняної дидактики фізики: внесок Анатолія Яворського в розвиток актуальних питань шкільної фізичної освіти // Збірник наукових праць Бердянського державного педагогічного університету. Сер.: Педагогічні науки. – Бердянськ : БДПУ, 2013. – № 2. – С. 39–47.

Golovko M. V. Nevidomi imena v istorii vitchiznianoi didaktiki fiziki: vnesok Anatoliia Iavors'kogo v rozvitok aktual'nikh pitan' shkil'noi fizichnoi osviti // Zbirnik naukovikh prats' Berdians'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. Ser.: «Pedagogichni nauki». – Berdians'k : BDPU, 2013. – № 2. – S. 39–47.

18. Грамота Министерства образования Украинской ССР за самоотверженную работу и выдающиеся успехи в деле обучения и коммунистического воспитания молодого поколения Лебедеву Николаю Агафоновичу № 31620, выданная 13 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2535-2.

Gramota Ministerstva obrazovaniia Ukrainskoi SSR za samootverzhennuiu rabotu i vydaiushchiesia uspekhi v dele obuchenii i kommunisticheskogo vospitaniia molodogo pokoleniia Lebedevu Nikolaiu Agafonovichu № 31620, vydannaia 13 iuliia 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2535-2.

19. Грамота Правления Крымского областного отдела Общества по распространению политических и научных знаний Украинской ССР за активное участие в работе Общества по

распространению политических и научных знаний Украинской ССР Лебедеву Николаю Агафоновичу № 579, выданная 28 июня 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/1.

Gramota Pravleniia Krymskogo oblastnogo otдела Obshchestva po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniu Ukrainskoi SSR za aktivnoe uchastie v rabote Obshchestva po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniu Ukrainskoi SSR Lebedevu Nikolaiu Agafonovichu № 579, vydannaia 28 iunია 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/1.

20. Грушецкая В. А. Празднование 20-летнего юбилея Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в 1945 году // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70), № 3. – С. 16–39.

Grushetskaia V. A. Prazdnovanie 20-letnego iubilеia Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze v 1945 godu // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4(70), № 3. – S. 16–39.

21. Диплом кандидата наук МФМ № 00777 от 21 сентября 1949 г. о присуждении ученой степени кандидата физико-математических наук, выданный Лебедеву Николаю Агафоновичу 21 сентября 1949 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/34.

Diplom kandidata nauk MFM № 00777 ot 21 sentiabria 1949 g. o prisuzhdenii uchenoi stepeni kandidata fiziko-matematicheskikh nauk, vydannyi Lebedevu Nikolaiu Agafonovichu 21 sentiabria 1949 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/34.

22. Докладная записка секретаря Крымского обкома ВКП(б) В. А. Березкина секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о создании университета в Крыму с приложением резолюции Г. М. Маленкова, 17 ноября 1945 г., 23 ноября 1945 г. – Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17: Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991), оп. 125, д. 342, лл. 156–160.

Dokladnaia zapiska sekretaria Krymskogo obkoma VKP(b) V. A. Berezkina sekretariu TsK VKP(b) G. M. Malenkovu o sozdanii universiteta v Krymu s prilozheniem rezoliutsii G. M. Malenkova, 17 noiabria 1945 g., 23 noiabria 1945 g. – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii, f. 17: Tsentral'nyi komitet KPSS (1898, 1903–1991), op. 125, d. 342, ll. 156–160.

23. Житомирская З. Я. Заметки по истории библиотеки Таврического национального университета // Крымский архив : ист.-краевед. и лит.-филос. журн. / Крым. центр гуманитарных исслед., Таврич. нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь: [б. и.], 2000. – № 6. – С. 250–251.

Zhitomirskaia Z. Ia. Zametki po istorii biblioteki Tavricheskogo natsional'nogo universiteta // Krymskii arkhiv : ist.-kraeved. i lit.-filos. zhurn. / Krym. tsentr gumanitarnykh issled., Tavrich. nats. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol: [b. i.], 2000. – № 6. – S. 250–251.

24. Загородских Ф. С. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959) / Ф. С. Загородских, В. Л. Зайцев, С. А. Секиринский. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 126 с.

Zagorodskikh F. S. Istoriia Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959) / F. S. Zagorodskikh, V. L. Zaitsev, S. A. Sekirinskii. – Simferopol : Krymizdat, 1960. – 126 s.

25. Иван Иванович Тихановский (1893–1930) // Успехи физической науки. 1931. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 350–353.

Ivan Ivanovich Tikhonovskii (1893–1930) // Uspekhi fizicheskoi nauki. 1931. – Т. 1. – Вып. 2. – S. 350–353.

26. Ивлева Я. А. История курорта в Евпатории от истоков до современности. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 312 с.

Ivleva Ia. A. Istoriia kurorta v Evpatorii ot istokov do sovremennosti. – Simferopol : IT «ARIAL», 2016. – 312 s.

27. Информационная справка по автоматическому дозиметру ультрафиолетового излучения Солнца, составленная Н. А. Лебедевым. 1 л. : машинопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/2.

Informatsionnaia spravka po avtomaticheskomu dozimetru ul'trafiuletovogo izlucheniia Solntsa, sostavlennaia N. A. Lebedevym. 1 l. : mashinopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/2.

28. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное

государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – 352 с.

Istoriia Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiakh / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii, Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia «Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo»; [A. A. Nepomnyashchy, A. S. Kravchuk]. – Belgorod : KONSTANTA, 2018. – 352 s. : il., fot.

29. История Таврического университета / Н. В. Багров, В. В. Лавров, В. Ф. Шарапа и др. ; ред. Н. В. Багров. – Киев : Либідь, 2003. – 243 с.

Istoriia Tavricheskogo universiteta / N. V. Bagrov, V. V. Lavrov, V. F. Sharapa i dr. ; red. N. V. Bagrov. – Kiev : Libid', 2003. – 243 s.

30. Калмыкова М. М. Путь длиной в 100 лет: Научная библиотека Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского / М. М. Калмыкова, Н. В. Чигрина ; под ред. проф. А. А. Непомнящего ; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – 348 с.

Kalmykova, M. M. Put' dlinoiu v 100 let: Nauchnaia biblioteka Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo / M. M. Kalmykova, N. V. Chigrina ; pod red. prof. A. A. Nepomniashchego ; Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia «Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo». – Belgorod : KONSTANTA, 2018. – 348 s.

31. Касаткин В. Н. МАН – эффективная форма воспитания способной молодежи (ретроспектива, потенциал возможностей) // Ученые записки Симферопольского государственного университета. Экономика. География. История. Филология. – 1997. – № 3(42). – С. 126–130.

Kasatkin V. N. MAN – effektivnaia forma vospitaniia sposobnoi molodezhi (retrospektiva, potentsial vozmozhnosti) // Uchenye zapiski Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Geografiia. Istoriia. Filologiiia – 1997. – № 3(42). – S. 126–130.

32. Кисляк Г. М. Некоторые вопросы дезактивации метастабильного состояния молекул органических веществ: автореф. дис. канд. физ.-мат. наук / Одесский гос. ун-т. – Одесса, 1963. – 12 с.

Kisliak G. M. Nekotorye voprosy dezaktivatsii metastabil'nogo sostoiianiia molekul organicheskikh veshchestv: avtoref. dis. kand. fiz.-mat. nauk / Odesskii gos. un-t. – Odessa, 1963. – 12 s.

33. Коростелина Т. А. История становления и развития физического факультета Симферопольского государственного университета // Ученые записки Симферопольского государственного университета. – 1998. – № 9 (48): 80 лет Симферопольскому государственному университету. – С. 44–55.

Korostelina T. A. Istoriia stanovleniia i razvitiia fizicheskogo fakul'teta Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta // Uchenye zapiski Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 1998. – № 9 (48): 80 let Simferopol'skomu gosudarstvennomu universitetu. – S. 44–55.

34. Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе, 1918–1928 / Крымский пед. ин-т; отв. ред. Г. П. Вейсберг. – Симферополь, 1928. – 71 с.

Krymskii pedagogicheskii institut imeni M. V. Frunze, 1918–1928 / Krymskii ped. in-t; otv. red. G. P. Veisberg. – Simferopol, 1928. – 71 s.

35. Куничев Л. А. Ход солнечной радиации в Сочи во время затмения 30 июня 1954 г. Отт. из сб.: Бюллетень Всесоюзного астрономо-геодезического общества. – 1956. – № 17(24). – С. 41–46. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 4/1789.

Kunichev L. A. Khod solnechnoi radiatsii v Sochi vo vremia zatmeniia 30 iunია 1954 g. Ott. iz sb.: Biulleten' Vsesoiuznogo astronomo-geodezicheskogo obshchestva. – 1956. – № 17(24). – S. 41–46. – Fondy MI KFU. KP OF № 4/1789.

36. Лебедев Н. А. Заявление А. Н. Теренину. 1 л. : рукопись черновая. [Б.д.]. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/29а.

Lebedev N. A. Zaiavlenie A. N. Tereninu. 1 l. : rukopis' chernovaia. [B.d.]. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/29a.

37. Лебедев Н. А. Опыт применения дозиметра ультрафиолетовой радиации Солнца / Н. А. Лебедев, Б. А. Перов // Гигиена и санитария. – 1959. – № 2. – С. 11–16.

Lebedev N. A. Opyt primeneniia dozimetra ul'trafiioletovoi radiatsii Solntsa / N. A. Lebedev, B. A. Perov // Gigiena i sanitariia. – 1959. – № 2. – S. 11–16.

38. Лебедев Н. А. Новый прибор для измерения ультрафиолетовой радиации Солнца / Н. А. Лебедев, И. Д. Шмеркович // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. – Т. XXI: «Математика и физика». – 1955. – С. 293–300.

Lebedev N. A. Novyi pribor dlia izmereniia ul'trafiioletovoi radiatsii Solntsa / N. A. Lebedev, I. D. Shmerkovich // Izvestiia Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze. – T. XXI: «Matematika i fizika». – 1955. – S. 293–300.

39. Лебедев Николай Агафонович. ГАРФ, ф. Р-9396: Министерство высшего образования СССР (МВО СССР), оп. 3а, д. 368, 15 л.

Lebedev Nikolai Agafonovich. GARF, f. R-9396: Ministerstvo vysshego obrazovaniia SSSR (MVO SSSR), op. 3a, d. 368, 15 l.

40. Личное дело кандидата физико-математических наук, доцента Лебедева Николая Агафоновича. Государственный архив Республики Крым, ф. Р-21: Таврический национальный университет (ТНУ) им. В. И. Вернадского Министерства образования и науки Украины, г. Симферополь Автономной Республики Крым, 1924–2007 гг., оп. 6, д. 73, 54 л.

Lichnoe delo kandidata fiziko-matematicheskikh nauk, dotsenta Lebedeva Nikolaia Agafonovicha. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. R-21: Tavricheskii natsional'nyi universitet (TNU) im. V. I. Vernadskogo Ministerstva obrazovaniia i nauki Ukrainy, g. Simferopol Avtonomnoi Respubliki Krym, 1924–2007 gg., op. 6, d. 73, 54 l.

41. Личные дела руководящих работников высших учебных заведений МВО СССР (директоров, ректоров, деканов факультетов, заведующих кафедрами), уволенных в 1948–1953 годах. Л. Том 3. Ласкин Николай Николаевич, Лая Фердинанд Янович, Лебедев Андрей Николаевич, Лебедев Георгий Михайлович, Лебедев Николай Агафонович. – ГАРФ, ф. Р-9396: Министерство высшего образования СССР (МВО СССР), оп. 34, д. 200, 91 л.

Lichnye dela rukovodiashchikh rabotnikov vysshikh uchebnykh zavedenii MVO SSSR (direktorov, rektorov, dekanov fakul'tetov, zaveduiushchikh kafedrami), uvolennykh v 1948–1953 godakh. L. Tom 3. Laskin Nikolai Nikolaevich, Laia Ferdinand Ianovich, Lebedev Andrei Nikolaevich, Lebedev Georgii Mikhailovich, Lebedev Nikolai Agafonovich. – GARF, f. R-9396: Ministerstvo vysshego obrazovaniia SSSR (MVO SSSR), op. 34, d. 200, 91 l.

42. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. – 2019. – № 4. – С. 64–71.

Nepomnyashchy A. A. Istochniki bibliograficheskoi informatsii po istoricheskomu krymovedeniiu // Bibliografiia i knigovedenie. – 2019. – № 4. – S. 64–71.

43. Непомнящий А. А. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации / А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, Е. В. Бебешко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70), № 3. – С. 84–105.

Nepomnyashchy A. A. «Rabotali nesmotria ni na chto»: Krymskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. V. Frunze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: po materialam fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii / D. A. Lomakin, E. V. Bebeshko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – T. 4(70), № 3. – S. 84–105.

44. Непорент Б. С. Александр Николаевич Теренин (1896–1967) // Успехи физических наук. – 1969. – Т. 98. – Вып. 4. – С. 723–730.

Neporent B. S. Aleksandr Nikolaevich Terenin (1896–1967) // Uspekhi fizicheskikh nauk. – 1969. – T. 98. – Vyp. 4. – S. 723–730.

45. Объявление об открытой лекции доцента Н. А. Лебедева в Дагестанском пединституте, 6 апреля 1943 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 7/2770.

Ob'iasnenie ob otkrytoi leksii dotsenta N. A. Lebedeva v Dagestanskom pedinstitute, 6 apreliia 1943 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 7/2770.

46. Объяснительная записка Крымского педагогического института к отчету института за 1946 год по разделу учебной работы, 10 февраля 1947 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 9226, лл. 114–118.

Ob'iasnitel'naia zapiska Krymskogo pedagogicheskogo instituta k otkhetu instituta za 1946 god po razdelu uchebnoi raboty, 10 fevralia 1947 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 9226, ll. 114–118.

47. Объяснительная записка к бухгалтерскому отчету Крымского педагогического института за 1953 год и балансу на 1 января 1954 г., 1 февраля 1954 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 72, д. 3477, лл. 35–44.

Ob'iasnitel'naia zapiska k bukhgalterskomu otkhetu Krymskogo pedagogicheskogo instituta za 1953 god i balansu na 1 ianvaria 1954 g., 1 fevralia 1954 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 72, d. 3477, ll. 35–44.

48. Объяснительная записка Крымского педагогического института к финансовому отчету института за 1948 г., январь 1948 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 71, д. 8534, лл. 73–77 об.

Ob'iasnitel'naia zapiska Krymskogo pedagogicheskogo instituta k finansovomu otkhetu instituta za 1948 g., ianvar' 1948 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 71, d. 8534, ll. 73–77 ob.

49. Объяснительная записка Крымского педагогического института к финансовому отчету института за 1949 г., 3 февраля 1950 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 71, д. 8612, лл. 22–35.

Ob'iasnitel'naia zapiska Krymskogo pedagogicheskogo instituta k finansovomu otkhetu instituta za 1949 g., 3 fevralia 1950 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 71, d. 8612, ll. 22–35.

50. Орехова Л. А. Профессор В. Н. Мигирин в истории Крымского педагогического института (1939–1971) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 105–123.

Orekhova L. A. Professor V. N. Migirin v istorii Krymskogo pedagogicheskogo instituta (1939–1971) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – T. 4 (70), № 4. – S. 105–123.

51. Отчет Крымского государственного педагогического института об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе за 1945/1946 годы (с приложениями), июль–август 1946 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4908, лл. 1–47.

Otkhet Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta ob uchebno-vospitatel'noi i nauchno-issledovatel'skoi rabote za 1945/1946 gody (s prilozheniiami), iul'–avgust 1946 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4908, ll. 1–47.

52. Отчет Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе за 1944/45 уч. г., 15 августа 1945 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4722, лл. 1–33.

Otkhet Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. M. V. Frunze za 1944/45 uch. g., 15 avgusta 1945 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4722, ll. 1–33.

53. Отчет Крымского педагогического и учительского института Министерства просвещения РСФСР по научно-исследовательской деятельности за 1948 г., январь–февраль 1949 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 71, д. 7530, лл. 38–51.

Otkhet Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta Ministerstva prosveshcheniia RSFSR po nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti za 1948 g., ianvar'-fevral' 1949 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 71, d. 7530, ll. 38–51.

54. Отчет о выполнении плана научно-исследовательской работы Крымского Педагогического и Учительского института им. М. В. Фрунзе за 1950 г., 14 февраля 1951 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 71, д. 8061, лл. 100–113.

Otchet o vypolnenii plana nauchno-issledovatel'skoi raboty Krymskogo Pedagogicheskogo i Uchitel'skogo instituta im. M. V. Frunze za 1950 g., 14 fevralia 1951 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 71, d. 8061, ll. 100–113.

55. Письмо Крымского пединститута в Министерство просвещения РСФСР о списании суммы недостачи с приложенным судебным решением, 30 ноября 1953 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 72, д. 3477, лл. 145–147.

Pis'mo Krymskogo pedinstituta v Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR o spisanii summy nedostachi s prilozhennym sudebnym resheniem, 30 noiabria 1953 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 72, d. 3477, ll. 145–147.

56. Письмо Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о необходимости решения финансовых вопросов на ремонт зданий, приобретение лабораторного оборудования и т. д. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4784, л. 211–211об.

Pis'mo Krymskogo pedinstituta v Narkompros RSFSR o neobkhodimosti resheniia finansovykh voprosov na remont zdani, priobretenie laboratornogo oborudovaniia i t. d. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4784, l. 211–211ob.

57. Письмо Н. А. Лебедеву от редакционной коллегии газеты КГПИ «За педагогические кадры». 1 л. : машинопись. [Б.д.]. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2558/1-2.

Pis'mo N. A. Lebedevu ot redaktsionnoi kollegii gazety KGPI «За pedagogicheskie kadry». 1 l. : mashinopis'. [B.d.]. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2558/1-2.

58. Письмо Н. А. Лебедеву от сотрудника Биоклиматической станции г. Евпатория [Л. 3.], 25 апреля 1959 г., лл. 1–1об. : рукопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2564/1-2.

Pis'mo N. A. Lebedevu ot sotrudnika Bioklimaticheskoi stantsii g. Evpatoriia [L. Z.], 25 apreliia 1959 g., ll. 1–1ob. : rukopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2564/1-2.

59. Письмо Н. А. Лебедеву от сотрудника Украинского НИИ медицинской климатологии и климатотерапии им. И.М. Сеченова МЗ УССР в г. Ялта Б. А. Перова, 9 апреля 1958 г., 1 л. : рукопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 5/2560.

Pis'mo N. A. Lebedevu ot sotrudnika Ukrainского NII meditsinskoj klimatologii i klimatoterapii im. I.M. Sechenova MZ USSR v g. Ialta B. A. Perova, 9 apreliia 1958 g., 1 l. : rukopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 5/2560.

60. Письмо Н. А. Лебедеву от сотрудников Физико-технического института Германской академии наук в Берлине (ГДР) В. К. Эшке, В. Б. Эккарта, 23 марта 1959 г., лл. 1–1об. : рукопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2563/1-2.

Pis'mo N. A. Lebedevu ot sotrudnikov Fiziko-tekhnicheskogo instituta Germanskoj akademii nauk v Berline (GDR) V. K. Eshke, V. B. Ekkarta, [17 apreliia 1959 g.], ll. 1–1ob. : rukopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2563/1-2.

61. План построения воспитательной работы со студентами, составленный Н. А. Лебедевым, лл. 1–1об. : рукопись с пометками. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2545.

Plan postroeniia vospitatel'noi raboty so studentami, sostavlennyi N. A. Lebedevym, ll. 1–1ob. : rukopis' s pometkami. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2545.

62. План-программа проведения III очередной сессии Малой академии наук Крыма «Искатель», 8–9 февраля 1965 г. 4 л. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2555.

Plan-programma provedeniia III ocherednoj sessii Maloj akademii nauk Kryma «Iskatel'», 8–9 fevralja 1965 g. 4 l. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2555.

63. Постановление СНК Кр. АССР № 20/3 о материально-хозяйственном состоянии Крымского пединститута, 23 декабря 1944 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4784, лл. 7–7об.

Postanovlenie SNK Kr. ASSR № 20/3 o material'no-khoziaistvennom sostoianii Krymskogo pedinstituta, 23 dekabria 1944 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshcheniia RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4784, l. l. 7–7ob.

64. Постановление СНК СССР № 552 «О расширении и улучшении подготовки преподавателей физики для высших и средних учебных заведений», 24 марта 1945 г. – ГАРФ, ф. Р-5446: Совет Министров СССР, оп. 1, д. 247: Оригиналы постановлений СНК СССР №№ 546–670, 24 марта 1945 г.– 4 апреля 1945 г., лл. 28–38.

Postanovlenie SNK SSSR № 552 «O rasshirenii i uluchshenii podgotovki prepodavatelej fiziki dlja vysshih i srednih uchebnyh zavedenij», 24 marta 1945 g. – GARF, f. R.5446: Sovet Ministrov SSSR, op. 1, d. 247: Originaly postanovlenij SNK SSSR №№ 546–670, 24 marta 1945 g. – 4 aprelja 1945 g., ll. 28–38.

65. Правительственная телеграмма заместителя народного комиссара просвещения Г. И. Иваненко с распоряжением назначить Н. А. Лебедева уполномоченным по реэвакуации Крымского пединститута, 7 июля 1944 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4565, л.10.

Pravitel'stvennaja telegramma zamestitelja narodnogo komissara prosveshhenija G. I. Ivanenko o naznachenii N. A. Lebedeva upolnomochennym po rejevakuacii Krymskogo pedinstituta, 7 ijulja 1944 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4565, l.10.

66. Приказ [Без номера] по Крымскому государственному педагогическому институту им. М. В. Фрунзе [о вынесении благодарности Н. А. Лебедеву в честь его 50-летнего юбилея и 25-летия трудовой деятельности], 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2535-1.

Prikaz [Bez nomera] po Krymskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu institutu im. M. V. Frunze [o vynesении благодарности N. A. Lebedevu v chest' ego 50-letnego iubileia i 25-letiiia trudovoi deiatel'nosti], 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2535-1.

67. Почетная грамота Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе за руководство научной работой сотрудников кафедры и студентов Лебедеву Николаю Агафоновичу, выданная 26 апреля 1962 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2536.

Pochetnaja gramota Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze za rukovodstvo nauchnoj rabotoj sotrudnikov kafedry i studentov Lebedevu Nikolaju Agafonovichu, vydannaja 26 aprelja 1962 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2536.

68. Приглашение билет на Вторую методическую конференцию по итогам общественно-полезной работы студентов отделения физики и основ производства за 1958–1959 учебный год (26 мая 1959 г., г. Симферополь). – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2538.

Priglasitel'nyj билет na Vtoruju metodicheskiju konferenciju po itogam obshhestvenno-poleznoj raboty studentov otdelenija fiziki i osnov proizvodstva za 1958–1959 uchebnyj god (26 maja 1959 g., g. Simferopol). – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2538.

69. Приглашение на III очередную сессию Малой академии наук Крыма «Искатель» (8–9 февраля 1965 г., Симферополь). – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2554.

Priglasenie na III ocherednuju sessiju Maloj akademii nauk Kryma «Iskatel'» (8–9 fevralja 1965 g., Simferopol). – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2554.

70. Программа исследования по УФР [ультрафиолетовой радиации]. 1 л. : рукопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2540.

Programma issledovanija po UFR [ul'trafioletrovoj radiacii]. 1 l. : rukopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2540.

71. Программированное обучение: указ. лит. Вып. 4 / сост. З. Я. Житомирская, И. М. Лебедева. – Симферополь, 1972. – 60 с.

Programmirovannoe obuchenie: ukaz. lit. Vyp. 4 / sost. Z. Ja. Zhitomirskaia, I. M. Lebedeva. – Simferopol, 1972. – 60 s.

72. Пушкарев Д. А. Особенности сосудистых реакций у больных гипертонической болезнью при лечении в Гурзуфе. Отг. из ж-ла: Военно-медицинский журнал. – 1957. – № 6. – С. 51–55. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 4/1788.

Pushkarev D. A. Osobennosti sosudistyh reakcij u bol'nyh gipertonicheskoj bolezniu pri lechenii v Gurzufе. Ott. iz zh-la: Voенno-meditsinskij zhurnal. – 1957. – № 6. – S. 51–55. – Fondy MI KFU. KP OF № 4/1788.

73. Пятилетний план Крымского государственного педагогического и учительского института им. Фрунзе по научно-исследовательской работе (1946–1950 годы). – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 71, д. 7361, лл. 2–13об.

Pjatiletnij plan Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. Frunze po nauchno-issledovatel'skoj rabote (1946–1950 gody). – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 71, d. 7361, ll. 2–5 ob.

74. Рабинович Адольф Иосифович // Большая советская энциклопедия : в 50 т. Т. 35. Прокат – Раковины / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М. : Большая Сов. энцикл., 1955. – С. 418.

Rabinovich Adol'f Iosifovich // Bol'shaja sovetskaja enciklopedija : v 50 t. T. 35. Prokat – Rakoviny / gl. red. B. A. Vvedenskij. – 2-e izd. – M. : Bol'shaja Sov. encikl., 1955. – S. 418.

75. Ретроспективный указатель трудов преподавателей кафедры физики Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : библиогр. указ. тр. / Науч. б-ка Луган. нац. ун-та им. Тараса Шевченко ; сост.: Е. Р. Шутова. – Луганск : [Б. и], 2019. – 36 с.

Retrospektivnyj ukazatel' trudov prepodavatelej kafedry fiziki Luganskogo nacional'nogo universiteta imena Tarasa Shevchenko : bibliogr. ukaz. tr. / Nauch. b-ka Lugan. nac. un-ta im. Tarasa Shevchenko ; sost.: E. R. Shutova. – Lugansk : [B. i], 2019. – 36 s.

76. Ромбах В. П. О границе поглощения света окислами щелочно-земельных металлов. Отг. из ж-ла: Оптика и спектроскопия. – М.- Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 258–259. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/564/1.

Rombakh V. P. O granitse pogloshcheniia sveta okislami shchelochno-zemel'nykh metallov. Ott. iz zh-la: Optika i spektroskopiia. – M.- L. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – S. 258–259. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/564/1.

77. Сидякин В. Г., Шарапа В. Ф. Очерки истории Симферопольского государственного университета: 1918–1993. – Симферополь : Таврида, 1993. – 414 с.

Sidiakin V. G., Sharapa V. F. Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta: 1918–1993. – Simferopol : Tavrida, 1993. – 414 s.

78. Справка о состоянии Крымского пединститута от 25 мая 1945 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Наркомат – Министерство просвещения РСФСР, оп. 70, д. 4784, л. 103–107.

Spravka o sostoyanii Krymskogo pedinstituta ot 25 maia 1945 g. – GARF, f. A-2306: Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR, op. 70, d. 4784, l. 103–107.

79. Справка, составленная и.о. начальника Управления Высшей школы НКП РСФСР И. Т. Огородниковым, о состоянии Крымского педагогического и учительского института от 19 мая 1945 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4784, лл. 39–40об.

Spravka, sostavlenaja i.o. nachal'nika Upravlenija Vysšej shkoly NKP RSFSR I. T. Ogorodnikovym, o sostoyanii Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta ot 19 maja 1945 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4784, ll. 39–40ob.

80. Статистические сведения институтов Крымской автономной области о занимаемых ими национализированных зданиях и состоянии их на февраль-декабрь 1923 г., 5 февраля – 5 декабря 1923. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 9857, 27 л.

Statisticheskie svedeniya institutov Krymskoj avtonomnoj oblasti o zanimаемых imi nacionalizirovannyh zdaniyah i sostoyanii ih na fevral'-dekabr' 1923 g., 5 fevralja – 5 dekabnja 1923. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 9857, 27 l.

81. Таврический университет: времена и люди. 90 лет служения науки / авт.-сост. Н. В. Бержанский, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович. – Киев : Лыбидь, 2008. – 294 с.

Tavriceskii universitet: vremena i liudi. 90 let sluzheniia nauki / avt-sost. N. V. Berzhanskii, V. F. Sharapa, G. Ju. Bogdanovich. – Kiev : Lybid', 2008. – 294 s.

82. Таврический университет: документы и материалы / авт.-сост. Н. В. Багров, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович. – Киев : Лыбидь, 2008. – 288 с.

Tavriceskii universitet: dokumenty i materialy / avt-sost. N. V. Bagrov, V. F. Sharapa, G. Ju. Bogdanovich. – Kiev : Libid', 2008. – 288 s.

83. Телеграмма поздравительная от [А. М.] Радик [преподаватель кафедры геометрии КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/4.

Telegramma pozdravitel'naja ot [A. M.] Radik [prepodavatel' kafedry geometrii KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/4.

84. Телеграмма поздравительная от [А. Ф.] Перехода [директор КГПИ им. М. В. Фрунзе (1960–1977 гг., с 1972 г. – ректор Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе)] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/12.

Telegramma pozdravitel'naja ot [A. F.] Perehoda [direktor KGPI im. M. V. Frunze (1960–1977 gg., s 1972 g. – rektor Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Frunze)] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/12.

85. Телеграмма поздравительная от [В. П.] Ромбаха [аспирант Н. А. Лебедева по кафедре физики КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Луганск, 6 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/19.

Telegramma pozdravitel'naja ot [V. P.] Rombaha [aspirant N. A. Lebedeva po kafedre fiziki KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Lugansk, 6 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/19.

86. Телеграмма поздравительная от [Г. М.] Кисляка [аспирант Н. А. Лебедева по кафедре физики КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Полтава, 8 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/14.

Telegramma pozdravitel'naja ot [G. M.] Kisljaka [aspirant N. A. Lebedeva po kafedre fiziki KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Poltava, 8 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/14.

87. Телеграмма поздравительная от волейбольной команды преподавателей [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/17.

Telegramma pozdravitel'naja ot volejbol'noj komandy prepodavatelej [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/17.

88. Телеграмма поздравительная от [доцента кафедры физического воспитания КГПИ им. М. В. Фрунзе] [А. Я.] Зильбера Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/27.

Telegramma pozdravitel'naia ot [dotsenta kafedry fizicheskogo vospitaniia KGPI im. M. V. Frunze] [A. Ia.] Zil'bera Nikolaiu Agafonovichu Lebedevu po sluchaiu ego 50-letii. Simferopol, 4 iulija 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/27.

89. Телеграмма поздравительная от заведующего кафедрой математики [КГПИ им. М. В. Фрунзе] [В. Н.] Скрыдлова Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/6.

Telegramma pozdravitel'naja ot zavedujushhego kafedroj matematiki [KGPI im. M. V. Frunze] [V. N.] Skrydlova Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/6.

90. Телеграмма поздравительная от заведующего кафедрой физики [Винницкого педагогического института] [А. Н.] Яворского Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/24.

Telegramma pozdravitel'naia ot zaveduiushhego kafedroi fiziki [Vinnitskogo pedagogicheskogo instituta] [A. N.] Javorskogo Nikolaiu Agafonovichu Lebedevu po sluchaiu ego 50-letii. Simferopol, 3 iulija 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/24.

91. Телеграмма поздравительная от [Н. Р.] Одинца [доцент кафедры марксизма-ленинизма КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/8.

Telegramma pozdravitel'naja ot [N. R.] Odinca [docent kafedry marksizma-leninizma KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/8.

92. Телеграмма поздравительная от П. Т. Данильченко [профессор, заведующий кафедрой химии КГПИ им. М. В. Фрунзе с 1933 г. по 1960 г.] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Алушта, 7 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/21.

Telegramma pozdravitel'naja ot P. T. Danil'chenko [professor, zavedujushhij kafedroj himii KGPI im. M. V. Frunze s 1933 g. po 1960 g.] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Alushta, 7 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/21.

93. Телеграмма поздравительная от Профбюро [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/3.

Telegramma pozdravitel'naja ot Profbjuro [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/3.

94. Телеграмма поздравительная от семьи Манзон [доцент кафедры математики КГПИ им. М. В. Фрунзе Б. А. Манзон с супругой] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Полтава, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/15.

Telegramma pozdravitel'naja ot sem'i Manzon [docent kafedry matematiki KGPI im. M. V. Frunze B. A. Manzon s suprugoj] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Poltava, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/15.

95. Телеграмма поздравительная от семьи Поповых [И. И. Попов с 1947 г. по 1952 г. – директор КГПИ им. М. В. Фрунзе, с 1952 г. по 1963 г. – заведующий Центральной сейсмической станции крымской зоны Института физики Земли АН СССР с супругой] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Полтава, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/22.

Telegramma pozdravitel'naja ot sem'i Popovyh [I. I. Popov s 1947 g. po 1952 g. – direktor KGPI im. M. V. Frunze, s 1952 g. po 1963 g. – zavedujushhij Central'noj sejsmicheskoi stancii krymskoj zony Instituta fiziki Zemli AN SSSR s suprugoj] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Poltava, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/22.

96. Телеграмма поздравительная от сотрудников кафедр ботаники и основ сельскохозяйственного производства [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/10.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov kafedr botaniki i osnov sel'skhozjajstvennogo proizvodstva [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/10.

97. Телеграмма поздравительная от сотрудников кафедры зоологии [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь. [Б.д.]. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/5.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov kafedry zoologii [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol. [B.d.]. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/5.

98. Телеграмма поздравительная от сотрудников кафедры русского языка [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/7.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov kafedry russkogo jazyka [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/7.

99. Телеграмма поздравительная от сотрудников кафедры физики КСХИ им. М. И. Калинина Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь. [Б.д.]. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/11.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov kafedry fiziki KSHI im. M. I. Kalinina Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol. [B.d.]. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/11.

100. Телеграмма поздравительная от сотрудников кафедры химии [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь. [Б.д.]. – Фонды МИ КФУ. КП OF № 1/13.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov kafedry himii [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol. [B.d.]. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/13.

101. Телеграмма поздравительная от сотрудников Центральной сейсмической станции Института физики Земли АН СССР Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 3 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/16.

Telegramma pozdravitel'naja ot sotrudnikov Central'noj sejsmicheskoy stancii Instituta fiziki Zemli AN SSSR Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 3 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/16.

102. Телеграмма поздравительная от физиков, выпуск 1961 г. [КГПИ им. М. В. Фрунзе] Николаю Агафоновичу Лебедеву по случаю его 50-летия. Симферополь, 4 июля 1961 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/9.

Telegramma pozdravitel'naja ot fizikov, vypusk 1961 g. [KGPI im. M. V. Frunze] Nikolaju Agafonovichu Lebedevu po sluchaju ego 50-letija. Simferopol, 4 ijulja 1961 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/9.

103. Топорец А. С. Монохроматоры // Успехи физических наук. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 255–300.

Toporec A. S. Monohromatory // Uspehi fizicheskikh nauk. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 255–300.

104. Удостоверение дружинника по охране общественного порядка № 66174, выданное Николаю Агафоновичу Лебедеву 19 сентября 1962 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 6/2552.

Udostoverenie družinnika po ohrane obshhestvennogo porjadka № 66174, vydannoe Nikolaju Agafonovichu Lebedevu 19 sentjabrja 1962 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 6/2552.

105. Удостоверение к наградной медали «За трудовую доблесть» № 666183, выданное Лебедеву Николаю Агафоновичу 27 октября 1953 г. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/33.

Udostoverenie k nagradnoj medali «За трудовую доблесть» № 666183, vydannoe Lebedevu Nikolaju Agafonovichu 27 oktjabrja 1953 g. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/33.

106. Урбанский В. М. Из истории организации Таврического университета и его физико-математического факультета // Очерки истории естествознания и техники. – 1991. – Вып. 39. – С. 63–72.

Urbanskii V. M. Iz istorii organizatsii Tavricheskogo universiteta i ego fiziko-matematicheskogo fakul'teta // Oчерки истории естествознания и техники. – 1991. – Вып. 39. – С. 63–72.

107. Устав Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе, 2 июля 1939 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Наркомат – Министерство просвещения РСФСР, оп. 70, д. 3691, лл. 1–29.

Ustav Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze, 2 ijulja 1939 g. – GARF, f. A-2306: Narkomat – Ministerstvo prosveshchenija RSFSR, op. 70, d. 3691, ll. 1–29

108. Філіпова О. І. Розвиток фізичної науки в Таврійському університеті // Матеріали 13-ї Всеукраїнської наукової конференції «Актуальні питання історії науки і техніки» (м. Коростень, 16–18 жовтня 2014 р.) / Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОPIK. – Київ, 2014. – С. 318–320.

Filipova O. I. Rozvytok fizychnoi nauky v Tavriiskomu universyteti // Materialy 13-yi Vseukrainskoi naukovoi konferentsii «Aktualni pytannia istorii nauky i tekhniky» (m. Korosten, 16–18 zhovtnia 2014 r.) / Tsentr pamiatkoznavstva NAN Ukrainy i UTOPIK. – Kyiv, 2014. – S. 318–320.

109. Ходатайство Наркомпроса РСФСР в Совнарком СССР о восстановлении Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе. [Б.д.]. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4784, лл. 74–77.

Hodatajstvo Narkomprosa RSFSR v Sovnarkom SSSR o vosstanovlenii Krymskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Frunze. [B.d.]. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4784, ll. 74–77.

110. Шостка В. И. Великолпный организатор и воспитатель (к 100-летию со дня рождения Рубена Григорьевича Бадаляна) (1912–1982) // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Физико-математические науки. – 2012. – Т. 25(64), № 1. – С. 231–238.

Shostka V. I. Velikolepnyi organizator i vospitatel' (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia Rubena Grigor'evicha Badal'iana) (1912–1982) // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Fiziko-matematicheskije nauki. – 2012. – Т. 25(64), № 1. – С. 231–238.

111. Шостка В. И. Попов Иннокентий Иванович // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: В 3-х т. Т. 2 / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – С. 401–403.

Shostka V. I. Popov Innokentij Ivanovich // Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: V 3-h t. T. 2 / Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnjashhij, D. A. Lomakin, V. A. Grusheckaja i dr. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – S. 401–403.

112. [Шпольский Э. В.] Письмо А. Н. Теренину от 24 ноября 1947 г. 1 л.: рукопись. – Фонды МИ КФУ. КП ОФ № 1/296.

[Shpol'skij Je. V.] Pis'mo A. N. Tereninu ot 24 nojabrja 1947 g. 1 l.: rukopis'. – Fondy MI KFU. KP OF № 1/296.

113. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1940/1941 учебный год, 7 декабря 1940 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 7128, лл. 1–11.

Shtatnyj formuljar professorsko-prepodavatel'skogo sostava Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. M. V. Frunze na 1940/1941 uchebnyj god, 7 dekabria 1940 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 7128, ll. 1–11.

114. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1945/1946 учебный год. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 4637. лл. 11–14об.

Shtatnyj formuljar professorsko-prepodavatel'skogo sostava Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. M. V. Frunze na 1945/1946 uchebnyj god. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 4637. ll. 11–14ob.

115. Штатный формуляр учебно-вспомогательного состава Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе на 1940/1941 учебный год, 7 декабря 1940 г. – ГАРФ, ф. А-2306: Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), оп. 70, д. 7128, лл. 12–14.

Shtatnyj formuljar uchebno-vspomogatel'nogo sostava Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. M. V. Frunze na 1940/1941 uchebnyj god, 7 dekabria 1940 g. – GARF, f. A-2306: Ministerstvo prosveshhenija RSFSR (Minpros RSFSR), op. 70, d. 7128, ll. 12–14.

Isliamova V. A. «To one of the most prominent employees of our Institute»: the Head of the Department of Physics, Nikolai Agafonovich Lebedev (1911–1965).

The biography of the scientist and teacher of the higher education Nikolai Agafonovich Lebedev (1911–1965) based on a wide variety of sources identified in the State Archives of the Russian Federation, The State Archives of the Republic of Crimea, in the funds of the Museum of History of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University was restored and first presented. For 27 years he held the position of Associate Professor of the Department of Physics, for 9 years – the position of head of the Department of Physics and 7 years – the position of Deputy Director for Academic and Scientific Work of the M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute (Simferopol) was determined. The scientific heritage of the physicist was characterized, his scientific contacts were revealed. The main milestones of the educational and the scientist's social activities were indicated and the facts from personal life, inextricably linked with the history of the Department of Physics and the Institute in general, were researched. The merits of the employee of the higher school, have received worthy recognition among the colleagues, the Institute leadership and the various social and scientific organizations, were noted. The role of N. A. Lebedev in the formation and development of the teaching and learning process at the Crimean State Pedagogical Institute in the first post-war decades was reflected.

Keywords: N. A. Lebedev, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, Simferopol, Department of Physics, dosimeter, daily life of the institute.

УДК 94(47).073.5

**ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ
ПОБЕРЕЖЬЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г.
ПО ДОКУМЕНТАМ «КОМИТЕТА ПО ОБОРОНЕ
БАЛТИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ»**

Курочкин С. С.

*Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: qeen123@yandex.ru*

Проанализированы планы российского командования по защите побережья Балтийского моря от возможной высадки англо-французского десанта в 1855 г. в период Крымской войны по документам «Комитета по обороне балтийского побережья». Благодаря анализу документов данного комитета удалось получить уточнённые данные о планах русского командования по распределению войск на балтийском театре военных действий в 1854 и 1855 гг. Анализ журналов заседаний комитета даёт основание утверждать, что успех высадки союзников в Крыму в сентябре 1854 г. заставил русское командование опасаться, что противник предпримет попытку осуществить аналогичную операцию в Балтийском море. При участии военного министра В. А. Долгорукова, а также генерал-майора Д. А. Милютина, был создан план, предусматривавший в ходе кампании 1855 г. наращивание присутствия русских войск на берегах Балтийского моря. В ходе рассмотрения данного плана «Комитетом по обороне балтийского побережья», распределение войск между районами в 1855 г. было скорректировано, но тенденция к увеличению численности русских войск на берегах Балтийского моря была сохранена.

Ключевые слова: Крымская война, фортификация, береговая оборона, стратегическое прогнозирование, В. А. Долгоруков, Д. А. Милютин, Николай I.

По ходу Крымской войны 1853–1856 гг. боевые действия в разное время велись на множестве различных театров военных действий. Основное внимание в историографии традиционно уделялось тем из них, на которых в период войны происходили наиболее значимые сражения: действия русских войск на Балканах в 1853–1854 гг., боевым действиям в Крыму и обороне Севастополя 1854–1855 гг., событиям на Кавказе. Балтийский театр военных действий остается на сегодняшний момент менее исследованным, поскольку, действуя в водах Балтийского моря в ходе кампаний 1854 и 1855 гг., англо-французский флот осуществил лишь две относительно крупные операции: захват крепости Бомарзунд на Аландских островах в 1854 г. и неудачную атаку на Свеаборг в 1855 г. Однако вопрос о том, как события на данном театре военных действий повлияли на общий ход войны и какая роль данному театру отводилась в русских военных планах на 1854 и 1855 гг., остается на сегодняшний момент не до конца исследованным.

Наиболее подробно события на Балтийском театре военных действий в 1854–1855 гг. и их дипломатическая подоплека рассмотрены в монографии Е. В. Тарле

«Крымская война». Среди источников, использованных им при подготовке глав, посвящённых событиям на Балтике, указаны и документы «Комитета по обороне Балтийского побережья» [15, с. 545]. Однако основной акцент в данной монографии делался на планах и действиях англо-французского флота; вопрос об оценке русским командованием ситуации на Балтике изучен в монографии менее подробно.

Среди исследований, в которых рассматривается проблема распределения русских войск на балтийском театре военных действий, следует назвать статью Р. Н. Рахимова и М. И. Роднова «Башкирские полки в Самаре». Но в данной статье рассматриваются только те решения «Комитета по обороне Балтийского побережья», которые повлияли на дислокацию башкирских полков [14, л. 105].

Боевые действия на Балтийском море в период Крымской войны затрагивались в статье В. В. Лапина «Финляндия в военной системе Российской империи» [4, с. 101]. Однако специальных исследований, посвящённых деятельности «Комитета по обороне Балтийского побережья» в историографии на сегодняшний момент нет.

Основной источниковой базой для написания статьи являются делопроизводственные документы «Комитета по обороне Балтийского побережья», хранящиеся в фонде 169 (Милютины) Отдела Рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ) [2, с. 96]. Один из фондообразователей, Д. А. Милютин, занимая в 1854 г. в вышеуказанном комитете должность одного из двух делопроизводителей, участвовал в 1854 г. в подготовке программных документов комитета [13, л. 3].

Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, находившегося с августа 1853 г. «для исполнения поручений» при военном министре В. А. Долгорукове, процесс подготовки к прямому военному столкновению с Англией и Францией был начат в феврале 1854 г. (9 февраля 1854 г. был опубликован императорский манифест о разрыве с западными державами). После того, как указом Правительствующему Сенату от 16 февраля пограничная полоса от «Северного океана» до границы с Персией была объявлена на военном положении, началось сосредоточение войск на побережье Финского залива. В качестве отдельного района был выделен участок от Петербурга до Нарвы с одной стороны и до Выборга с другой. В качестве отдельного района выделялась Финляндия. На южном берегу Финского залива действовали два отряда с центрами в Риге и в Ревеле [6, с. 236]. С февраля 1854 г. были начаты работы по приведению в оборонительное положение русских крепостей и укрепленных пунктов на побережье. 14 июня англо-французская эскадра появилась на рейде Кронштадта и находилась там до 20 числа. Впоследствии в августе 1854 г. англо-французская эскадра захватила крепость Бомарзунд на Аландских островах [15, с. 71].

Успешное проведение англо-французским флотом операции по переброске в Крым экспедиционной армии, завершившейся высадкой 1 сентября 1854 г. в Евпатории, заставило русское командование, в т.ч. военного министра В. А. Долгорукова, пересмотреть свои представления о возможностях противника по перевозке морем крупных соединений сухопутных войск. По его поручению Д. А. Милютиным была подготовлена записка, получившая название «Соображения

относительно обороны берегов Балтийского моря» и датированная 24 сентября 1854 [6, с. 301]. Во вступительной части записки сказано: «Ныне флоты их в состоянии осуществлять такие военные предприятия, которые прежде считались несбыточными; а через это все расчёты, служившие доселе основанием при стратегических соображениях относительно морских действий, ныне должны совершенно измениться. Защита берегов морских на значительном протяжении становится одною из самых трудных задач военного искусства» [8, л. 1].

В записке говорилось, что российские приморские города и крепости, находящиеся на берегах Балтийского моря (равно как и объекты, расположенные на Черноморском побережье России), уязвимы для атак военно-морских сил союзников. Англичане и французы, имея возможность сосредоточить в Балтийском море значительные силы своих флотов, могли высадить в любой точке российского побережья Балтийского моря армию численностью свыше 70 тыс. человек [8, л. 1 об.]. Если бы противник высадил армию численностью в 70 тыс. чел. рядом с одной из приморских крепостей с целью овладеть ею и если бы данная крепость смогла бы обороняться в течение двух недель, российскому командованию необходимо было бы сконцентрировать в районе атакованного пункта армию численностью не менее 80 тыс. чел. в течение двух недель, из которых 3–4 дня ушли бы на планирование и подготовку к маршу. Таким образом, было необходимо, чтобы войска, на которые была бы возложена задача по деблокированию крепости, находились бы не далее, чем на расстоянии 250–300 верст от нее [8, л. 3]. В таком случае для защиты береговой линии на всей её протяженности российской армии необходимо было сосредоточить (помимо крепостных гарнизонов) 80 тыс. чел. на каждые 500 верст береговой линии. То есть, для защиты всего Балтийского побережья России потребовалось бы не менее 400 тыс. солдат [8, л. 4]. Однако даже такие силы оказались бы недостаточными, если бы противник высадил армию численностью более 70 тыс. чел., если бы подвергшаяся нападению крепость не смогла продержаться две недели или если бы местные географические условия не позволили полевой армии достичь атакованного пункта в двухнедельный срок.

На основании приведенных выше расчетов Д. А. Милютин делал вывод, что российская армия не сможет оборонять всю протяженность береговой линии и должна будет сконцентрировать свои силы для обороны ключевых пунктов [8, л. 4 об.]. Следовало максимально сократить число пунктов, которые предполагалось отстаивать, и сосредоточить вокруг каждого из них войска, достаточные для отражения возможного нападения. Каждая из приморских крепостей становилась бы центром оборонительного района. От обороны пунктов, не имевших большого стратегического значения, следовало отказаться или выделить для их защиты небольшие гарнизоны, способные отразить нападение вражеских крейсеров.

По расчетам Д. А. Милютина, в силу географических условий русские войска в Финляндии, Петербургской губернии и в Ост-Зейском крае не смогли бы достаточно оперативно оказать поддержку друг другу [8, л. 6]. Д. А. Милютин утверждал, что окрестности Петербурга, Ост-Зейский край и Великое княжество Финляндское должны образовывать самостоятельные системы обороны. Силы,

**ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ПОБЕРЕЖЬЯ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г. ПО ДОКУМЕНТАМ...**

выделенные для обороны Балтийского побережья в 1854 г. (165 тыс. чел.: 209 батальонов, 114 эскадронов и 412 орудий), Д. А. Милютин признавал недостаточными, поскольку войска были рассредоточены на большой территории и в каждом конкретном пункте оказывались несоразмерны силам, которыми мог располагать противник [8, л. 6 об.]. В 1854 г. русские войска в Финляндии насчитывали 26 тыс. чел. (19 ½ бат.), из которых 5 ½ бат. составляли гарнизон Свеаборга, 3 бат. были назначены для защиты других укрепленных пунктов и только 11 бат., 4 эск. и 32 орудия (около 10 тыс. чел.) могли быть употреблены для действий в поле [8, л. 7]. Войскам из Петербурга потребовалось бы для оказания помощи Гельсингфорсу преодолеть 417 верст, на что требовалось не менее трёх недель. В Або находился гарнизон до 3 тыс. чел., но этого было недостаточно, чтобы защитить город. Гангеудская укрепленная позиция уже была очищена. Роченсальм и Свартольм также следовало разоружить.

Таблица 1.

Общее распределение войск на балтийском театре в конце 1854 г.

	численность (человек)	батальонов	эскадронов в	сотен	орудий
В Финляндии	32700	33 ¾	6	6	52
В Петербурге, Кронштадте, Выборге, Нарве и окрестностях	96300	96 ¾	34		184
В Эстляндии	37500	41 ¼	12	4	40
В Лифляндии	8300	9		2	24
В Курляндии	11200	9	16	6	32
Всего	186000	189 ¾	68	28	332

В Ост-Зейском крае русские войска насчитывали 42 тыс. чел. (42 ¼ батальона, 28 эскадронов, 12 сотен, 100 орудий), из которых около 10 тыс. (9 бат. 2 сотни, 28 орудий) были выделены для обороны Риги, 20 тыс. (24 ¼ бат., 12 эск., 4 сотни, 40 орудий) – для защиты Ревеля, и ещё 12 тыс. (9 бат., 16 эск., 6 сотен, 32 орудия) находились в Курляндии. По расчетам Д. А. Милютина, этих войск было недостаточно для обороны вышеназванных пунктов, а подкрепление из Петербурга могло достичь Ревеля только через 16 дней после нападения [8, л. 10 об.].

Д. А. Милютин предполагал, что 1855 г. противник может высадить на берегах Балтийского моря десантную армию численностью в 70–80 тыс. чел., к которой могли присоединиться шведские войска, что в сумме составило бы 100–120 тыс. чел. В оригинальном документе напротив данных расчетов рукою императора Николая I поставлена приписка «Неоспоримо» [8, л. 12 об.].

На полях против абзаца, в котором описывается важность определения ключевых пунктов обороны, рукою императора Николая I сделана приписка: «Их только три: Свеаборг с Гельсингфорсом, Кронштадт с Петербургом и Рига. Нарва и

Выборг – особенные посты» [8, л. 13]. Д. А. Милютин утверждал, что Кронштадт, прикрывавший путь на столицу, мог стать в следующем году целью вражеской атаки. Противник мог высадить армию на берегу между Кронштадтом и Выборгом или между Кронштадтом и Нарвой и начать наступление на Петербург. Необходимо было иметь возможность сосредоточить против вражеского десанта силы не менее 80 тыс. чел. в течение двух – трёх дней. Поэтому войска, собранные в 1854 г. в окрестностях Петербурга, вероятно, следовало оставить там и в течение кампании 1855 года. Напротив данного утверждения рукою императора Николая I сделана приписка: «Справедливо» [8, л. 14].

Гельсингфорс и Свеаборг являлись ещё одним объектом, нуждавшимся в усилении обороны ввиду своей стратегической значимости. Д. А. Милютин особо обращал внимание на оборону Гельсингфорса от атаки с сухого пути и утверждал, что при появлении вражеского десанта русской армии следовало атаковать противника в поле, для чего, однако, требовалось, стянуть к городу в течение 3–4 дней силы, превосходящие по численности вражескую армию, в составе которой может быть до 80 тыс. чел. Рядом с данным абзацем рукою императора Николая I сделана приписка: «Думаю, что характер местности никогда не позволит такого совокупления сил; или, просто сказать, места не найдем» [8, л. 15].

Войска, выделенные для защиты Гельсингфорса, по расчету Д. А. Милютина, не могли оперативно оказать помощь Або и Выборгу из-за их значительной удаленности (210 и 280 верст). Выборг следовало оборонять силами собственного гарнизона; на это император Николай I сделал приписку: «И я так думаю» [8, л. 15 об.]. Поскольку Або был слабо укреплен, его удержание потребовало бы выделения значительных сил, Д. А. Милютин предлагал перебросить канонерские лодки из Або в другие порты, а в самом городе оставить лишь небольшой отряд. Против данного абзаца рукою императора Николая I написано: «Да».

Другие укрепленные пункты на финском побережье Балтийского моря (Роченсальм и Свартгольм) Д. А. Милютин считал необходимым скрыть по примеру Гангеудских укреплений [6, с. 302].

По оценке Д. А. Милютина, Рига и Ревель не имели для России настолько большого стратегического значения, чтобы ради их удержания сосредотачивать в Ост-Зейском крае 80-тысячную армию. Д. А. Милютин предлагал скрыть укрепления обеих крепостей, утверждая, что захват неукрепленных городов не принесет противнику существенных выгод. Однако рукою императора Николая I полях сделана приписка: «Ревель да, но не Рига» [8, л. 17 об.]. Крепости Динамюнде и Нарва предполагалось отстаивать силами их собственных гарнизонов.

Для действий в поле Д. А. Милютин считал необходимым собрать в Петербургской губернии (на территории от Выборга до Нарвы) армию в 80 тыс. чел. [6, с. 302]. В Финляндии, (центральный пункт – Гельсингфорс) – 80 тыс. чел. В Эстляндии (центральный пункт – Ревель) – отдельный наблюдательный корпус, 20 тыс. чел. В Курляндии и Лифляндии (центральный пункт – Рига) – отдельный корпус, 40 тыс. чел. Таким образом, число действующих войск должно было составить 220 тыс. чел. (с местными войсками – до 275 тыс.) [8, л. 20]. Силы,

*ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ПОБЕРЕЖЬЯ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г. ПО ДОКУМЕНТАМ...*

собранные в 1854 г. для обороны балтийского театра военных действий, насчитывали 166 тыс. чел (209 бат., 114 эск., 4 полка казаков, 412 орудий). В ходе кампании следующего года Д. А. Милютин предлагал для тех же целей выделить минимум 275 тыс. чел. Но он опасался, что к весне 1855 г. на данном потенциальном театре военных действий удастся собрать только 225 тыс. чел. даже при условии, что Гвардия будет возвращена на берега Балтийского моря [8, л. 20 об.]. Для изыскания недостающих войск (около 40 тыс. чел.) было предложено перебросить из Ковенской губернии и Литвы силы общей численностью 9 тыс. чел. (8 бат., 16 эск., 48 орудий), ускорить укомплектование запасной дивизии 2 пехотного корпуса (24 бат. – около 20 тыс. чел.) и вооружить флотские экипажи.

Таблица 2.

Распределение сил местной обороны и гарнизонов на 1855 г.

соединение	численность	батальонов	эскадронов	сотен	орудий
Санкт-Петербург		9 ¹	6		8
Кронштадт		22	2		16
Гельсингфорс и Свеаборг		10		2	8
Выборг		3		2	
Або		3		4	8
Нарва		3		1	
Ревель		3		2	8
Рига		3 ²		2	8
Динамюнде		1 ³			
Финляндия, на постах и в городах				4	
Ост-зейский край на постах				7	
Всего	55000	57	8	4 полка	56

В заключение Д. А. Милютин писал, что Российская армия недостаточно многочисленна, чтобы одновременно обеспечить надёжную оборону побережья Балтийского и Чёрного морей от покушений со стороны англо-французских флотов и поддерживать на своей западной и юго-западной границе две армии, достаточно многочисленные для противостояния Австрии и Турции. Для этого, по его расчётам, нужна была армия численностью около миллиона человек [8, л. 21 об.].

Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, данная записка была передана В. А. Долгорукому 29 сентября. По неизвестной Д. А. Милютину причине, представление записки императору произошло лишь через месяц. Уже в конце

¹ Рукою императора исправлено: не менее 12

² Рукою императора исправлено: 6

³ Рукою императора исправлено: 2

октября 1854 г. она, в виде министерского доклада, без подписи Д. А. Милютина, была представлена императору [6, с. 302]. После этого данная записка, по решению императора Николая I была направлена на обсуждение в «Комитет о защите берегов Балтийского моря» под председательством вел. кн. Александра Николаевича, в который также входил вел. кн. Константин Николаевич, ген. ад. Г. В. Жomini, ген. ад. Ф. Ф. Берг, инженер-генерал И. И. Дэн, генерал от артиллерии барон Н. И. Корф, ген. ад. А. П. Безак, барон В. К. Ливен, военный министр В. А. Долгоруков, генерал-майор В. Г. Политковский [13, л. 1]. Производителями дел были назначены генерал-майор Д. А. Милютин и полковник Карцов. По итогам работы комитета в конце ноября 1854 г. был подготовлен проект доклада председателя комитета императору Николаю I по вопросам обороны отдельных стратегических пунктов и распределения сухопутных и морских сил от 25 ноября 1854 г. [12, л. 1]. Комитет выразил согласие с двумя основными принципами, изложенными в записке военного министра от 24 сентября: уменьшить число пунктов, требующих упорной обороны, но сконцентрировать оборонительные средства в тех пунктах, оборона которых будет признана необходимой. В ходе четырех заседаний (9, 12, 16 и 20 ноября) обсуждались два важнейших вопроса: какие прибрежные пункты имели наибольшее стратегическое значение и требовали упорной обороны и как следовало распределить сухопутные и морские силы российской армии для успешной защиты тех пунктов, которые необходимо будет оборонять [11, л. 2]. 24 ноября и 2 декабря состоялись ещё два заседания, на которых обсуждались частные меры [6, с. 305].

Комитет предлагал разделить российское побережье Балтийского моря на четыре участка: 1) Санкт-Петербургский район (ограниченный Нарвой с одной стороны и Выборгом с другой), подчинённый главнокомандующему гвардейских и гренадерского корпусов на общих правах главнокомандующего действующей армией в военное время; 2) Финляндия (за исключением Выборгской губернии), подчинённая главному начальнику на правах командира отдельного корпуса в военное время; 3) Эстляндские губернии, подчиненные командующему эстляндским наблюдательным корпусом на тех же правах; 4) Лифляндская и Курляндская губернии, подчинённые командующему рижским корпусом [10, л. 1 об.].

Прибрежные пункты были разделены на четыре категории важности: а) пункты, которые по важности своей требуют упорной обороны против высадки значительных неприятельских сил; б) пункты, где достаточно разместить наблюдательные отряды для отражения лишь частных покушений противника; в) пункты укрепленные, для защиты которых достаточно одного гарнизона; г) пункты, которые должно оставить вовсе без обороны, а если они укреплены, то разоружить их или даже срыть [11, л. 2 об.]. Комитет рекомендовал принять меры к вывозу из приморских городов вглубь страны военного имущества. Значительные запасы предполагалось сохранять лишь в приморских крепостях, которые могли быть подвергнуты осаде [10, л. 4 об.]. В местностях, где таких крепостей не было, предлагалось создать для снабжения войск складские пункты на удалении от 30 до 50 верст от берега [10, л. 4].

Комитет предлагал исключить Ревель из числа пунктов, которые следует оборонять, и скрыть его укрепления, оставив лишь подвижный отряд для защиты Эстляндии. Генерал-адъютант Ф. Ф. Берг, однако, возражал против данного решения, считая, что разоружение Ревеля окажет деморализующий эффект на жителей Эстляндии и может спровоцировать противника на нападение на данную территорию [9, л. 2]. Ф. Ф. Берг считал, что целесообразнее будет, соединив рижский и ревельский (эстляндский) отряды, создать Остзейскую армию численностью около 60 тыс. чел., которая, находясь между Ригой и Ревелем, могла бы в случае необходимости оказать помощь каждому из этих пунктов. В. А. Долгоруков, однако, утверждал, что Ревель в фортификационном отношении защищён слишком слабо, а соединение рижского и ревельского (эстляндского) отрядов и их размещение между Ригой и Ревелем привело бы к тому, что рижский отряд не смог бы более оказать поддержку Курляндии и Литве [9, л. 4].

По оценке комитета, Петербург и Кронштадт могли стать главной целью противника. Для их обороны «должна была быть сосредоточена сколь возможно большая масса наших сил, сухопутных и морских, дабы можно было здесь без опасений ожидать предприятий со стороны противника в самом обширном размере» [11, л. 4]. Комитет рекомендовал принять интенсивные меры по усилению верков Кронштадта (в особенности, укреплений на Северном фарватере) [9, л. 14 об.]. Защита Петербурга с сухого пути возлагалась в первую очередь на петербургский подвижный корпус. Члены комитета считали, что выгоднее встретить противника на подступах к столице, чем вести оборонительные бои в самом городе [9, л. 16].

Гельсингфорс и Свеаборг признавались комитетом вторым по важности российским объектом на Балтике, для защиты которого, помимо гарнизона, следовало выделить отдельный подвижный корпус [11, л. 17, табл. 3].

Таблица 3.

Предполагаемое распределение войск на Балтийском театре в ходе кампании 1855 г.

	численность (человек)	батальонов	эскадронов	сотен	орудий
В Финляндии	78973	71		18	92
В Выборге	3351	3			
В Нарве	3272	3			
В Кронштадте	17104	18 ½	2		20
Эстляндский отряд	25327	17	8	12	24
Рижский корпус	37597	25 ½	32	12	64
Гарнизоны Риги и Динамюнде	16186	10			16
Гарнизон Петербурга	14891	11	8 ½		24
Петербургский корпус	88423	74	67 ½		180
всего на Балтике	285124	233	118	42	420

после прибытия запасной дивизии 2-го пехотного корпуса	311858	257	118	42	444
--	--------	-----	-----	----	-----

Рига и Динамюнде должны были, по мнению комитета, помимо гарнизона, охраняться отдельным корпусом, который мог одновременно прикрывать Курляндию и Литву. Для этого следовало усилить укрепления Динамюнде с сухопутного фронта [9, л. 9]. Верки Риги, по оценке комитета, были слишком слабы, чтобы город можно было бы рассматривать как самостоятельную крепость.

Або в Финляндии и Ревель в Ост-Зейском крае не могли быть обороняемы упорно, их следовало прикрывать лишь подвижными отрядами. В случае изменения обстановки абосский отряд должен был присоединиться к гельсингфорсскому корпусу, а ревельский – к рижскому или к петербургскому корпусу. Выборг и Нарва должны были обороняться силами собственных гарнизонов [11, л. 5]. В ряде приморских городов на территории Финляндии предполагалось разместить небольшие команды из местных войск.

Число в 300 тыс. солдат комитет признавал минимально необходимым для успешной защиты берегов Балтийского моря во всех трёх основных районах, в связи с чем Комитет, согласно предложению военного министра, признавал необходимым перебросить войска Гвардии с западной границы к Петербургу.

Император Николай I одобрил содержание доклада «Комитета об обороне Балтийского побережья», однако распорядился повторно обсудить на дополнительном заседании комитета 4 декабря вопрос о разоружении Ревеля с учетом предложений, высказанных в записке А. П. Безака. Последний утверждал, что укрепления Ревеля могут быть приведены в обороноспособное состояние в относительно короткое время и что не следует отдавать без боя противникам город, который может быть использован им как опорный пункт и база флота [10, л. 18]. И. И. Денон были подготовлены соображения по вооружению Ревеля, согласно которым для вооружения верков крепости требовалось 305 орудий: 221 – на сухопутном фронте, 84 – на береговых батареях. В ходе заседания 4 декабря члены комитета сошлись во мнении, что оборону Ревеля целесообразно сохранить [10, л. 19]. Гарнизон Ревеля должен был составить 7 батальонов и 8 полевых орудий. В заключение члены комитета, однако, заявляли, что Ревель будет в состоянии отразить лишь нападение, предпринятое относительно небольшим отрядом [10, л. 21]. Так, Ревель сохранял статус укрепленного пункта, но Эстляндский наблюдательный отряд должен был продолжить играть роль подвижного резерва [6, с. 305].

При разработке планов, военный министр В. А. Долгоруков и «Комитет по обороне Балтийского побережья» исходили из того, что Англо-Французский флот будет в ходе кампании 1855 г. обладать контролем над Балтийским морем [6, с. 306]. Признавая техническое и численное превосходство вражеских военно-морских сил, управляющий морским министерством вел. кн. Константин

Николаевич заключил: «...парусный наш флот без соразмерного числа паровых судов не в состоянии бороться с многочисленными паровыми эскадрами обеих западных держав, а потому, оставить его вооруженным значило бы парализовать часть наших средств, которой можно дать иное полезное назначение». [11, л. 10 об.]. Члены комитета призывали отказаться от применения флота как самостоятельной силы для действий на море и рассчитывали использовать корабли российского Балтийского флота лишь как вспомогательное средство при защите портов [9, л. 24]. В ходе работы комитета высказывались предложения в случае необходимости формировать из экипажей кораблей морское ополчение [11, л. 10 об.]. Личный состав и материальная часть корабельной артиллерии могли быть задействованы для комплектования крепостных и береговых батарей. Основная роль в отражении предполагаемого вторжения возлагалась на армию и береговые укрепления.

За высадкой англо-французских войск в сентябре 1854 г. в Крыму последовал пересмотр русским командованием боевых возможностей англо-французского флота на Балтике. До осени 1854 г. теоретическая возможность перевозки группировки войск на вражескую территорию и дальнейшее снабжение её по морю признавалась возможными. Однако риски, связанные с проведением десантной операции, заставляли сомневаться в том, что противник предпримет попытку её осуществления [5, с. 11]. Однако, по оценке Ч. А. Гамильтона, крымская операция осени 1854 г. стала однозначным доказательством жизнеспособности концепции паромного моста [17, р. 21]. Император Николай I опасался, что союзники смогут высадить армию численностью до 70 тыс. человек с целью захвата одного из русских приморских городов или для нападения на Санкт-Петербург. Эта угроза заставила русское командование, учитывая неспособность русского балтийского флота вести открытый бой с англо-французской эскадрой, существенно усилить группировку сухопутных войск на балтийском побережье [16, р. 280].

Вопрос, насколько обоснованными были эти опасения, остаётся до конца не проясненным. В. И. Васильчиков утверждал, что моральный эффект, произведённый на русское командование падением Бомарзунда в августе 1854 г., привёл к переоценке угрозы с стороны вражеского флота на Балтике. Тем более, что еще в ночь с 19 по 20 мая 1854 г. союзная эскадра пыталась захватить крепости на Аландских островах и о. Ханко, преграждавшие путь к Петербургу. Отпор союзникам был дан российским артиллерийским отрядом с участием финляндских бойцов под командованием генерал-лейтенанта А. Э. Рамзая. В августе того же года он руководил обороной Абоского залива во главе 2-го Финляндского флотского экипажа, а во время бомбардировки Свеаборга, начавшейся 9 августа 1855 г. и длившейся 46 часов, командовал правым флангом оборонной линии, за что был пожалован чином генерала от инфантерии российских войск [3, с. 194]. По оценке В. И. Васильчикова, из-за ошибочного предположения, что союзники готовят крупную наземную операцию, «на Балтийском побережье оставалось без всякой видимой пользы несметное, можно сказать, количество войск» [1, с. 171]. Однако Е. В. Тарле утверждал, что русское командование к концу лета 1854 г. имело все основания опасаться, что противник обладает достаточными силами для проведения

подобной операции [15, с. 96]. Но организации англо-французской экспедиции в Балтийское море, сопровождавшейся высадкой десанта, препятствовали противоречия между союзниками. Англия была заинтересована в успехе операций в Балтийском море в значительно большей степени, чем Франция. Вместе с тем, Англия не могла организовать операцию на суше без привлечения французских войск [15, с. 92]. Первый лорд адмиралтейства сэръ Джеймс Грейам, в письмах к адмиралу Чарльзу Непиру в мае 1854 г. утверждал, что, по его оценке, Кронштадт и Свеаборг неуязвимы для атаки с моря, и «лишь очень большая армия сможет эффективно действовать на суше в присутствии тех сил, которые Россия могла бы сосредоточить для защиты подступов к своей столице» [18, р. 240].

Часть специалистов британского адмиралтейства, признавая свои силы в 1854 г. недостаточными для взятия Кронштадта, предлагали создать запас материальных средств и снарядить к началу кампании 1855 г. флот, способный выполнить эту задачу [15, с. 62]. Но необходимость наращивания в 1855 г. в Крыму группировки, осаждавшей Севастополь, затрудняла союзникам сбор армии для операций в Балтийском море. Английской дипломатии не удалось убедить Наполеона III выделить силы французской армии для действий на Балтике, так что проведение десантной операции оказалось для союзников невозможным. Попытки английской дипломатии убедить шведского короля Оскара I присоединиться к антироссийской коалиции также окончились неудачей отчасти ввиду ограниченности успехов союзных военно-морских сил на данном театре военных действий, отчасти из-за отсутствия определённых военных гарантий от Союзников и наличия в Финляндии и в окрестностях Петербурга многочисленной русской армии [15, с. 462].

Таким образом, концентрация русских сил в Балтийском регионе сдерживала союзников от попыток проведения военных операций на побережье Балтийского моря. В то же время, угроза вражеской высадки не давала перебросить русские войска с Балтийского побережья на другие театры военных действий [9, л. 7]. Две армии были развернуты на западной границе Российской империи для отражения возможной агрессии со стороны Австрии. Всё это не позволяло в ходе кампании 1855 г. собрать в Крыму группировку войск, достаточную для разгрома союзников.

Список использованных источников и литературы

1. Васильчиков В. И. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив.– 1891.– Вып. 6.– С. 167–256.
Vasil'chikov V. I. Zapiski nachal'nika shtaba Sevastopol'skogo garnizona knyazya Viktora Illarionovicha Vasil'chikova // Russkij arhiv.– 1891.– Вып. 6.– С. 167–256.
2. Зайончковский П. А. Архив Д. А. Милютинина // Вопросы истории.– 1946.– № 5-6.– С. 96–104.
Zajonchkovskij P. A. Arhiv D. A. Milyutina // Voprosy istorii.– 1946.– № 5-6.– С. 96–104.
3. Клинге М. Имперская Финляндия.– СПб.: Коло, 2005.– 235 с.
Klinge M. Imperskaya Finlyandiya.– SPb.: Kolo, 2005.– 235 s.
4. Лапин В. В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал.– 2014.– № 1.– С. 98–120.
Lapin V. V. Finlyandiya v voennoj sisteme Rossijskoj imperii // Peterburgskij istoricheskij zhurnal.– 2014.– № 1.– С. 98–120.
5. Милошевич Н. С. Из записок севастопольца.– СПб.: Сенат. тип., 1904.– 146 с.

- Miloshevich N. S. Iz zapisok sevastopol'ca.– SPb.: Senat. tip., 1904.– 146 s.
6. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856.– М.: Российский архив, 2000.– 527 с.
Milyutin D. A. Vospomnaniya. 1843–1856.– M.: Rossijskij arhiv, 2000.– 527 s.
7. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 41. Л. 1–4 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 41. L. 1–4 ob.
8. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 1–28 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 56. L. 1–28 ob.
9. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л. 1–30 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 59. L. 1–30 ob.
10. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Л. 1–21 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 60. L. 1–21 ob.
11. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 61. Л. 1–17 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 61. L. 1–17 ob.
12. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 62. Л. 1–1 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 62. L. 1–1 ob.
13. ОР РГБ. Ф. 169. К. 21. № 8. Л. 1–28 об.
OR RGB. F. 169. K. 21. № 8. L. 1–28 ob.
14. Рахимов Р. Н., Роднов М. И. Башкирские полки в Самаре // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого.– Уфа: Бийский филиал БашГУ, 2013.– С. 103–124.
Rahimov R. N., Rodnov M. I. Bashkirskie polki v Samare // Reka vremeni. 2013: unikal'nye svidetel'stva proshlogo.– Ufa: Bijskij filial BashGU, 2013.– S. 103–124.
15. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т.– М.: «ЭКСМО», 2003.– Т. 2.– 608 с.
Tarle E. V. Krymskaya vojna: v 2-h t.– M.: «EKSMO», 2003.– T. 2.– 608 s.
16. Figes O. The Crimean war: a history.– New York: Picador, 2012.– XXIII, 575 p.
17. Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870.– Oxford: Clarendon Press, 1993.– 359 p.
18. Elers N. The life and correspondence of Admiral Sir Charles Napier. Vol. 2.– London: Hurst and Blackett, 1862.– 415 p.

Kurochkin S. S. Plans of the Russian command of the defense of the Baltic Sea coast in the fall of 1854 according to the documents of the «Committee of the Defense of the Baltic Coast»

The article is devoted to the analyses of the plans of the Russian command of the defense of the Baltic Sea coast from the possible landing of English and French troops in 1855 during the Crimean war according to the materials of «Committee of the Defense of the Baltic Coast». Due to the analyses of the documents of this committee, it was managed to get the more precise information about the plans of Russian command of distribution of the troops in the Baltic theater of operations in 1854 and 1855. The analyses of meeting logs of the committee let to assert that success of landing of the allied forces in the Crimea in September 1854 made the Russian command to beware that the enemy could try to conduct an analogous operation in the Baltic Sea. With the participation of the Minister of War of Russian Empire Vasily Dolgorukov and major-general Dmitry Milyutin the plan of redeployment of the additional Russian troops to the coast of Baltic Sea during the campaign of 1855 was prepared. During the discussion of the plan by the «Committee of the Defense of the Baltic Coast» distribution of the troops between the regions in 1855 was adjusted, but the tendency of increasing of number of Russian troops on the coast of Baltic Sea still maintained.

Keywords: Crimean war, fortification, coastal defense, strategic forecasting, Vasily Dolgorukov, Dmitry Milyutin, Nicolas I of Russia.

УДК 796.015.132

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС
«ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» КАК ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ
МАССОВОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СССР**

Николаев Е. А.

*Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: enikolaev@sfu-kras.ru*

Рассматриваются вопросы истории зарождения и развития комплекса ГТО, указываются основные причины ознаменовавшие его появление. В работе определяются основные этапы формирования структуры комплекса ГТО, и определяются этапы его дальнейшего развития и совершенствования. Приводятся основные причины изменений и содержания, структуры, нормативных требований на протяжении всего периода существования комплекса ГТО. С статье приводятся основные формы развития массовой физической культуры и спорта (ФК и С). Впервые на основании статистической отчетности Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту (ВК ФК) автором делается попытка наглядно показать какое количество значкистов ГТО подготавливалось в стране на разных этапах существования комплекса. Особенно интересным видится статистика в период 1970–1980 гг. когда комплекс ГТО получил наибольшую популярность. Ранее в полном объеме статистические данные нигде не публиковались. В заключении автор анализирует основные причины снижения популярности комплекса ГТО и делает выводы о роли комплекса в истории развития физической культуры и спорта в СССР с 1931–1991 гг.

Ключевые слова: История СССР, комплекс ГТО, БГТО, физическая культура и спорт, нормативы ГТО, Всесоюзный комитет по физической культуре и спорта.

После возрождения в 2014 г. Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»¹ актуальным становится использование опыта его старшего предшественника в историческом аспекте изучения вопроса.

Комплекс ГТО сыграл большую роль в деле привлечения широких общественных масс к высокопроизводительному труду и защите Отечества, что подтверждается историческими исследованиями по данной теме. Обращаясь к вопросу изучения истории развития комплекса ГТО в советской историографии можно отметить труды нескольких авторов, начиная с 1950-х гг. вышел ряд работ по истории физкультуры и спорта в СССР, которые в той или иной степени затрагивали вопрос о комплексе ГТО (в том числе в военные годы). К числу наиболее значимых работ можно отнести труды П. Е. Пигулевской, В. И. Дринь, Н. П. Новоселова, Г. И. Кукушкина, В. В. Столбова, В. А. Уварова [41; 21; 35; 45; 26; 48]. Однако отметим, что приоритет в этих работах отдавался педагогике, а не

¹ Указ Президента РФ от 24 марта 2014 г. № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70519520/#ixzz4Nhqx0QVG> (дата обращения: 11.12.2021).

истории. Наличие таких факторов как строгое следование официальной государственной идеологии, узкий круг используемых исторических источников, игнорирование региональных особенностей и аспектов, не позволяет говорить о каком-либо целостном представлении исследуемого вопроса в этот период.

В 1990-е гг. в научный оборот было введено большее количество исторических источников, изменились методологические подходы, что привело к повышению интереса к историческому изучению комплекса ГТО, расширению географии исследований. Из работ, написанных в постсоветский период особое значение имеют труды Б. Р. Голощапова, Н. Ю. Мельниковой, А. Б. Суника, Т. В. Сарычевой [6; 30; 47, 44]. Однако, в этих работах нет целостного понимания всех преобразований которые проводились в тот или иной период модернизации комплекса ГТО. Также в работах нет полного представления о количестве подготавливаемых значкистов комплекса ГТО на протяжении всего существования комплекса. С целью частичной ликвидации этого пробела знаний написана данная статья.

Впервые оценкой физической подготовленности в России заинтересовались еще в царское время во времена правления Николая II. По примеру Швеции и Германии в России были введены нормативы на получения знака «нормальный атлет». Он учреждался с целью поощрения лиц, которые постоянными физическими упражнениями стремились приобрести и поддерживать здоровье, силу, ловкость и выносливость [24, с. 54]. Предпосылки создания комплекса ГТО, были сформированы с первых лет существования советской власти. Работа по физической культуре была направлена на защиту молодой республики от классовых врагов, интервентов и внутренней контрреволюции [12, с. 36]. После победы в гражданской войне встал вопрос о строительстве нового общества. Стране нужны были крепкие, здоровые люди готовые к высокопроизводительному труду и защите Родины. В 1920-е гг. активно обсуждался вопрос введения нормативов оценки физической подготовленности населения. К середине 1920-х гг. в оборот стало вводиться понятие «нормального физкультурника», что означало оптимальный уровень развития физических качеств человека [49, с. 32]. В 1924 г. в газете «Красный спорт» была опубликована статья «о нормальном физкультурнике». В ней говорилось о необходимости установить показатель, легко усвояемый рядовым физкультурником: «...Задача заключается в том, что бы дать ряд простейших упражнений, доступных для широких масс молодежи, и установить нормы последовательных ступеней физического развития массового физкультурника» [38]. В последствии журнал «Известия физической культуры» опубликовал проект «Правил испытаний на звание «физкультурник» [42]. Не спокойная обстановка вокруг границ СССР в конце 1920-х гг. требовала от государства усиления обороноспособности граждан, и этому уделялось большое внимание. Следует также отметить, что индустриализация и коллективизации в конце 1920-х гг. привела к так называемому «Великому перелому», произошедшему в 1929 г. В связи с этим были созданы предпосылки для построения новой системы физического воспитания трудящихся СССР, отвечающей потребностям периода развернутого

социалистического строительства. Решающим средством коренного изменения существовавших ранее форм и методов физкультурной работы, явилось продолжение газеты «Комсомольская правда» о введении испытаний готовности населения к труду и обороне своей Родины [28]. По мнению исследователей А. М. Бураковой, В. В. Гайл выделяя в своей работе факторы обусловившие появления комплекса ГТО они отмечали: «...военный фактор, многопланово воздействуя на становление отечественной системы физической культуры, определил содержание деятельности в рамках указанной системы и определил необходимость создания критериев оценки данной деятельности, каковыми позже и стали нормы комплекса ГТО» [3, с. 29]. Таким образом, на данном этапе проблема военизации комплекса ГТО была приоритетной задачей государства.

11 марта 1931 г. Всесоюзным советом физической культуры СССР, было утверждено положение о значке «Готов к труду и обороне». Первый комплекс состоял из одной ступени, предполагая испытания по 21 виду, 6 из которых имели общефизическую, 15 прикладную направленность. С целью дальнейшего совершенствования физкультурно-спортивной работы, пройдя ряд этапов обсуждения и проверку на опыте работы в специальном лагере инструкторов 7 декабря 1932 г. была утверждена вторая, повышенная ступень комплекса ГТО [18, с. 92]. Нормы второй ступени комплекса были значительно выше, чем в первой, с связи с этим выполнение нормативов второй ступени было существенно затруднено особенно в первые годы работы комплекса [19, с. 254-259]. Таким образом, к началу 1933 г. завершилось построение основы единой системы физического воспитания взрослого населения СССР. В конце 1933 года Всесоюзным советом физической культуры было принято решение о введении подростковой ступени «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), положение было утверждено 15 апреля 1934 г. [1, с. 13]. Таким образом закончился первый этап построения комплекса ГТО 1931–1934 гг. Следует отметить, что по данным В. Т. Царик и Н. А. Макарецца в 1931 г. нормы ГТО 1 ступени в СССР выполнили – 24 тыс. чел., в 1932 г. – 465 тыс. чел., в 1933 г. – 835 тыс. чел. [51, с. 51].

Внедрение комплекса ГТО на территории СССР проходило очень сложно. Не хватало материально-технического обеспечения, спортивных сооружений, специалистов которые должны были вести подготовку значкистов комплекса ГТО. Комплекс был очень сложен для выполнения рядовыми физкультурниками, даже опытные спортсмены не всегда могли выполнить его нормативы. Плановые задания повсеместно не выполнялись. Уже в середине 1930-х гг. стало очевидно, что комплексу ГТО требуется серьёзная перестройки. Пытаясь подвести научную базу под обоснование нормативных требований комплекса и его структуры в 1936 г. в Центральном научно-исследовательском институте физической культуры (ЦНИИФК) по руководством А. Д. Новикова было разработано новое положение комплекса ГТО. ВК ФК в конце 1937 г. провел масштабную работу по модернизации нового положения комплекса ГТО. Во все регионы был разослан проект нового комплекса, с предложением о внесении замечаний [7, л. 9]. Напряженная политическая и военная обстановка конца 1930-х гг. разгоревшаяся

вторая мировая война требовала от советского руководства усиленного наращивания военного потенциала по средствам подготовки человеческих ресурсов к нарастающей военной угрозе. Постепенное увеличение роли военно-прикладной подготовки особенно хорошо просматривается в новом комплексе ГТО, принятом 26 ноября 1939 г. Постановлением совета народных комиссаров (СНК) СССР № 1955, введенном в действие с 1 января 1940 г. [37]. В новом комплексе разработчики попытались ликвидировать недостатки присущие старому комплексу ГТО. При общем сокращении нормативов, была отменена обязательность выполнения всех нормативов. Было введено нормативы по выбору. Введенные нормы по выбору делились на несколько групп преимущественно развивающие то или иное физическое качество человека. Следует так же сказать, что в середине 1930-х гг. комплекс ГТО стал рассматривать как нормативная и программная основа физического воспитания советского общества. Это было ключевым решением для всей физкультурно-массовой работы. В 1935 г. была создана всесоюзная классификация физкультурников, на основании которой все мастера спорта СССР должны были быть значкистами ГТО [27]. Так же выполнение нормативов ГТО было закреплено в программах по физическому воспитанию в учебных заведениях страны. Все эти усилия в некоторой степени оживило работу по выполнению нормативов ГТО. Как отмечал видный ученый И. А. Крячко: «В конце 1930-х гг. в СССР произошло некоторое перевыполнение плана контрольных заданий по 1 ступени комплекса ГТО, но отмечалось резкое невыполнение государственных контрольных заданий по ГТО 2 ступени. Это было следствием низкого качества учебно-спортивной работы» [29, с. 9]. Обращаясь к статистическим данным представленным на рисунке 1 мы видим, что в период 1930-х гг. не наблюдалось массового выполнения нормативов ГТО. Всё это было связано со становлением нормативных основ системы физического воспитания населения СССР.

Великая Отечественная война показала важность физической и военно-прикладной подготовки. В военные годы вся деятельность физкультурных организаций была подчинена нуждам фронта. Комплекс ГТО в 1942 г. подвергся серьезным изменениям, из его структуры были исключены все испытания не имеющие военно-прикладной направленности и наоборот были введены нормативы приближенные к боевой обстановке (метание связки гранат, переползание, штыковой бой, скоростной пеший переход, преодоление водных переплав и др.) [9, л. 92-94]. Комплекс ГТО во время Великой Отечественной войны убедительно доказал свою значимость, при некотором снижении количества значкистов ГТО в 1941 г. их количество постепенно увеличивалось и в 1945 г. достигла уровня предвоенных лет. В годы войны основными формами физкультурно-спортивной работы стало проведения массовых лыжных и легкоатлетических кроссов, пробегов, эстафет, соревнования по военно-прикладным видам физических упражнений, и конечно сдача нормативов комплекса ГТО [50]. Следует отметить, что в период 1930-х гг. число подготавливаемых значкистов комплекса ГТО было не велико и составлял примерно 0,3-1,0 % к общей численности населения СССР [31, с. 40, 56].

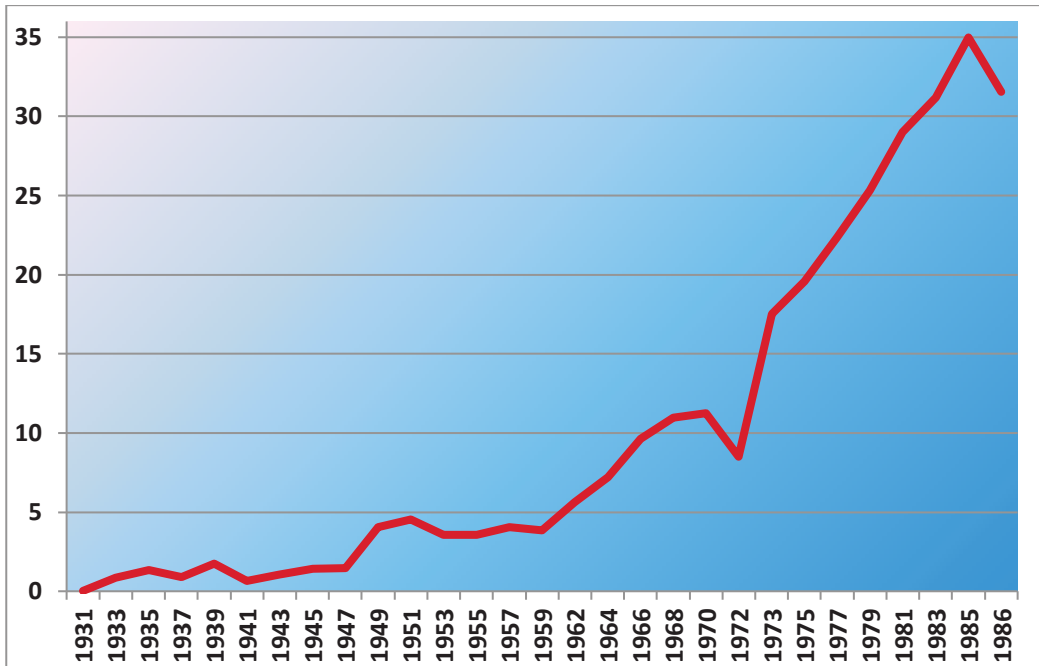

Рис.1. Количество подготовленных значкистов комплекса БГТО, ГТО в СССР в период 1931-1986 гг. (млн. чел.).

После окончания Великой Отечественной войны настал период восстановления народного хозяйства, тяготы войны серьезно подорвали здоровье граждан СССР. В связи с этим перед комплексом ГТО ставились основные задачи восстановления и развития народного хозяйства, это было отмечено в приказе ВК ФК № 418 от 22 августа 1946 г. [20, л. 1]. По сравнению с предыдущим комплексом количество нормативов было снижено и сами нормативы стали носить более оздоровительный характер. Существенно сократили нормативы военно-прикладного назначения. Также было отменено централизованное планирование значкистов ГТО, теперь эта работа строилась на основании обязательств коллективов физической культуры (КФК) этому был посвящен приказ ВК ФК № 530 от 7 июня 1947 г. [2, с. 140]. Знаковым событием в сфере развития ФК и С стало Постановление Центрального комитета (ЦК) Всесоюзной коммунистической партии большевиков ВКП (б) от 27 декабря 1948 г. [39, с. 33]. В нём подчеркивалось, необходимость привлечения на основе комплекса ГТО более широких масс молодежи к занятиям ФК и С. Стало проводится больше спортивных мероприятий.

Все партийные и комсомольские организации были вовлечены в работу по улучшению и развитию ФК и С. Но надо сказать, что этих усилий не хватало для удовлетворения всё возрастающих запросов физкультурно-спортивного движения страны. Особенно слабо была поставлена работа в сельской местности. Опыт работы физкультурных организаций показал, что действующий комплекс ГТО по ряду своих положений отставал от достигнутого в стране уровня развития ФК и С. Многие нормы комплекса не соответствовали возросшей физической подготовленности молодежи. Выявились так же серьезные недостатки и в организации работы по комплексу ГТО. Эти проблемы требовалось решить на основании приказа ВК ФК № 360 от 01 октября 1954 г. который вводил положение нового комплекса ГТО [39, с. 170]. Основными нововведениями было исключение деления нормативов на «обязательные» и «по выбору». В каждую ступень входили только обязательные нормы (БГТО – 10 норм, 1 ступень – 12 норм, 2 ступень – 11 норм). Как и прежде комплекс состоял из трех ступеней [18, с. 95; 36, с. 75]. Известным фактом является то, что в 1952 г. советские спортсмены в первые приняли участие в Олимпийских играх. Комплекс ГТО должен был способствовать развитию массового спорта, приобщению детей и подростков к систематическим занятиям спортом. Большая работа проводилась в этом направлении. ВК ФК издал специальный приказ о безвозмездном предоставлении спортивных объектов, стадионов для подготовки и сдачи нормативов ГТО. Но как показала практика этого частичного реформирования комплекса ГТО не хватило и как видно на представленном рисунке 1, количество подготовленных значкистов ГТО не возрастало. За первое полугодие 1955 г. в целом по СССР план подготовки значкистов ГТО 1 ступени был выполнен на 32,4% по ГТО 2 ступени на 13,2% [10, л. 112]. Требовалась серьезная модернизация комплекса, педагогическая наука была призвана решить эти проблемы. В середине 1950-х гг. начались первые серьезные исследования по научному обоснованию структуры и нормативных требований комплекса ГТО. В 1956 г. было принято новое положение единой всесоюзной спортивной классификации которая подтвердила свою связь с нормативами комплекса ГТО. В 1958 г. был утвержден новый вид спорта «многоборье ГТО». Постановлением ВК ФК от 31 декабря 1958 г. было введено новое положение и нормативы комплекса ГТО [11, л. 1–7]. Введенный в январе 1959 г. новый комплекс ГТО принципиально отличался от всех предыдущих системой оценки, теперь она была «очковой». Все нормы были обязательными и имели нижнюю и верхнюю границы. Необходимо было набрать соответствующее количество очков, что бы стать обладателем значка ГТО. Как и прежде комплекс состоял из трех ступеней БГТО, ГТО – 1 ступень, ГТО – 2 ступень. Следует отметить, что перед принятием положения была проделана огромная работа, прошли широкие обсуждения положения комплекса ГТО, ученые и практики проводили совещания, заседания научно-методической комиссии. В основу комплекса ГТО легла диссертационная работа проведенная с 1957–1961 гг. И. Т. Осиповым, одним из основателей комплекса ГТО. Это внесло определенные успехи в работу. Как отмечал один из руководителей физкультурно-спортивного движения СССР, С. Л. Аксельрод: «По

данным статистических отчетов союзных республик общее количество физкультурников выполнивших нормы всех ступени комплекса составила в 1959 г. внушительную цифру около 3 млн. 850 тыс. человек, то есть примерно столько же, что и в 1958 г. Учитывая известные трудности возникшие в связи с освоением нового комплекса следует всё же оценить эти итоги как положительные» [1, с. 636]. Эти изменения способствовали росту количества подготовленных значкистов ГТО и до конца 1960-х гг. происходило систематическое перевыполнение показателей предыдущих лет. Вместе с тем, с середины 1960-х гг. комплекс ГТО начал подвергаться серьезной критике и даже звучали предложения о его ликвидации. Серьезные дискуссии проходили на страницах журналов «Теория и практика физической культуры», «Физическая культура в школе» [16].

Отметим, что Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) на протяжении всего исследуемого периода играл важную роль в подготовке значкистов комплекса ГТО и в эти годы продолжал искать новые формы привлечения советских граждан особенно молодежи к систематическим занятиям ФК и С. Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» привел ВЛКСМ к идее проведения Всесоюзного смотра спортивной и оборонно-массовой работы первичных комсомольских организаций и экзамена комсомольцев и молодежи по физической и военно-технической подготовке, который был успешно проведен в 1969-1970 гг. и посвящался 100-летию со дня рождения В. И. Ленина [23, с. 34]. Более 30 млн. юношей и девушек приняли участие в смотре, из них – 28 млн. чел. полностью выполнили нормативы экзамена. В этот экзамен входили и нормы ГТО [22, с. 5].

Отметим, что коммунистическая партия и советское правительство уделяло большое внимание вопросам развития ФК и С в СССР. Это подтвердилось Постановлением № 61 ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1972 г. которое с 1 марта 1972 г. ввело в действие новый комплекс ГТО [33, с. 67]. Это дало новый импульс в развитии не только комплекса ГТО, и в целом всей отрасли ФК и С. В новом комплексе существенно расширились возрастные границы, теперь возрастной диапазон испытуемых составлял 10-60 лет. Увеличилось количество ступеней комплекса. Были пересмотрены нормативные критерии, которые стали больше соответствовать задачам физкультурно-спортивного движения. Важным решением в 1972 г. было создание Всесоюзного совета по комплексу ГТО, который направлял и контролировал всю работу комплекса ГТО. Его возглавил летчик-космонавт А. А. Леонов. В 1975 г. была создана Всесоюзная инспекция по комплексу ГТО которая входила во Всесоюзный совет, в ее обязанности входило оказание практической помощи КФК в организации работы по комплексу ГТО, а также контроль за качеством проводившейся работы и статистической отчетности. Систематическими стали рей-проверки оценки качества работы по комплексу ГТО [25, с. 197].

В эти годы продолжали проводится смотры-конкурсы, социалистические соревнования на лучшую постановку физкультурно-массовой работы. В 1972–1973 гг. был проведен «Всесоюзный экзамен комсомольцев, молодежи,

пионеров и школьников по физической и военно-технической подготовке посвященный 50-летию образования СССР» [43, л. 8]. В 1973 г. было принято решение о проведении в 1974 г. Первенства СССР по многоборью ГТО, эти соревнования имели большое значение в деле привлечения населения страны к систематическим занятиям ФК и С. Они проходили очень массово, стали систематическими и были отменены лишь в 1983 г. [19, с. 194]. По данным газет «Комсомольская правда» и «Советский спорт» в 1976 г. в них приняли участие – 36 млн. человек, [40] а уже в 1981 г. количество участников превысило – 50 млн. [34]. Отметим, что с организационными проблемами связано некоторое снижение количества подготовленных значкистов комплекса ГТО в 1972 г., но начиная с 1973 г. эта статистика неуклонно начала возрастать. Этому способствовало в том числе существенное расширение возрастных границ которые еще более расширилось в 1979 г. с введением новой детской ступени 6–9 лет. Кроме того, двухступенчатая система оценки на золотой и серебряный значки способствовала достижению более высоких результатов и позволяла владеть несколькими значками. Также отметит, что на протяжении жизни физкультурник мог получить несколько значков ГТО, особенно в школьном возрасте и такие случаи были не редкость особенно в спортивной среде.

Важным решение коренным образом изменившим статистическую отчетность в сфере ФК и С стало Постановление ЦК КПСС № 890 «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» принятое 11 сентября 1981 г. В нём подчеркивалось обязанность ВК ФК улучшить руководство работой по внедрению физической культуры в повседневную жизнь советских людей. Необходимо было обеспечить дальнейшее развитие спорта в стране, совершенствование на основе комплекса ГТО системы физического воспитания всех групп населения. Кроме того, предписывалось начиная с 1982 г. включать в планы социально-экономического развития страны основные показатели развития ФК и С. В эти показатели включили число подготовленных значкистов комплекса ГТО [4]. В 1985 г. силами лаборатории «программных и нормативных основ советской системы физического воспитания» ВНИИФК была проделана большая работа по усовершенствованию структуры и нормативов комплекса ГТО. В результате 1 января 1985 г. был введен в действие новый, усовершенствованный комплекс ГТО. Утвержденный приказом ВК ФК № 1038 от 25 декабря 1984 г. [8, л. 28]. В новом комплексе произошла перестройка возрастной структуры, она ориентировалась уже не на возраст, но на класс обучения. Нормативы для взрослого населения были разбиты на 5-летний срок, что способствовало объективному состоянию физической подготовленности населения. 10-летний возрастной диапазон был слишком велик, в начале нормативы были слишком просты, а по прошествии 10 лет уже слишком сложны. Существенно были пересмотрены нормативные критерии и исключены не эффективные испытания как не отвечающие требованиям надежности [5, с. 2]. Следует отметить, что эти изменения не существовали долго. Как отмечал заместитель председателя Государственного комитета ФК и С (Госкомспорт) Н. И. Русак: «...новый комплекс не внес свежей струи в практическую деятельность многих спорткомитетов, советов

ДСО и ведомств. Нововведения лишь частично сняли отдельные проблемы» [32]. В 1987 г. был опубликован новый проект комплекса ГТО который получил широкое обсуждение. Звучали предложения о серьезной модернизации комплекса ГТО и даже о его полной ликвидации, некоторые специалисты призывали оставить его положение в неизменном виде [17]. 30 мая 1988 г. было принято Постановление Госкомспорта № 4/4 об изменениях и дополнениях во Всесоюзном физкультурном комплексе ГТО [13, л. 73]. Количество испытаний и нормативов существенно уменьшилось. По структуре комплекс стал состоять из двух ступеней охватывая возраст от 6 до 27 лет. По сути комплекс ГТО было рассчитан на школьников, учащуюся и рабочую молодёжь. И фактически был призван к контролю за общей физической подготовленностью подрастающего поколения. Комплекс состоял из первой и второй ступени БГТО (возраст 6–14 лет) и первой и второй ступеней ГТО (возраст 15–27 лет). Количество нормативов сократилось до 3-х и 3-5-ти требований, в зависимости от ступени [46]. Важным решением было ликвидация планирования по комплексу ГТО. В конце 1980-х гг. в стране проходили серьезные реформы в экономических и политических структурах. И сфера ФК и С осталась на втором плане. Дискредитация комплекса ГТО вызванная в первую очередь завышенными плановыми показателями подготовки значкистов комплекса способствовала снижению популярности комплекса среди населения СССР. Из года в год число подготовленных значкистов ГТО возрастало и в период 1975–1986 гг. количество подготавливаемых значкистов ГТО достигла 8–12% в год к общей численности населения СССР. На основании отчетов ВК ФК число подготовленных значкистов ГТО достигала 20-30 млн. чел. в год. Что особенно хорошо просматривается на представленном рисунке 1 [14, л. 3; 15, л. 3]. С распадом СССР в конце 1991 г. о комплексе ГТО постепенно забыли. Отметим, что юридически он не был ликвидирован.

После проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Исторические предпосылки появления и последующего становления комплекса ГТО были заложены еще в царское время и в первые годы Советской власти. Основной причиной появления комплекса ГТО стала военизация сферы физической культуры, она рассматривалась как составная часть подготовки советских людей к защите социалистических завоеваний, борьбой с классовыми врагами и контрреволюцией. Не стабильная военная обстановка вокруг границ СССР требовала от государства усилий в укреплении боеспособности армии. Также следует отметить, что коллективизация и индустриализация привели в так называемому «Великому перелому» конца 1920-х начала 1930-х гг. В связи с этим были созданы предпосылки для построения новой системы физического воспитания трудящихся СССР, отвечающей потребностям периода развернутого социалистического строительства. Всё это требовало от граждан высокопроизводительного труда. Критерием оценки такой подготовки стал введенный в 1931 г. комплекс ГТО.

2. Комплекс ГТО на протяжении всего периода своего существования играл большую роль в привлечении широких масс населения к систематическим занятиям

ФК и С. Основные изменения внесенные в структуру комплекса были сделаны в 1939, 1942, 1946, 1954, 1958, 1972, 1985, 1988 гг. Изменения вносились исходя из задач поставленных партией и правительством перед физкультурной отраслью, будь то подготовка в высокопроизводительному труду или защите Родины. Важность физической и военно-прикладной подготовки убедительно показала Великая Отечественная война. Послевоенное строительство потребовало от населения больших усилий, а выход в начале 1950-х гг. советских спортсменов на международную арену способствовал реформированию комплекса ГТО исходя из этих задач. В последствии комплекс ГТО продолжал совершенствоваться исходя из дальнейшей задач развития социалистического общества. Таким образом, в своей работе мы хотим выделить несколько этапов развития комплекса ГТО. Период 1930-1945 гг. можно назвать **этапом становления и развития** комплекса ГТО. Период 1946-1971 гг. можно назвать **этапом развития и реформирования**. Период 1972-1988 гг. мы характеризуем как **этап совершенствования** комплекса ГТО.

3. Причины снижения популярности комплекса ГТО на наш взгляд вызваны завышенными плановыми показателями подготовки значкистов. Не грамотное перспективное планирование в сфере ФК и С, включение в отчетную статистику планов подготовки значкистов ГТО есть главная причина, завышения статистических показателей подготовки значкистов. Стремление «выслужиться», а подчас и вовсе боязнь за своё рабочее место, привели к «припискам» и «очковтирательству». Не обоснованные, завышенные планы подталкивали руководителей к профанации в этой работе. Административно-нажимной стиль работы требовал все больше и больше подготовленных физкультурников, спортсменов-разрядников и значкистов ГТО. А успехи советских спортсменов на международных спортивных соревнованиях частично маскировали начавшиеся серьезные проблемы в сфере ФК и С. В середине 1980-х гг. в эти цифры уже перестали верить и комплекс ГТО подвергся серьезной критике вплоть до полной его ликвидации. В следствии этого появился «формализм» в работе специалистов в сфере ФК и С, когда отчетность стала подменяться настоящей работой. Появление новых форм физкультурной работы, видов спорта (карате, йога, культуризм, аэробика и т.д.) несколько затенили работу комплекса ГТО.

Список использованных источников и литературы

1. Аксельрод С. Л. Полтора года работы по новому комплексу ГТО / С. Л. Аксельрод // Теория и практика физ. культуры. – 1960. – Т. 23, вып. 8. – С. 635–636.
Aksel'rod S. L. Poltora goda raboty po novomu kompleksu GTO / S. L. Aksel'rod // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1960. – Т. 23, вып. 8. – С. 635–636.
2. Антонов Г. О порядке планирования работы по комплексу ГТО на 1948 г. / Г. Антонов // Теория и практика физ. культуры. – 1948. – Т. 11, вып. 3. – С. 140–141.
Antonov G. O porjadke planirovaniya raboty po kompleksu GTO na 1948 g. / G. Antonov // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1948. – Т. 11, вып. 3. – С. 140–141.
3. Буракова А.М. Историко-генетический анализ введения комплекса «Готов к труду и обороне» в XX веке : [учеб.-метод. пособие] / А. М. Буракова, В. В. Гайл ; [науч. Ред. А. В. Чудиновский] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2016. – 47 с.

- Burakova A. M. Istoriko-geneticheskiy analiz vvedeniya kompleksa «Gotov k trudu i oborone» v НКН веке : [ucheb.-metod. posobie] / A.M. Burakova, V. V. Gajl ; [nauch. Red. A. V. CHudinovskij] ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. Un-ta, 2016. – 47 s.
4. В плане государственном. // Советский спорт. – 1981. – 20 октября. – № 242. – С. 1.
V plane gosudarstvennom. // Sovetskij sport. – 1981. – 20 oktyabrya. – № 242. – S. 1.
5. Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) [Текст] / Ком. по физ. культ. и спорту при Совете Министров СССР. – Москва : Физкультура и спорт, 1985. – С. 31.
Vsesoyuznyj fizkul'turnyj kompleks «Gotov k trudu i oborone SSSR» (GTO) [Tekst] / Kom. po fiz. kul't. i sportu pri Sovete Ministrov SSSR. – Moskva : Fizkul'tura i sport, 1985. – S. 31.
6. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2015. 312 с.
Goloshchapov B. R. Istoriya fizicheskoj kul'tury i sporta. M.: Akademiya, 2015. 312 s.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. Р-1298 Оп. 1 Д. 8.
Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK) F. R-1298 Op. 1 D. 8.
8. ГАКК Ф. Р-2242. Оп. 1. Д. 211.
GAKK F. R-2242. Op. 1. D. 211.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 417.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) F. R-7576. Op. 1. D. 417.
10. ГАРФ. Ф.Р-7576. Оп. 1. Д. 1044.
GARF. F.R-7576. Op. 1. D. 1044.
11. ГАРФ. Ф.Р-7576. Оп. 1. Д. 1188.
GARF. F.R-7576. Op. 1. D. 1188.
12. ГАРФ Ф.Р-7576. Оп. 7. Д. 261.
GARF F.R-7576. Op. 7. D. 261.
13. ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 34. Д. 2916.
GARF. F. R-7576. Op. 34. D. 2916.
14. ГАРФ. Ф.Р-7576. Оп. 35. Д. 194.
GARF. F.R-7576. Op. 35. D. 194.
15. ГАРФ. Ф.Р-7576. Оп. 35. Д. 381.
GARF. F.R-7576. Op. 35. D. 381.
16. Громадский Э. С. О нормативных требованиях советской системы физического воспитания (в порядке дискуссии) / Э. С. Громадский // Теория и практика физ. культуры. – 1966. – № 4. – С. 54–57.
Gromadskij E. S. O normativnyh trebovaniya sovetskoj sistemy fizicheskogo vospitaniya (v porjadke diskussii) / E. S. Gromadskij // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1966. – № 4. – S. 54–57.
17. ГТО шагает в завтра! // Советский спорт. – 1987. – 1 октября. – № 226. – С. 2.
GTO shagaet v zavtra! // Sovetskij sport. – 1987. – 1 oktyabrya. – № 226. – S. 2.
18. Дацышен В. Г. Туризм в комплексе ГТО: советский исторический опыт / В. Г. Дацышен, Е. А. Николаев // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 90–101.
Dacyshen V. G. Turizm v komplekse GTO: sovetskij istoricheskij opyt / V. G. Dacyshen, E. A. Nikolaev // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 2. – S. 90–101.
19. Деметр Г. С. 70 лет советского спорта : люди, события, факты / Г. С. Деметр, В. В. Горбунов. – Москва : Физкультура и спорт, 1987. – 237 с.
Demetr G. S. 70 let sovetskogo sporta : lyudi, sobytiya, fakty / G. S. Demeter, V. V. Gorbunov. – Moskva : Fizkul'tura i sport, 1987. – 237 s.
20. Деметр Г.С. Ленин об охране здоровья трудящихся и физической культуре. – Изд. 4-е, доп. – М.: Физкультура и спорт, 1981. – 152 с.
Demetr G. S. Lenin ob ohrane zdorov'ya trudyashchihsya i fizicheskoi kul'ture. – Izd. 4-e, dop. – M.: Fizkul'tura i sport, 1981. – 152 S.
21. Дринь В. И. Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» в послевоенный период : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Гос. ордена Ленина и ордена Красного Знамени ин-т физ. культуры им. П. Ф. Лесгафта. - Ленинград : [б. и.], 1962. – 23 с.

- Drin' V. I. Vsesoyuznyj fizkul'turnyj kompleks «Gotov k trudu i oborone SSSR» v poslevoennyj period : Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk / Gos. ordena Lenina i ordena Krasnogo Znameni in-t fiz. kul'tury im. P. F. Lesgafta. – Leningrad : [b. i.], 1962. – 23 s.
22. Еременко В. Т. Ленинский комсомол и массовое физкультурное движение / В. Т. Еременко // Теория и практика физ. культуры. – 1972. – № 4. – С. 5–7.
- Eremenko V. T. Leninskij komsomol i massovoe fizkul'turnoe dvizhenie / V. T. Eremenko // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1972. – № 4. – С. 5–7.
23. Еременко В. Т. Экзамен сдает молодежь / В. Т. Еременко // Физическая культура в школе. – 1969. – № 10. – С. 34–35.
- Eremenko V. T. Ekzamen sdaet molodezh' / V. T. Eremenko // Fizicheskaya kul'tura v shkole. – 1969. – № 10. – С. 34–35.
24. Жохов В. С. Предшественники комплекса ГТО / В. С. Жохов // Физическая культура в школе. – 2014. – № 7. – С. 53–57.
- Zhohov V. S. Predshestvenniki kompleksa GTO / V. S. Zhohov // Fizicheskaya kul'tura v shkole. – 2014. – № 7. – С. 53–57.
25. Значок физкультурника «Готов к труду и обороне» [Текст] : Материалы по комплексу ГТО I и II ступени. Со вступит. статьей Н. К. Антипова / ВСФК СССР. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Физкультура и туризм, 1933. – 358 с.
- Znachok fizkul'turnika «Gotov k trudu i oborone» [Tekst] : Materialy po kompleksu GTO I i II stupeni. So vstupit. stat'ej N. K. Antipova / VSFK SSSR. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Fizkul'tura i turizm, 1933. – 358 s.
26. История физической культуры и спорта / под ред. В. В. Столбова. М.: Физкультура и спорт, 1975. 423 с.
- Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta / pod red. V. V. Stolbova. M.: Fizkul'tura i sport, 1975. 423 s.
27. Кого считать мастером? // Красный спорт. – 11 октября 1935. № 78. – С. 3.
- Kogo schitat' masterom? // Krasnyj sport. – 11 oktyabrya 1935. № 78. – С. 3.
28. Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся. // Комсомольская правда. – 1930. – 24 мая. - № 117. – С. 3.
- Krepkie myshey, zorkij glaz nuzhny kazhdomu trudyashchemusya. // Komsomol'skaya pravda. – 1930. – 24 maya. - № 117. – С. 3.
29. Крячко И. А. О задачах комитетов и физкультурных организаций в связи с введением нового комплекса ГТО / И. А. Крячко // Теория и практика физ. культуры. – 1940. – Т. 6, № 2–3. – С. 9–12.
- Kryachko I. A. O zadachah komitetov i fizkul'turnyh organizacij v svyazi s vvedeniem novogo kompleksa GTO / I. A. Kryachko // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1940. – Т. 6, № 2–3. – С. 9–12.
30. Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта : учебник для вузов по дисциплине «История физической культуры и спорта» / Н. Ю. Мельникова, А. В. Трескин ; под ред. Н. Ю. Мельникова. – Москва : Советский спорт, 2013. – 392 с.
- Mel'nikova N. Yu. Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta : uchebnik dlya vuzov po discipline «Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta» / N. Yu. Mel'nikova, A. V. Treskin ; pod red. N. YU. Mel'nikova. – Moskva : Sovetskij sport, 2013. – 392 s.
31. Население Советского Союза 1922–1991 / Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.. – М.: Наука, 1993. 143 с.
- Naselenie Sovetskogo Soyuza 1922–1991 / Andreev E. M., Darskij L. E., Har'kova T. L.. – M.: Nauka, 1993. 143 s.
32. Не ждать – действовать! // Советский спорт. – 1987. – 8 июля. – № 155. – С. 1.
- Ne zhdat' – dejstvovat'! // Sovetskij sport. – 1987. – 8 iyulya. – № 155. – С. 1.
33. Николаев Е. А. Анализ изменений нормативных требований в период действия Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» СССР. / Е.А. Николаев, А.В. Сужко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. – 2021. – № 2. С. 64–73.
- Nikolaev E. A. Analiz izmenenij normativnykh trebovanij v period dejstviya Vsesoyuznogo fizkul'turnogo kompleksa «Gotov k trudu i oborone» SSS. / E.A. Nikolaev, A.V. Suzhko // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal. 2021. – 2021. – № 2. S. 64–73.

34. Новому комплексу ГТО – 10 лет. // Советский спорт. – 1982. – 17 января. – № 14. – С. 1.
Novomu kompleksu GTO – 10 let. // Sovetskij sport. – 1982. – 17 yanvarya. – № 14. – S. 1.
35. Новоселов Н. П., Синицын С. Д., Харабуга Г. Д. История физической культуры народов СССР. М.: Физкультура и спорт, 1953. 160 с.
Novoselov N. P., Sinicyn S. D., Harabuga G. D. Istoriya fizicheskoj kul'tury narodov SSSR. M.: Fizkul'tura i sport, 1953. 160 s.
36. Новый комплекс ГТО // Теория и практика физ. культуры. – 1955. – Т. 18, вып. 1. – С. 75–79.
Novyj kompleks GTO // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. – 1955. – T. 18, vyp. 1. – S. 75–79.
37. О введении нового физкультурного комплекса Готов к труду и обороне СССР // Физкультура и спорт. – 1939. – № 23–24. – С. 11.
O vvedenii novogo fizkul'turnogo kompleksa Gotov k trudu i oborone SSSR // Fizkul'tura i sport. – 1939. – № 23–24. – S. 11.
38. О нормальном физкультурнике // Красный спорт. – 14 декабря 1924. № 22. – С. 1.
O normal'nom fizkul'turnike // Krasnyj sport. – 14 dekabrya 1924. № 22. – S. 1.
39. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам Советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И. Г. Чудинов. – М.: Физкультура и спорт, 1959. – 390 с.
Osnovnye postanovleniya, prikazy i instrukcii po voprosam Sovetskoj fizicheskoj kul'tury i sporta 1917–1957 gg. / sost. I. G. Chudinov. – M.: Fizkul'tura i sport, 1959. – 390 s.
40. От значка ГТО – к Олимпийской медали. // Комсомольская правда. – 1976. – 13 октября. – № 241. – С. 4.
Ot znachka GTO – k Olimpijskoj medali. // Komsomol'skaya pravda. – 1976. – 13 oktyabrya. – № 241. – S.4.
41. Пигулевская П. Е. История создания и развития всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» с 1930 г. по 1940 г.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / П. Е. Пигулевская; Государственный институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. – Ленинград, 1950. – 15 с.
Pigulevskaya P. E. Istoriya sozdaniya i razvitiya vsesoyuznogo fizkul'turnogo kompleksa «Gotov k trudu i oborone» s 1930 g. po 1940 g.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskix nauk / P. E. Pigulevskaya; Gosudarstvennyj institut fizicheskoj kul'tury im. P. F. Lesgafta. – Leningrad, 1950. – 15 s.
42. Положение об испытаниях на звание физкультурника // Известия физической культуры. – 1927. – № 3. – С. 2.
Polozhenie ob ispytaniyah na zvanie fizkul'turnika // Izvestiya fizicheskoj kul'tury. – 1927. – № 3. – S. 2.
43. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 38. Д. 521а.
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) F. M-1. Op. 38. D. 521a.
44. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). – Томск: Изд-во «Печатная мануфактура», 2019. – 696 с.
Sarycheva T. V. Sovetskaya sistema fizicheskoj kul'tury kak sociokul'turnyj fenomen NKN veka (na primere Zapadnoj Sibiri, 1920–1991 gg.). – Tomsk: Izd-vo «Pечатnaya manufaktura», 2019. – 696 s.
45. Советская система физического воспитания / под ред. Г. И. Кукушкина. М.: Физкультура и спорт, 1975. 558 с.
Sovetskaya sistema fizicheskogo vospitaniya / pod red. G. I. Kukushkina. M.: Fizkul'tura i sport, 1975. 558 s.
46. Служи народу, товарищ ГТО». // Советский спорт. – 1988. – 27 июля. – № 171. – С. 2.
Sluzhi narodu, tovarishch GTO». // Sovetskij sport. – 1988. – 27 iyulya. – № 171. – S. 2.
47. Суник А. Б. Очерки отечественной историографии физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 616 с.
Sunik A. B. Ocherki otechestvennoj istoriografii fizicheskoj kul'tury i sporta. M.: Sovetskij sport, 2010. 616 s.

48. Уваров В. А. 50 лет на службе народу // Физическая культура в школе. 1981. № 3. С. 2–5.
Uvarov V. A. 50 let na sluzhbe narodu // Fizicheskaya kul'tura v shkole. 1981. № 3. S. 2–5.
49. Уваров В. А. Критерии оценки физической подготовленности населения (историческая справка) // Актуальные проблемы разработки государственного физкультурно-спортивного комплекса Российской Федерации: (результаты апробации в Респ. Мордовия. - Саранск, 2005.
Uvarov V. A. Kriterii ocenki fizicheskoy podgotovlennosti naseleniya (istoricheskaya spravka) // Aktual'nye problemy razrabotki gosudarstvennogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa Rossijskoj Federacii: (rezul'taty aprobacii v Resp. Mordoviya. - Saransk, 2005.
50. Царик В. Т. Годы войны / В.Т. Царик // Физкультура и спорт. – 1962. – № 10. – С. 9.
Carik V.T. Gody vojny / V. T. Carik // Fizkul'tura i sport. – 1962. – № 10. – С. 9.
51. Царик В. Т. Физическая культура и спорт в СССР в цифрах и фактах (1917–1961 гг.) / В. Т. Царик, Н. А. Макарецов. – М.: Физкультура и спорт, 1962. – 171 с.
Carik V. T. Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR v cifrah i faktah (1917–1961 gg.) / V. T. Carik, N. A. Makarcev. – М.: Fizkul'tura i sport, 1962. – 171 s.

Nikolaev E. A. All-union sports complex «Ready for work and defense» as a phenomenon of the development of mass physical culture and sports in the USSR.

The issues of the history of the origin and development of the TRP complex are considered, the main reasons that marked its appearance are indicated. The paper defines the main stages of the formation of the structure of the TRP complex, and defines the stages of its further development and improvement. The main reasons for changes in the content, structure, and regulatory requirements throughout the entire period of existence of the TRP complex are given. The article presents the main forms of development of mass physical culture and sports (FC and C). For the first time, on the basis of statistical reports of the All-Union Committee for Physical Culture and Sports (VC FC), the author makes an attempt to clearly show how many GTO badges were prepared in the country at different stages of the complex's existence. Statistics are particularly interesting in the period 1970–1980, when the TRP complex gained the greatest popularity. Previously, the full statistical data has not been published anywhere. In conclusion, the author analyzes the main reasons for the decline in the popularity of the TRP complex and draws conclusions about the role of the complex in the history of the development of physical culture and sports in the USSR from 1931–1991.

Keywords: History of the USSR, GTO complex, BGTO, physical culture and sports, GTO standards, All-Union Committee for Physical Culture and Sports.

УДК 355.469.22

**ВОЕННЫЙ ИСТОРИК Е. Г. ВЕРАКСА И ЕГО ВЗГЛЯДЫ
НА ПРИМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВИАЦИИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Ткаченко С. Н.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Российская Федерация
E-mail: tkserg2018@yandex.com*

Евгений Георгиевич Веракса (1922–2018) – крымский историк авиации, много лет проработавший в Симферопольском государственном университете им. М.В. Фрунзе (ныне это Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского) и крымском военном училище. Фронтовик в 1943 – 1945 гг., летчик Веракса долгое время служил в Советской армии, получил высшее военное образование в академии и защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по военной истории. Преподавал в военно-политической академии, автор ряда пособий, имел множество публикаций в отечественной и зарубежной научной периодике. В свое время активно изучал планирование и практику применения стратегической авиации США и Великобритании против фашистской Германии в годы Второй мировой войны. На основе прежде всего зарубежных исследований историком были сделаны выводы об эффективности действий бомбардировочных авиачастей, которые до сих пор являются актуальными, хотя и нуждаются в уточнении.

Ключевые слова: Е. Г. Веракса, авиация, бомбардировки, командование, планирование, историк, исследование.

23 апреля 2022 года исполняется 100 лет со дня рождения известного военного историка Евгения Георгиевича Вераксы. Родился он в г. Дзержинск, Минской области, белорус [1]. После окончания средней школы в 1940 году поступил в Ленинградское авиатехническое училище им. Ворошилова. С ноября 1941 г. по апрель 1944 г. служил авиационным механиком в авиаполках Закавказского фронта. К концу войны на курсах усовершенствования квалификации офицерского состава истребительной авиации ПВО в г. Пенза освоил летную специальность. С 1945 по 1950 гг. был летчиком-истребителем, в дальнейшем старшим летчиком. В 1950–1951 гг. – на должности заместителя командира эскадрильи по политической части. После обучения в Военно-политической академии им. Ленина г. Москва (1951–1955 гг.) занимал должность заместителя командира истребительного авиационного полка по политической части (в 1955–1958 гг.). С 1958 по 1961 гг. – был адъюнктом на кафедре истории военного искусства Военно-политической академии им. Ленина (г. Москва) [3]. С 1961 г. начинается педагогическая деятельность Евгения Георгиевича, после защиты диссертации по истории тактики ВВС СССР в годы Великой Отечественной войны в 1962 г. ему присуждена ученая степень кандидата исторических наук. С 1961 по 1966 гг. – преподавал на кафедре истории военного искусства Военно-политической академии им. Ленина в Москве, с 1966 по 1970 гг.

работал старшим преподавателем, доцентом этой же академии. В 1970-м переехал в Крым. С 1970 по 1975 гг. – занимал должность старшего преподавателя истории СССР на кафедре истории КПСС Симферопольского высшего военно-политического строительного училища. В 1975 году в звании полковника уволен с действительной воинской службы по состоянию здоровья, имея выслугу 35 календарных лет [9].

Евгений Георгиевич за свою службу был неоднократно награжден [3] – медалью «За победу над Германией» (1945 г.), медалью «За оборону Кавказа» (1944 г.), орденом Отечественной войны II степени, медалью «Тридцать лет Советской Армии и Флота» (1948 г.), медалью «За боевые заслуги» (1951 г.), орденом «Красной звезды» (1956 г.), медалью «40 лет Вооруженных Сил СССР» (1957 г.), медалью «За безупречную службу» (1961 г.), медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.» (1965 г.), медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1967 г.), медалью «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия дня рождения В. И. Ленина» (1970 г.), медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975 г.), знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1970 г.), а также многочисленными почетными грамотами и благодарностями.

В ведущем крымском ВУЗе [29] Вераксу помнят до сих пор [14, с. 157–158; 15, с. 118]. На историческом факультете Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе он работал в 1975-1988 гг., был доцентом кафедры истории СССР. В университете читал курс истории СССР советского периода и спецкурсы по дискуссионным вопросам истории Великой Отечественной войны. Был председателем методической секции кафедры истории СССР, успешно руководил научной работой студентов, интересовавшихся военной историей. В 1980-х Веракса несколько лет возглавлял университетскую организацию Крымского общества охраны памятников истории и культуры.

Его научные интересы были связаны с историей военно-воздушных сил разных государств в годы Второй мировой войны [2, с. 31]. Е. Г. Веракса написал несколько учебных пособий [4; 5], опубликовал научные статьи в ведущих военно-исторических журналах (в том числе на английском и немецком языках), создал несколько лекционных курсов по истории авиации для студентов университета и слушателей военно-политической академии. Многие годы он занимался военно-патриотической работой в рамках совета ветеранов пгт. Гурзуф. Умер Евгений Георгиевич 8 ноября 2018 года.

Из богатого творческого наследия наибольший интерес вызывают исследования Е. Г. Вераксы о действиях стратегической авиации союзников в годы войны [6; 7; 8]. Евгений Георгиевич работал над докторской диссертацией по теме «Военная стратегия и воздушные операции стратегических ВВС США и Англии в годы Второй мировой войны» и хорошо знал проблематику. Основные идеи этого труда публиковались в «Военно-историческом журнале» (г. Москва) в 1970-е годы. Важно отметить, что пик публикаций по проблеме исследований пришелся как раз на период преподавания Е. Г. Вераксы в Симферопольском государственном университете [6; 7]. Основными источниками научного анализа стали иностранные публикации, зарубежные издания энциклопедического характера, доступные в те годы советским историкам. Однако первичных документов, они, как правило, не знали. Сейчас некоторые из архивных источников опубликованы и размещаются в сети Интернет (например, аналитические отчеты по действиям американских бомбардировщиков в Европе [25; 26; 27; 28]). Это позволяет уточнить или расширить взгляды советских исследователей уже на более высоком уровне знаний. За рубежом в настоящее время появились и весьма информативные исследования проблематики применения бомбардировочной авиации в годы войны [12; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24]. Появились компетентные тематические работы и в современной российской историографии Второй мировой войны [13; 16].

Общеизвестно, что в годы войны командование вооруженных сил США и Великобритании придавало большое значение стратегическим воздушным бомбардировкам объектов глубокого тыла нацистской Германии и оккупированных ею стран. Однако систематические массированные бомбардировки американско-английской стратегической авиацией приняли широкий размах лишь в последние два года войны. До 1943 года воздушные налеты на города и другие объекты Третьего рейха были эпизодическими и проводились в основном силами английского бомбардировочного командования. Однако психологический эффект этих бомбардировок был сравнительно невелик, а ущерб, причиненный ими германской военной промышленности, незначителен. В январе 1943 года на совещании глав правительств США и Англии в Касабланке было принято решение начать совместное воздушное наступление на Германию с привлечением крупных сил стратегической авиации США и Великобритании. основополагающим документом планирования его явилась директива для бомбардировочной авиации, утвержденная главами Соединенных штатов и Англии. Черчилль об этой конференции написал в своих мемуарах следующее [17, с. 316–317]: «Принятая в Касабланке директива командования английской и американской бомбардировочной авиации, базирующейся в Соединенном Королевстве (от 4 февраля 1943 года), сформулировала стоящую перед ними задачу следующим образом: вашей первоочередной целью будет все большее разрушение и расстройство военной, промышленной и экономической системы Германии, подрыв морального состояния народа до такой степени, чтобы его способность к вооруженному сопротивлению. В рамках этой общей концепции вашими первоочередными объектами на данный момент являются следующие, в порядке их

перечисления: а) германские верфи, строящие подводные лодки; б) германская самолетостроительная промышленность; в) транспорт; г) нефtezаводы; д) другие объекты военной промышленности противника».

Но на Касабланской конференции произошло и еще нечто, о чем Черчилль промолчал: было одобрено принятое британским Военным кабинетом 14 февраля 1942 г. решение о «бомбовых ударах по площадям». Это означало, что отныне целями бомбардировок становились не военные и промышленные объекты Германии, а жилые районы ее городов, независимо от потерь среди мирного населения. Этот бесчеловечный документ вошел в историю как «директива Касабланки». По сути ковровые бомбардировки официально объявлялись обычным способом ведения войны. Вот что об этом в своих воспоминаниях писал британский военачальник А. Харрис: «После конференции в Касабланке круг моих обязанностей расширился... Соображениями морали было решено пожертвовать. Мне предстояло приступить к выполнению совместного англо-американского плана

бомбового наступления с целью общей «дезорганизации» промышленности Германии ... Это давало мне довольно широкие полномочия в выборе. Я мог отдать приказ атаковать любой немецкий промышленный город с населением 100 тысяч жителей и более ... Новые инструкции не делали разницы в выборе» [13, с. 37]. «Мы выбомбим Германию – один город за другим. Мы будем бомбить вас все сильнее и сильнее, пока вы не перестанете вести войну. Это наша цель. Мы будем безжалостно ее преследовать. Город за городом: Любек, Росток, Кельн, Эмден, Бремен, Вильгельмсхафен, Дуйсбург, Гамбург – и этот список будет только пополняться», – эти слова командующего бомбардировочной авиацией Великобритании маршала А. Харриса были напечатаны на миллионах листовок, которые разбрасывались над территорией Германии. А самого сэра Артура Тревиса 1-го баронета Харриса даже подчинённые называли «мясником» («Butcher Harris»), другое его прозвище - «Бомбардировщик Харрис» («Bomber Harris») – он был главным идеологом проведения ковровых бомбардировок немецких городов. Этому крымский историк, возможно, не знал, т.к. на русском языке воспоминания Черчилля, Харриса и других участников налетов были опубликованы позже периода его исследований.

Но Е. Г. Веракса установил, что в 1943 году на Британских островах дислоцировались два объединения стратегических бомбардировщиков – английское

бомбардировочное командование (командующий главный маршал авиации А. Харрис) и американская 8-я воздушная армия (командующий генерал А. Икер). Бомбардировочное командование, насчитывавшее к тому времени свыше 500 самолетов, имело уже значительный опыт, главным образом ночных налетов, в которых бомбардировщики действовали без сопровождения истребителей и производили бомбометание по площадям. Командование располагало хорошо развитой сетью аэродромов в центральной части Англии. В состав 8-й воздушной армии США, базировавшейся в юго-восточной части Англии, входили три бомбардировочные дивизии, состоящие из крыльев (крылья делились на группы). Основным способом действий американских бомбардировщиков были дневные налеты, в ходе которых осуществлялось прицельное бомбометание. Как правило, американские бомбардировщики действовали в сопровождении истребителей. Историк авиации в своих работах не привел полных данных о количестве самолетов, хотя из современных ему исследований известно, что на апрель 1943 г. Бомбардировочное командование насчитывало 38 эскадрилий тяжелых и 14 эскадрилий средних бомбардировщиков, всего 851 тяжелый и 237 средних бомбардировщиков, а в составе 8-й американской воздушной армии находились 337 тяжелых бомбардировщиков и 231 самолет в соединениях тактической авиации [10, с. 389].

После капитуляции фашистской Италии осенью 1943 года была создана вторая группировка стратегической авиации – 15-я воздушная армия США генерала Н. Туайтинга, которая базировалась в юго-восточной части Апеннинского полуострова (аэродромный узел Фоджа). Таким образом, к концу 1943 года в Западной Европе сложились две группировки стратегических ВВС США и Англии. Одна из них находилась на Британских островах и предназначалась для действий по территории Германии (исключая юго-восточную часть), Северной Франции, Фландрии и в Атлантике. Вторая базировалась в Италии и нацеливалась на объекты Австрии, Венгрии, стран Балканского полуострова, Южной Франции и Юго-Восточной части Германии. Неясно, почему в опубликованных работах Веракса не коснулся динамики численности самолетов – возможно, он хотел сделать это в своей диссертации. Или не было в наличии таких данных. Но в современных условиях уже известно, что к началу 1944 г. Объединенные силы союзников пополнились и располагали в Англии 1667 американскими тяжелыми бомбардировщиками и 1226 бомбардировщиками (включая примерно 1000 четырехмоторных) в Бомбардировочном командовании Великобритании – всего 2893 самолета стратегической авиации [19, р. 41]. К началу операции по высадке союзных войск в Нормандии в июне в составе сформированного стратегического командования ВВС США имелось более 2700 боевых самолетов (1323 тяжелых бомбардировщика и 784 дальних истребителя находились в боеготовом состоянии), в Бомбардировочном командовании Великобритании – около 1000 боеготовых бомбардировщиков [23, р. 234, 242].

Также Е. Г. Веракса впервые в отечественной историографии подробно разобрался с планированием бомбардировок стратегической авиации союзников.

Планирование стратегических бомбардировок он разделил на три этапа: определение их общего направления, его детализация и планирование налетов на объекты. Однако американское и английское командования по-разному подходили к выбору объектов стратегических бомбардировок. Американцы в отличие от англичан уделяли больше внимания разрушению промышленных объектов и транспорта. Операционный план совместно со списком объектов известен как план «объединенного бомбардировочного наступления с Британских островов» (ОБН). Создание общего перспективного плана стратегических бомбардировок способствовало налаживанию взаимодействия авиации двух государств, облегчало планирование воздушных операций. Однако план ОБН имел серьезные недостатки. Главный из них заключался в нереальности цели, поставленной перед стратегическими ВВС, – подорвать способность Германии к сопротивлению. Стратегические ВВС не обладали такой разрушительной силой. Наиболее сложным оказался выбор ключевых объектов в экономике противника. В этом американско-английское командование также не добилось успеха. Допускались серьезные ошибки в расчетах потребных сил и средств, которые в подавляющем большинстве производились на основе завышенных возможностей бомбардировочной авиации.

И все же большая часть запланированного была достигнута, особенно по площадным целям. 27 мая 1943 года Артур Харрис подписал приказ № 173 об операции под кодовым названием «Гоморра» (Operation Gomorrah). Её целью был определён Гамбург. В ходе операции, проведённой авиацией Великобритании и США с 25 июля по 3 августа 1943 года, от ковровых бомбардировок и вызванного ими гигантского пожара погибло до 50 тыс. жителей Гамбурга, около 125 тыс. человек получили ранения и ожоги, около миллиона жителей были вынуждены покинуть город, 250 тыс. городских зданий были полностью разрушены. Та же судьба постигла и многие другие большие и средние города Германии.

В мае 1943 года был разработан план «объединенного бомбардировочного наступления» под кодовым наименованием «Пойнтблэнк» (Pointblank (англ. «Решительность»)), утвержденный объединенным англо-американским комитетом начальников штабов. Этот упомянутый выше план лег в основу директивы от 10.06.1943 г., согласно которой основной задачей ВВС являлось уничтожение немецких истребителей и разрушение промышленных предприятий, связанных с их производством. План предусматривал выбор объектов стратегических бомбардировок и их классификацию, детальное изучение отраслей промышленности, намеченных для нанесения удара, определение необходимой степени их разрушения, установление очередности бомбардировок.

Исходя из исследований Е. Г. Вераксы, для бомбардировок были избраны 76 объектов, разделенных по очередности воздействия на шесть групп: верфи и базы подводных лодок, авиационная промышленность, шарикоподшипниковые заводы, предприятия жидкого топлива, заводы синтетической резины и покрышек, средства военного транспорта.

Несмотря на то, что стратегические ВВС США и Англии решали общую задачу, каждое из государств ревностно оберегало независимость своей авиации. В

результате в ходе всей войны единый союзный орган для непосредственного управления действиями ВВС США и Англии в Европе так и не был создан. Усилия союзников свелись лишь к образованию объединенного комитета по планированию воздушных операций, в обязанности которого входила координация действий американских и английских ВВС, разработка планов объединенных воздушных операций и анализ их выполнения.

В январе 1944 года американцами был создан штаб стратегических ВВС армии США в Европе для координации действий 8-й и 15-й воздушных армий, районы базирования которых отстояли друг от друга более чем на 1000 км. Командующим этими ВВС был назначен генерал Карл Спаатс.

Систематические массированные воздушные налеты англо-американской авиации по плану «Пойнтблэнк» начались с лета 1943 года. При этом тактика действий английской стратегической авиации отличалась от американской и имела свои особенности. Опыт бомбардировок Германии английской стратегической авиацией в 1940–1943 гг. свидетельствовал о больших потерях, которые несли бомбардировщики от средств ПВО противника. В связи с этим в июне 1943 года объединенный англо-американский комитет начальников штабов решил сосредоточить основные усилия стратегических ВВС против ПВО и истребительной авиации Германии с целью завоевания превосходства в воздухе. При этом основной упор делался на уничтожение предприятий авиационной промышленности, производящих истребители, и на подавление истребительной авиации ПВО на Западе. К решению этой задачи, изложенной в директиве от 10 июня 1943 года, по существу и свелось выполнение плана «Пойнтблэнк». Воздушная операция, получившая то же название, с разной интенсивностью продолжалась с июня 1943 до апреля 1944 года.

При этом до ноября 1943 года операцию «Пойнтблэнк» вела в основном 8-я воздушная армия. За второе полугодие 1943 года она совершила 66 налетов. Наиболее интересным по замыслу и выполнению был одновременный налет на Швейнфурт (центр шарикоподшипниковой промышленности Германии) и Регенсбург (заводы Мессершмитта) 17 августа 1943 года, который явился началом челночных операций. В этот день 8-я воздушная армия осуществила массированный удар двумя бомбардировочными дивизиями: 3-я бомбардировочная дивизия (146 Б-17) – по объектам в Регенсбурге с последующей посадкой в Северной Африке, а 1-я бомбардировочная дивизия (230 Б-17) – по Швейнфурту с возвращением на свои аэродромы.

Как показал в своих исследованиях Е. Г. Веракса, английское командование при выборе объектов руководствовалось главным образом политическими соображениями и осуществляло программу терроризирующих налетов, имевших целью подавить моральный дух населения Германии. Именно из этих соображений Бомбардировочное командование провело упомянутую выше воздушную операцию по разрушению Гамбурга. С 19 ноября 1943 года по 25 марта 1944 года бомбардировочное командование проводило воздушную операцию с целью разрушения Берлина («Битва за Берлин»). Всего было осуществлено 35 массированных налетов (20224 самолетовылета), из них в 16 крупнейших было сброшено 25 тыс. т бомб. Потери английской авиации в этой операции достигли 1047 сбитых и 1682 поврежденных бомбардировщика. В целом воздушные бомбардировки по операции «Пойнтблэнк» не дали желаемых результатов. По данным, приведенным в своих работах Е. Г. Вераксой, производство истребителей в Германии в 1943 году возросло по сравнению с 1942 годом в 2 раза (соответственно 5515 и 10898 самолетов).

С целью форсирования хода операции была спланирована вспомогательная операция «Аргумент», которая предусматривала осуществление серии координированных налетов на авиационные заводы Германии. Эта воздушная операция была проведена с 20 по 25 февраля 1944 года. 8-я воздушная армия нанесла удары по авиационным заводам в Брауншвейге, Лейпциге и других городах, 15-я – произвела налеты на заводы Мессершмитта в Штейре (Австрия) и Регенсбурге. Бомбардировочное командование английских ВВС провело пять массированных налетов ночью на города Лейпциг, Штутгарт, Штейр и Аугсбург. В операции «Аргумент» американские стратегические бомбардировщики произвели 3800 самолетовылетов, сбросили около 10 тыс. т бомб и потеряли 226 самолетов. Английские бомбардировщики совершили 2351 самолетовылет, сбросили более 9 тыс. т бомб и потеряли 157 самолетов. Истребительная авиация противника потеряла 456 самолетов.

Историк Е. Г. Веракса установил, что выпуск истребителей в Германии снизился с 1537 в январе до 1028 в феврале 1944 года. Однако в марте 1944 года январский уровень производства истребителей был уже превзойден более чем на 100 самолетов. Операция «Аргумент» отличалась высокой интенсивностью массированных ударов и большой их целеустремленностью. Американские бомбардировщики действовали под прикрытием истребителей, что снизило их потери.

В дальнейшем интенсивность действий авиации из-за сложных метеорологических условий снизилась, а с апреля 1944 года осуществление плана «Пойнтблэнк» было приостановлено ввиду переключения стратегических ВВС на обеспечение операции «Оверлорд». Всего за время операции на авиационные заводы было сброшено от 2 до 8 проц. общего тоннажа израсходованных за этот период бомб. Несмотря на бомбардировки, выпуск истребителей в Германии в апреле 1944 года по сравнению с июлем 1943 года возрос с 1109 машин до 2021, или

на 173 процентов. А ремонт истребителей в первом полугодии 1944 года по сравнению со вторым полугодием 1943 года увеличился на 229 процентов.

Из этого Е. Г. Веракса сделал вывод, что стратегические ВВС США и Британии не смогли сорвать работу авиационной промышленности Германии. Массированным налетам на авиационные заводы немцы противопоставили рассредоточение и маскировку предприятий, унификацию изделий, перевод производственных площадей в подземные сооружения. К весне 1944 года люфтваффе утратили контроль в воздухе над Германией, но произошло это не из-за нехватки самолетов, а ввиду недостаточного количества опытных летных кадров, большая часть которых была уничтожена на советско-германском фронте, где стратегическое господство в воздухе было завоевано советской авиацией еще летом 1943 года. После высадки и закрепления войск союзников в Северной Франции одной из главных целей стратегических ВВС стали предприятия жидкого топлива. Массированные налеты на объекты производства и хранения горючего начались 12 мая 1944 года и продолжались с различной интенсивностью до конца войны. За это время было сброшено более 200 тыс. т бомб. В этот период стратегические ВВС провели ряд воздушных операций для решения частных задач. Например, 8-я воздушная армия подвергла бомбардировке завод «Лейна» с производственной мощностью 600 тыс. т жидкого топлива в год. В течение мая – декабря 1944 года на этот завод было совершено 22 массированных налета (из них два английской авиацией) и сброшено 18325 т бомб. От причиненного ущерба выпуск продукции в разные периоды сокращался в 2–3 раза. Однако малая интенсивность налетов (один в 10 дней) не обеспечивала полного прекращения работы предприятия.

С осени 1944 года гитлеровцы стали ощущать серьезную нехватку жидкого топлива, однако в этом сыграли роль не столько бомбардировки нефтеперегонных заводов, сколько мощное наступление Красной Армии, в ходе которого Германия лишилась основных источников нефти в Румынии и Венгрии. Возросший масштаб стратегических бомбардировок Германии привел к рассредоточению промышленности, что увеличило ее зависимость от транспорта. В связи с этим транспорт стал важнейшим объектом бомбардировок. 22–23 февраля 1945 года была проведена воздушная операция «Клэриэн» («Горн»). Основная цель бомбардировок заключалась в том, чтобы всеми силами ВВС (стратегическими и тактическими) дезорганизовать коммуникации на оставшейся территории Германии и, таким образом, парализовать ее экономику и моральный дух населения. Объектами налетов были железнодорожные узлы, путепроводы, баржи, доки, средства сигнализации, мосты. В дезорганизации транспорта и производства синтетического горючего англо-американская стратегическая авиация добилась наибольших результатов. Но достигнуты они были в конце войны, когда Германия лишилась важнейших экономических районов, а территория, удерживаемая немецко-фашистскими войсками, была небольшой по площади и находилась под контролем не только стратегических, но и тактических ВВС.

Рассматривая результаты совместного американо-английского бомбардировочного наступления, Е. Г. Веракса отмечал, что цель, поставленная американо-английским командованием перед стратегическими ВВС – подорвать способность Германии к сопротивлению – достигнута не была. По мнению историка, это явилось следствием недочетов в определении объектов бомбардировок, отсутствия настойчивости и последовательности в достижении поставленных целей, недооценки союзниками живучести промышленности высоко развитого в экономическом и техническом отношении государства и переоценки разрушительных возможностей бомбардировочной авиации. В результате военная промышленность Германии вплоть до середины 1944 года продолжала наращивать выпуск военной техники. Военно-экономическая мощь Третьего рейха была подорвана не бомбардировками союзников, а боевыми действиями Красной Армии.

Также в опубликованных работах Е. Г. Веракса касался общих количественных итогов. Всего за годы второй мировой войны ВВС США и Англии подвергли бомбардировкам в Германии и Японии 127 городов. Было убито 635 тыс., ранено 1 256 000 человек. В результате бомбардировок в Германии было повреждено и уничтожено примерно 5,5 млн. домов, или 30 проц. общего количества зданий, имевшихся в 1942 году. Эвакуировано из городов, подвергшихся налетам, 4 885 тыс. человек. Но эти итоговые данные явно можно уточнить.

Кроме наиболее печально известных немецких городов Дрездена, Берлина и Гамбурга, особенно сильно пострадали от бомбардировок Франкфурт, Дортмунд, Вюрцбург, Ганновер, а общий объем развалин только в Германии оценивался в 400 млн. кубических метров, в огне погибло бесчисленное количество памятников культуры и архитектурных сооружений [11, с.230-231]. Цифры, характеризующие действия стратегической авиации, тоже впечатляют. Из 6571 самолетов, потерянных американцами в Европе, 4182 принадлежали 8-й воздушной армии (в январе 1944 переформирована в стратегические ВВС в Европе). С начала боевых действий и до 5 мая 1945 г. это объединение сбросило на врага почти 703 тыс. т бомб, из которых 35% – на транспортные узлы и подвижный состав, 22% – аэродромы, заводы по выпуску самолетов и моторов, радарные станции и прочее, 12% – объекты нефтедобычи и нефтепереработки; также подвергались воздействию доки и порты, площадки по запуску ракет и др. К тому же сроку, но с 3 сентября 1939 г., самолеты Бомбардировочного командования Великобритании сбросили 1047 тыс. т бомб, из которых 478 тыс. т (свыше 45% общего тоннажа) – на немецкие и оккупированные Германией европейские города, а также города союзников; с 14 февраля 1942 г., когда вышла соответствующая директива и до 6 марта 1944 г. свыше 84% всего бомбового груза расходовалось именно на их разрушение. Потери командования составили 7094 бомбардировщика [16]. Официальная немецкая статистика оценивает общие потери от воздушных атак (включая немецких гражданских лиц, иностранцев и военнослужащих в городах, подвергшихся нападению) – в 250 253 убитых за период с 1 января 1943 года по 31 января 1945 года и 305 455 раненых, нуждавшихся в госпитализации, в период с 1 октября 1943 года по 31 января 1945 года. Пересмотренная оценка, подготовленная исследованием американцев [25], оценивает общие потери за весь период войны в 305 000 убитых и 780 000 раненых. Имеются точные статистические данные о повреждении жилья. Согласно этим данным [25], 485 000 жилых домов были полностью разрушены воздушными ударами и 415 000 получили тяжелые повреждения, что составляет в общей сложности 20 процентов всех жилищ в Германии. Примерно в 50 городах, которые были основными целями воздушного нападения, доля разрушенных или сильно поврежденных жилых домов составляет около 40 процентов. Результатом всех этих нападений стало то, что около 7 500 000 немецких гражданских лиц остались без крова.

В послевоенной западной историографии существует тенденция всячески преувеличивать значение массированных бомбардировок Германии стратегической авиацией США и Великобритании. Однако, как установил Е. Г. Веракса, эти бомбардировки, сыгравшие определенную роль в дезорганизации работы тыла и транспорта фашистской Германии, в разрушении городов, не стали решающим фактором поражения Третьего рейха. Судьба Германии была решена не воздушными операциями союзников, а сокрушительными ударами Красной Армии на советско-германском фронте.

Вместе с тем еще Е. Г. Веракса отметил, что США и Англия накопили большой опыт применения стратегических ВВС. Изучение его, в том числе в области

планирования и ведения боевых действий стратегической авиации, заслуживает внимания. Нельзя не согласиться с военным историком фронтового поколения, стоит только на новой источниковой базе дополнить и уточнить исследования наших предшественников.

Автор статьи благодарит Ольгу Владимировну Гостищеву-Гончарову за предоставленные материалы о творческой деятельности Е. Г. Вераксы.

Список использованных источников и литературы

1. Автобиография Е. Г. Вераксы / Фонд музея истории КФУ им. В.И. Вернадского. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://museum.cfuv.ru/veterans/16025-2/веракса-евгений-георгиевич>
Avtobiografiya E. G. Veraksey / Fond muzeya istorii KFU im. V. I. Vernadskogo. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://museum.cfuv.ru/veterans/16025-2/veraksa-evgenij-georgievich>
2. Биографический справочник о преподавателях Таврического университета – Крымского государственного педагогического института – Симферопольского государственного университета. 1918-1993. – Симферополь: «Таврида», 1994. – 160 с.
Biograficheskiy spravochnik o prepodavatelyah Tavricheskogo universiteta – Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta – Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1918-1993. – Simferopol': «Tavrida», 1994. – 160 s.
3. Веракса Евгений Георгиевич [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cfuv.ru/veraksa-evgenij-georgievich>
Veraksa Evgenij Georgievich [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://cfuv.ru/veraksa-evgenij-georgievich>
4. Веракса Е. Г. Боевое применение ВВС капиталистических государств во Второй мировой войне. – М.: ВПА им. В.И. Ленина, 1970. – 185 с.
Veraksa E. G. Boevoe primenenie VVS kapitalisticheskikh gosudarstv vo Vtoroj mirovoj vojne. – M.: VPA im. V. I. Lenina, 1970. – 185 s.
5. Веракса Е.Г., Мигулин В.И. Развитие тактики родов советской авиации в годы Великой Отечественной войны. – М.: ВПА им. В.И. Ленина, 1989. – 68 с.
Veraksa E.G., Migulin V.I. Razvitie taktiki rodov sovetsoj aviacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. – M.: VPA im. V. I. Lenina, 1989. – 68 s.
6. Веракса Е. Г. Воздушные операции стратегической авиации США и Англии в Западной Европе в 1943–1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 1976. – №8. – С. 73–78.
Veraksa E. G. Vozdushnye operacii strategicheskoi aviacii SSHA i Anglii v Zapadnoj Evrope v 1943-1945 gg. // Voенno-istoricheskij zhurnal. – 1976. – №8. – S. 73–78.
7. Веракса Е. Г. Планирование боевых действий стратегических ВВС США и Англии в годы второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 1978. – №9. – С. 87–92.
Veraksa E. G. Planirovanie boevyh dejstvij strategicheskikh VVS SSHA i Anglii v gody vtoroj mirovoj vojny // Voенno-istoricheskij zhurnal. – 1978. – №9. – S. 87–92.
8. Веракса Е. Г. Удары американо-английских ВВС по крупным городам в годы второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 1971. – №9. – С. 78–82.
Veraksa E. G. Uday amerikano-anglijskikh VVS po krupnym gorodam v gody vtoroj mirovoj vojny // Voенno-istoricheskij zhurnal. – 1971. – №9. – S. 78–82.
9. Военный билет Е. Г. Вераксы / Фонд музея истории КФУ им. В.И. Вернадского. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://museum.cfuv.ru/veterans/16025-2/веракса-евгений-георгиевич/>
Voennyj билет E. G. Veraksey / Fond muzeya istorii KFU im. V.I. Vernadskogo. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://museum.cfuv.ru/veterans/16025-2/veraksa-evgenij-georgievich/>

10. История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). Том 7. Завершение коренного перелома в войне. – М.: Воениздат, 1976. – 522 с.
 Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg. (v 12 tomah). Tom 7. Zavershenie korennogo pereloma v vojne. – М.: Voениzdat, 1976. – 522 с.
11. Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. – 640 с.
 Itogi Vtoroj mirovoj vojny. Vyvody pobezhdyonnyh. – SPb.: Poligon; M.: AST, 1998. – 640 s.
12. Румпф Г. Огненный шторм. Стратегические бомбардировки Германии. 1941-1945. – М.: Центрполиграф, 2010. – 232 с.
 Rumpf G. Ognennyj shtorm. Strategicheskie bombardirovki Germanii. 1941-1945. – М.: Centrpoligraf, 2010. – 232 s.
13. Первушин А. Дрезденская бойня: Возмездие или преступление? – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. – 224 с.
 Pervushin A. Drezdenskaya bojnya: Vozmezdие ili prestuplenie? – SPb.: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2015. – 224 s.
14. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / под ред. Э.Б. Петровой. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с.
 Sto let sluzheniya nauke i prosveshcheniyu: istoricheskij fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo / pod red. E.B. Petrovoj. – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – 356 s.
15. Таврический университет : времена и люди : 90 лет служения науке / рук. проекта: Н. В. Багров. – К. : Либідь, 2008. – 294 с.
 Tavricheskij universitet : vremena i lyudi : 90 let sluzheniya nauke / ruk. proekta: N. V. Bagrov. – K.: Libid', 2008. – 294 s.
16. хазанов д. б.. стратегическая авиация англо-американских союзников во второй мировой войне // москва: русский либмонстр (libmonster.ru). [электронный ресурс] – режим доступа: <https://libmonster.ru/m/articles/view/стратегическая-авиация-англо-американских-союзников-во-второй-мировой-войне>
 hazanov d. b.. strategicheskaya aviaciya anglo-amerikanskih soyuznikov vo vtoroj mirovoj vojne // moskva: russkij libmonstr (libmonster.ru). [elektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <https://libmonster.ru/m/articles/view/strategicheskaya-aviaciya-anglo-amerikanskih-soyuznikov-vo-второй-мировой-войне>
17. Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 томах. Т.5. Кольцо смыкается / пер. с англ. под ред. А. Орлова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 384 с.
 SCherchill' U. S. Vtoraya mirovaya vojna: V 6 tomah. T.5. Kol'co smykaetsya / per. s angl. pod red. A. Orlova. – М.: TERRA – Knizhnyj klub, 1998. – 384 s.
18. Battle Over the Reich: The Strategic Bomber Offensive Against Germany Vol.1: 1939–1943. / dr. A. Price. – Hersham: Classic Publications, 2005. – 160 p.
19. Battle Over the Reich: The Strategic Bomber Offensive Against Germany Vol.2: 1943–1945. / dr. A. Price. – Hersham: Classic Publications, 2006. – 160 p.
20. Beetham M., Huston J. The Strategic Air War Against Germany 1939 - 1945: Report of the British Bombing Survey Unit. – London, 1998. – 414 p.
21. Davis Richard G. Bombing the European Axis powers : a historical digest of the combined bomber offensive, 1939–1945 . – Air University Press. Maxwell Air Force Base, Alabama, 2006. – 632 p.
22. Kennett Lee. A History of Strategic Bombing. – New York: Charles Scribner's Sons, 1982. – 222 p.
23. Murray W. Strategy for Defeat: The Luftwaffe, 1933 - 1945. – Washington, 1985. – 365 p.
24. Murray W. War in the Air: 1914-1945. – London: Cassell, 1999. – 224 p.
25. Morale Division, United States Strategic Bombing Survey. The Effect of Bombing on Health and Medical Care In Germany. Washington: Government Printing Office, 1947. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://collections.nlm.nih.gov/ext/dw/31520570R/PDF/31520570R.pdf>

26. The united states strategic bombing survey. summary report. (european war). september 30, 1945 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.anesi.com/ussbs02.htm> , а также <https://collections.nlm.nih.gov/ext/dw/101634748/pdf/101634748.pdf>

27. US Strategic Bombing Survey: Statistical Appendix to Overall report (European War) (Feb 1947) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ia801903.us.archive.org/33/items/unitedstatesstra00cent/unitedstatesstra00cent.pdf>

28. United States Strategic Bombing Survey. The Defeat of the German Air Force. Washington: Government Printing Office, 1947. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.allworldwars.com/The%20Defeat%20of%20the%20German%20Air%20Force.html>

29. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. – Белгород : Константа, 2018. – 352 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://museum.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/01/history_of_cfuv.pdf

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah [A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk]. – Belgorod : KONSTANTA, 2018. – 352 s. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://museum.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/01/history_of_cfuv.pdf

Tkachenko S. N. The Military Historian E. G. Veraksa and his views on the use of Strategic aviation in the Second World War

Yevgeny Georgievich Veraksa (1922–2018) was a Crimean aviation historian who worked for many years at the Simferopol State University named after M. V. Frunze (now it is the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky) and the Crimean military school. A front-line soldier in 1943–1945, a Veraksa pilot served in the Soviet army for a long time, received a higher military education at the academy and defended his thesis for the degree of candidate of historical Sciences in military history. He taught at the military-political academy, authored a number of manuals, had many publications in domestic and foreign scientific periodicals. At one time, he actively studied the planning and practice of using strategic aviation of the United States and Great Britain against Nazi Germany during the Second World War. Based primarily on foreign studies, the historian made conclusions about the effectiveness of the actions of bomber aircraft units, which are still relevant, although they need to be clarified.

Keywords: E. Veraksa, aviation, bombing, command, planning, historian, research.

УДК 94(567)

ПРОБЛЕМА МОСУЛА ПЕРИОДА БРИТАНСКОГО МАНДАТА

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shevelevss57@gmail.com*

Мосульская проблема – это территориальный спор между Великобританией, как страной-мандатарием, и Турцией о принадлежности вилайета Мосул, длившейся с Мудросского перемирия 1918 по 1926 год. Основная цель статьи заключается в анализе этого конфликта в период мандатного управления Великобританией в соответствии с решениями Лиги Наций (1920–1926). В этот период иракское правительство находилось под контролем британского Верховного комиссара. Контроль Великобритании над внешней политикой и территориальной целостностью Ирака в соответствии с мандатом Лиги Наций был практически неограничен. На основе документов Лиги Наций, парламента Великобритании, мандатных администраций Ирака и Палестины, трудов отечественных и зарубежных востоковедов рассматриваются причины конфликта вокруг Мосула, его предыстория, планы Великобритании и Франции по разделу арабских территорий Османской империи. Автор анализирует мосульский вопрос не только на Парижской и Лозаннской конференциях, сессиях Совета Лиги Наций, но и проводит параллели между ним и событиями в Ираке на рубеже XX – XXI веков.

Ключевые слова: Ирак, Великобритания, Лига Наций, Фейсал, мандат, восстание, сунниты, шииты, нефть.

30 января 1920 г в Париже состоялось очередное совещание «Совета десяти». В него входили главы правительств и министры иностранных дел пяти ведущих государств – победителей в I мировой войне: Франции, Великобритании, США, Италии, Японии. Совет десяти занимался обсуждением мирного договора. На этих переговорах было объявлено об отделении Ирака и других территорий, на которых проживали арабы, от Османской империи. 25 апреля на конференции в Сан-Ремо было принято решение о передаче мандата Лиги Наций на Ирак с Мосулом и Палестину Великобритании. Сирия с Ливаном были объявлены мандатной территорией Франции. На этой конференции присутствовали и наблюдатели от США, претендовавших на арабские территории Османской империи, на которых проживали арабы, и на ближневосточную нефть.

На конференции Францию представлял премьер-министр Мильеран, несколько раз заявлявший о претензии своей страны на Мосул, то было предусмотрено в своё время секретным соглашением Сайкс-Пико. Таким образом, территории Османской империи были разделены между Великобританией и Францией за 3 года до подписания Лозаннского мирного договора, когда Турция юридически ещё находилась в состоянии войны. Здесь же была назначена комиссия для выработки текста мандата на Ирак, который необходимо было утвердить Лигой Наций. 3 мая 1920 г. было официально объявлено о передаче мандата на Ирак с Мосулом Великобритании. После этого французские войска начали наступление на Дамаск с целью свержения коронованного там в марте 1920 г. короля Фейсала, что вскоре и

было сделано. «Независимое арабское государство» перестало существовать [1, с. 343; 2, с. 81–82].

Итоговый текст мандата на Ирак был передан Совету Лиги Наций 1 сентября 1921 г. он состоял из преамбулы и 20 статей. Согласно его положениям, государство-мандатарий в кратчайшие сроки, а именно не позже чем через три года с даты вступления в силу данного мандата, должно было разработать проект конституции для Месопотамии и представить его на рассмотрение Совету Лиги Наций, в случае одобрения текст конституции также должен был быть опубликован. Проект конституции должен был быть разработан в тесном сотрудничестве с иракскими властями. Проект конституции должен был содержать условия, разработанные с целью задать прогрессивный вектор развития Месопотамии как независимого государства. До вступления в силу конституции, правительство Месопотамии должно было проводить политику, соответствующую содержанию мандата [3, с. 151–155; 4, с. 20–30].

Месопотамия до окончания Первой мировой войны входила в состав Османской империи. В 1878 г. из северных санджаков Багдадского вилайета был создан Мосульский вилайет, а в 1884 г. из южных санджаков – вилайет Басра. Отечественные и зарубежные востоковеды XIX – XX веков всегда подчёркивали выгодность географического положения Месопотамии, наличие огромных природных богатств, называя её «древней и будущей житницей мира, библейским раем, ...и вместе с тем экономической и стратегической базой для наступления в южном направлении к Персидскому заливу, а в восточном – на Персию и Индию» [5, с. 43]. В их трудах встречается и такое выражение: «Дамаск – дверь Запада, Нишапур – дверь Востока, а Мосул – переход из стран Востока в страны Запада» [6, с. 159].

В начале XX века население Месопотамии насчитывало до 3х млн. человек. По мнению британских востоковедов, это не была нация, а была «...путаница племён, множество различных владений шейхов». Там проживали арабы, курды, туркмены (туркоманы), турки, черкесы (так называли мусульман-выходцев с Кавказа), персы, выходцы из Индии, евреи, армяне, ассирийцы, луры. Самой многочисленной этнической общностью в регионе были арабы, их численность составляла приблизительно 75% от населения Месопотамии. По британским данным в Ираке в это время до 700 тыс. курдов. Это этно-конфессиональная пестрота населения страны позволяла англичанам считать, что «... нет необходимости разделять, чтобы властвовать» [7, с. 14; 29, с. 416].

В работе российской исследовательницы истории Ирака XIX – XX веков Е. В. Тихоновой подробнейшим образом анализируется этно-конфессиональная и социальная структуры населения страны, в том числе и родоплеменные отношения арабских кочевников-бедуинов и земледельцев – феллахов. Большинство курдов сохраняло родоплеменную структуру и военно-племенную организацию. Это же наряду с тяжелыми условиями жизни каждого племени предопределило и наличие внутри курдских племен жесткой и авторитарной власти главы племени – шейха. Как правило, курды Месопотамии проживали компактными общинами в сельской

местности, почти исключительно на территории Мосульского вилайета, составляя там большинство населения. [8, с. 43–44]. Арабы северной части Ирака были суннитами, большинство жителей центра и юга были шиитами.

На рубеже XIX – XX веков между европейскими державами обостряется борьба за эксплуатацию природных богатств Месопотамии. В 1903 г. «Оттоманская Анатолийская железная дорога», созданная Немецким банком, получила лицензию на строительство и эксплуатацию Багдадской железной дороги протяженностью от Коньи до Басры. Туда же входило разрешение на разведку и эксплуатацию рудников по обе стороны железной дороги. Немецкие компании получали право на разведку и добычу нефти в Мосульском и Багдадском вилайетах. Перед I мировой войной и британцы получили концессию на добычу нефти в Месопотамии [9, с. 51]. В 1901 г. в Мосуле были открыты месторождения нефти в промышленных объемах, что вызвало новый виток борьбы европейских держав и Турции за нефть Мосула.

16 мая 1916 г. в Лондоне было заключено тайное соглашение между Великобританией и Францией о разделе арабских территорий Османской империи. Это был обмен нотами между французским послом П. Камбоном и министром иностранных дел Великобритании Э. Греем. Оно получило название «соглашения Сайкса-Пико», по фамилиям дипломатов и специалистов по Ближнему Востоку, которые давали консультации своим правительствам, М. Сайкса и Ф. Пико. По этому соглашению большая часть Месопотамии входила в т. н. «Красную зону» (большая часть Басрского и часть Багдадского вилайетов, включая сам Багдад), где устанавливался прямой британский контроль. Районы городов Киркук, Тикрит и Хит входили в т. н. «Зону В», на которую распространялось политическое и экономическое влияние Великобритании. Дейр Зор и большая часть Мосульского вилайета, включая сам город Мосул, входила в «Зону А», объявленной сферой влияния Франции [10, с. 21; 11, с. 108–109; 12, с. 21.].

Этот тайный договор был не совместим с обещаниями Великобритании, содержащимися в переписке Верховного комиссара Великобритании в Египте Генри Мак-Магона с шерифом Мекки Хусейном аль-Хашими. Переписка длилась с июня 1915 г. по март 1916 г. В ходе этой переписки англичане заверяли арабов в том, что после победы Антанты будет провозглашено арабское государство на территориях Османской империи в районах проживания арабов. Хусейн обещал поднять восстание арабов, а Г. Мак-Магон заверял Хусейна в том, что его страна готова признать и поддержать независимость арабов на тех территориях, «...которых добивается шериф Мекки» [13, с. 4; 3, с. 144–145; 14, с. 41]. Хусейн выполнил свое обещание в июле 1916 г., было поднято восстание против турок. В нём принимали участие и выходцы из Месопотамии.

Планы Великобритании едва не рухнули после публикации на страницах «Известий» того, как 3 декабря (20 ноября) 1917 г. большевистское правительство России – Совет Народных Комиссаров опубликовало свое обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось о том, что «договор о разделе Турции» (соглашение Сайкса-Пико), к которому позже присоединилась и Россия «порван и уничтожен». В январе 1918 г. там же был

опубликован полный текст англо-французского соглашения о разделе «османского наследия» [11, с. 61; 15, с. 240–247].

4 января 1918 г. сотрудник английской разведки в Каире профессор Хогард представил Хусейну аль-Хашими меморандум правительства Великобритании, в котором утверждалось, что «...державы Антанты решительно выступают за то, чтобы арабской нацией была представлена возможность для повторного образования нации...» [13, с. 4]. 7 января 1918 г. правительства Великобритании и Франции заявили о намерении освободить территории Османской империи, на которых проживали арабы. 7 ноября 1918 г. Великобритания и Франция официально заверили жителей этих территорий (Ирака, Сирии, Палестины, Ливана – С. Ш.) в том, что их национальные права будут полностью соблюдаться, в будущем они получат независимость, а пока им будет гарантирован расплывчатый принцип «согласия с управляемыми» [16, с. 272; 17, с. 22; 18, с. 31–32].

К моменту заключения Мудросского перемирия 30 октября 1918 г., которое зафиксировало прекращение военных действий между союзниками и Османской империей, самый северный из трёх вилайетов Ирака Мосул практически не был оккупирован. Практически сразу после подписания Мудросского перемирия, в ноябре 1918 г. англичане оккупировали территорию

Мосульского вилайета. Мосульская проблема обострилась в начале 20-х годов. Это было связано с выборами в Конституционную Ассамблею и одобрением ею англо-иракского договора 1922 г. Особо яркими противниками этих мероприятий, проводимых королём Фейсалом были шииты Ирака. Противников договора возмущал срок его действия – 20 лет, что предполагало существование в этот срок мандата Великобритании. После долгих переговоров с шиитскими духовными лидерами, 25 февраля 1924 г. удалось провести выборы в Конституционную Ассамблею, а через месяц подписать с англичанами дополнительные соглашения к договору 1922 г. Среди этих соглашений особое значение имело военное соглашение, которое легализовало присутствие британских войск в стране [19, с. 13].

На первых заседаниях Конституционной Ассамблеи выяснилось, что оппозиция призвала Конституционную Ассамблею не ратифицировать договор и соглашения, до тех пор, пока не будут начаты переговоры об изменении их условий. Ситуация ещё более усугубилась в связи с тем, что в это время провалились переговоры с Турцией по вопросу о принадлежности Мосульского вилайета. Когда об этом стало известно в Ираке, курдские депутаты отказались принять участие в работе Конституционной Ассамблеи, а представители Мосульской ливы потребовали обсуждения вопроса о северных границах страны. Большинство депутатов вновь отказались ратифицировать договор и соглашения в существующем виде. Депутаты в знак протеста покинули Конституционную Ассамблею. По указанию короля, депутаты, разошедшиеся по домам, были насильно приведены обратно, и в ночь с 10 на 11 июня их заставили голосовать. Из 100 депутатов в зал заседания удалось доставить только 69. Из них за утверждение договора и дополнительных

соглашений проголосовало 37, против – 24, 8 – воздержались [7, с. 146–147; 11, с. 122; 19, с. 22; 20, с. 25].

Конституционная Ассамблея рекомендовала королю Фейсалу ратифицировать договор и соглашения, при условии, что сразу же после этого будут начаты переговоры о внесении в них поправок, предложенных специальным комитетом Конституционной Ассамблеи. Этот договор и соглашения потеряют силу, если британское правительство не будет отстаивать права Ирака в отношении Мосульского вилайета. После принятия проекта конституции 10 июля 1924 г. и нового избирательного закона 2 августа 1924 г. Конституционная Ассамблея была распущена.

27 сентября 1924 г. Совет Лиги Наций одобрил договор и дополнительные соглашения как полностью соответствующим положениям мандата: «...цель данного договора – обеспечить полное соблюдение и выполнение в Ираке принципов, гарантией которых должен был служить мандат» [20, с. 25]. 24 апреля, во время конференции в Сан-Ремо, чиновник министерства иностранных дел Франции М. Бертелло и председатель британского Нефтяного департамента Дж. Кедман подписали соглашение, которое определяло пути взаимодействия двух государств в нефтяной сфере в Румынии, на Ближнем Востоке, в том числе и в Ираке.

В 20-е годы под контролем Лиги Наций сложился альянс из Великобритании, Франции и США, допущенный к добыче и экспорту иракской нефти. Этими государствами, при активном участии Лиги Наций, была создана многонациональная корпорация «Ирак Петролиум Компани» (ИПК), в которую вошли ведущие нефтяные компании этих стран. В 1925 г. ИПК получила эксклюзивные права на разведку нефти в провинциях Мосул и Багдад сроком на 75 лет [21, с. 10].

Когда в США стало известно о англо-французском «нефтяном соглашении», достигнутом в Сан-Ремо, Госдепартамент обвинил Великобританию в нарушении принципов мандата и желании присвоить Ирак и его природные ресурсы. Такая же нота была отправлена в Париж. В ответной ноте от 9 августа 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон заверил США в том, что «нефтяной вопрос» в Сан-Ремо совершенно не противоречит решениям Парижской мирной конференции. Однако после того, как 20 октября 1921 г. было подписано сепаратное мирное франко-турецкое соглашение, предусматривавшее прекращение состояния войны, Лондон пошёл на уступки США в нефтяном противостоянии. Было официально заявлено, что конфликт с американскими нефтяными компаниями по поводу их участия в добыче иракской нефти разрешён.

В ноябре 1922 г. в Лозанне начала работу конференция по заключению нового мирного договора. Одно из главных требований турецкой стороны была передача ей вилайета Мосул, при этом постоянно утверждая, что это исторически турецкая территория. Турецкая делегация во главе с Исмет-пашой заявляла о необходимости проведения плебисцита, который якобы подтвердит желание курдов Мосула стать гражданами Турции. В вилайете Мосул в это время проживало 119,5 тыс. арабов, 88

тыс. курдов, 9,75 тыс. турок, 7,75 тыс. езидов, 55 тыс. христиан. Христиане, иудеи и большая часть арабов хотели включения Мосула в состав Ирака [8, с. 182; 22, с. 161]. Британская делегация, в свою очередь, настаивала на невозможности проведения плебисцита в крайне пёстром в этно-конфессиональном отношении Мосульском вилайете.

После консультаций с союзниками, Дж. Керзон в ультимативной форме предъявил турецкой стороне проект мирного договора, который нужно было подписать в течение четырёх суток. При этом Пуанкаре откровенно заявил главе турецкой делегации Исмету, что «...мирный договор – это не ультиматум и в его праве не принимать его» [23, с. 264]. В проекте мирного договора говорилось о передаче вопроса Мосула на рассмотрение Лиги Наций. Турецкая делегация отклонила этот проект, и работа конференции была прервана [24, с. 413–414].

5 февраля Исмет предложил участникам конференции подписать мирный договор, в который вошли бы уже согласованные пункты, а затем продолжить переговоры. Керзон потребовал подписания договора в британском варианте с обязательным пунктом включения Мосула в состав Ирака [25, с. 343–344]. Турция пыталась использовать англо-французские противоречия на Лозаннской конференции. Керзону было известно, что Франция пыталась начать сепаратные переговоры с Турцией даже если не будет подписан мирный договор. Керзон называл эту ситуацию катастрофой, а ответственность за это «...будет ложиться на французское правительство» [26, с. 501–502]. Великое Национальное Собрание Турции отвергло проект союзников [27, с. 130].

Ещё летом 1922 г. в Мосульском вилайете турки усилили пропаганду среди курдов идею освобождения вилайета от британцев и союза между курдами и Турцией. Турецкий офицер Али Шафик объявил себя руководителем восстания против Великобритании. Его поддержал один из шейхов курдов С. Махмуд и шейх М. Барзанджи, объявившие джихад англичанам. Мандатная администрация начала подавление восстания, используя курдское ополчение, лояльное ей. Активное участие в разгроме восставших курдов сыграли ассирийские подразделения, сформированные ещё во время I мировой войны. К концу 1925 г. восстание было подавлено [28, с. 110]. Передислокация ассирийских частей в Эрбиль, Мосул, Киркук привела к тому, что по всему вилайету шейхи курдских племен обвинили англичан в попытке заселить Мосульский вилайет ассирийцами-христианами. Это конечно же привело к кровавым столкновениям между ними, что нашло свое продолжение в жестоких погромах ассирийцев 1933 г.

В мае – июне 1924 г. в Стамбуле проходила и безрезультатно закончилась международная конференция по проблеме Мосула. После этого мосульская проблема была вынесена на обсуждение Лиги Наций [7, с. 158]. 29 октября 1924 г. Совет Лиги Наций на внеочередной сессии в Брюсселе, с согласия обеих сторон, определил временную демаркационную линию, которая должна была соблюдаться до вынесения окончательного решения, названную «Брюссельской линией», фактически представлявшая собой предел северных административных границ вилайета. Также была создана специальная комиссия во главе с известным

географом и бывшим премьер-министром Венгрии графом Телеки, которая должна была изучить ситуацию в районе иракско-турецкого размежевания. В комиссию вошли: шведский дипломат де Вирсен в качестве председателя комиссии и отставной офицер бельгийской армии полковник Паулис. Через год работы комиссия представила свой отчет Совету Лиги Наций, в котором содержалась рекомендация включить спорную территорию к югу от «Брюссельской линии» площадью 87,9 тыс. кв. м. и населением более 800 тыс. человек в состав Ирака, при этом указывалось на необходимость продления действия мандата сроком на 25 лет. Большинство опрошенных членами комиссии жителей Мосульского вилайета высказывались за «иракское решение» проблемы Мосула. На этом основании комиссия пришла к выводу о том, что наиболее приемлемым решением проблемы было бы созданием на территории Мосульского вилайета независимого курдского государства. Но этот вариант по мнению авторов отчёта был не осуществим в следствие политической незрелости и архаичности социальной организации курдов [7, с. 162–0163; 8, с. 180–183; 26 с. 504].

Принятие окончательного решения по Мосульскому вопросу, с учетом рекомендаций комиссии должно было состояться на тридцать четвертой сессии Совета Лиги Наций в сентябре 1925 г. Турецкий представитель Рушди-бей сразу же заявил, что Совет не имеет права передавать Мосул Ираку на том основании, что мандат будет продлен на 25 лет, потому что Турция не признала условий Севрского мирного договора относительно мандатной системы. Совет Лиги Наций обратился за разъяснением к Постоянной палате международного правосудия в Гааге относительно правомочности принимаемого Советом Лиги Наций решения по Мосульскому вопросу [7, с. 162; 8, с. 183; 26, с. 507].

Во время работы Совета Лиги Наций турки обвинили британские ВВС в нарушении «Брюссельской линии», англичане в свою очередь обвинили турок в геноциде ассирийцев производимом на турецкой территории. Для разбирательства была создана специальная комиссия во главе с эстонским генералом Лайдонером. Турки не пустили членов комиссии на свою территорию к северу от «Брюссельской линии», но комиссия на основании опроса ассирийских беженцев с турецкой стороны, которые подтвердили факт геноцида. Доклад комиссии был представлен Совету Лиги Наций 10 декабря 1925 г. и оказал решающее значение [7, с. 162]. 21 ноября 1925 г. Постоянная палата международного правосудия вынесла заключение, что решение Совета Лиги Наций по Мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон, и оно должно предусматривать окончательное установление границы между Турцией и Ираком. Турция заявила, что Гаагский суд не имеет права выносить решения относительно политического, а не юридического вопроса и потребовала не принимать его заключение во внимание при принятии решения. Тем не менее, 16 декабря 1925 г. Совет Лиги Наций постановил, что турецко-иракской границей должна стать «Брюссельская линия». При этом Совет настоял на непосредственном соглашении между Великобританией и Турцией по экономическим вопросам [26, с. 510].

В конце концов конфликт был разрешен в результате заключения британо-ирако-турецкого трехстороннего договора в Анкаре 5 июня 1926 г., согласно которому Турция окончательно отказалась от притязаний на Мосульский вилайет признав «Брюссельскую линию» границей с Ираком. В обмен на свой отказ от территориальных претензий, Турция должна была получать 10% доходов Ирака от мосульской нефти с территории концессии ИПК площадью 76 тыс. кв миль в течение 25 лет [21, с. 10].

В 1922, 1926, 1927 и 1930 годах были заключены англо-иракские договоры, а 1932 г. мандатное управление Ираком было прекращено. С 1930 г. начинаются переговоры между королём Фейсалом и Великобританией по вопросу вступления Ирака в Лигу Наций. Для этого необходимо было получить согласие страны-мандатария. По договору 1930 г. Ирак гарантировал защиту интересов Великобритании в стране, а взамен получил это согласие. 3 октября 1932 г. страна стала членом Лиги Наций. Проблема Мосула на всём протяжении мандатного управления Ираком всегда была камнем преткновения в англо-турецко-иракских отношениях. Она остро и яростно обсуждалась на Парижской мирной конференции, Лозаннской конференции, на многих сессиях Совета Лиги Наций, была вынесена на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге. Лига Наций и Международный суд постановили признать Мосул частью Ирака, что нашло свое отражение в ирако-турецком договоре, заключенном в Анкаре 5 июня 1926 г. Тем не менее, события, происходящие в этом регионе в конце XX – XXI вв., свидетельствуют о том, что, к сожалению, Турция и страны Запада не отказалась в отношении Мосула от своих планов времен мандата.

Список использованных источников и литературы

1. Rappoport A. History of Palestine. — N.-Y.: Dutton, 1931. — 368 p.
2. League of Nations. The Mandate System. Origin-Principles-Application. — Geneva: Series of League of Nations Publications, April 1945. — 120 p.
3. Great Britain and Palestine. 1919 – 1945. Information Papers №20. — L., N.-Y.: Royal Institute Affairs, 1946; L.: Chatham House, 1946. — 177 p.
4. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series. Vol. 140 (No. 38–45) April 1921. — L.: His Majesty's Stationery Office, 1921.
5. Павлович М. П. Восток в борьбе за независимость. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1980. — 264 с.
Pavlovich M. P. Vostok v borbe za nezavisimost. — M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literaturi, 1980. — 264 s.
6. Шумов С. А., Андреев А. Р. Ирак: история, народ, культура: Документальное историческое исследование. — М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. — 232 с.
Shumov S. A., Andreev A. R. Irak: istoriya, narod, kultura: Dokumentalnoe istoricheskoe issledovanie. — M.: Monolit-Evrolintz-Traditsiya, 2002. — 232 s
7. Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата. — М.: Наука, 1969. — 289 с.
Menteshashvili A. M. Irak v godi angliiskogo mandata. — M.: Nauka, 1969. — 289 s.
8. Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 240 с.
Tihonova E. V. Ttnokonfessionalnie obshchiny Iraka v godi britanskogo mandata. — M.: Izdatelstvo LKI, 2007. — 240 s.

9. История Востока: Восток в новейшее время: 1914 – 1945 гг. / отв. ред. Р. Г. Ланда; Институт востоковедения РАН – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 5 – 717 с.
- Istoriya Vostoka: Vostok v noveishee vremya: 1914 – 1945 gg. / отв. red. R. G. Landa: Institut vostokovedeniya RAN. – М.: Vost. lit., 2006. – Т. 5 – 717 s.
10. Le Conflict du Moyen-Orient. Notes et Documents (1915–1967). – Bruxelles: Association International des Juristes Democratiques. – 142 p.
11. Макаров Р. В. Политика Великобритании в Ираке в период мандата Лиги Наций (1920 – 1932 гг.): дис. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2013. – 240 с.
- Makarov R. V. Politika Velikobritanii v Irake v period mandata Ligi Natzii (1920–1932 gg.): dis. ...kand. ist. nauk: spetz. 07.00.02 – Simferopol: Tavricheskii natsionalnii universitet im. V. I. Vernadskogo, 2013. – 240 s.
12. Palestine Royal Commission. Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July, 1937. – L.: His Majesty's Stationary Office, 1937. – 404 p.
13. Истоки и история проблемы Палестины. Часть I. 1917 – 1947. – Нью-Йорк: ООН, 1978. – 116 с.
- Istoki i istoriya problem Palestini. Chast I. 1917 – 1947. – Nu-York: OON, 1978. – 116 s.
14. Kedourie E. In the Anglo-Arab Labirinth. The Mc. Mahon-Hussayn Correspondence and its Interpretations 1914 – 1939. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. – 330 p.
15. Tibawi A. L. Anglo-Arab Relations and the Question of Palestine 1914 – 1921. – L.: Lucas, 1977. – 523 p.
16. Antonius G. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. – L.: Hamish Hamilton, 1945. – 470 p.
17. Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины (1897–2009 гг.) / Под ред. Щевелева С. С. – Симферополь – Киев: Издательство ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
- Batenko A. V., Bliznyakov R. A., Malishev D. A., Shchevelev S. S. Istoriya Palestini (1897–2009 gg.) / Pod. red. Shcheveleva S. S. – Simferopol – Kiev: Izdatelstvo DOLYA, 2011. – 512 s.
18. Щевелев С. С. Палестина под мандатом Великобритании (1920–1948 гг.). – Симферополь: Таврия – Плюс, 1999. – 400 с.
- Shchevelev S. S. Palestina pod mandatom Velikobritanii (1920 – 1948gg.) – Simferopol: Tavriya - Plyus, 1999. – 400 s.
19. Report of His Britannic Majesty's Government on the Administration of Iraq for the period April, 1923 – December, 1924. – L.: His Majesty's Stationary Office, 1925. – 224 p.
20. Сапронова М. А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака). – М. – Институт Ближнего Востока, 2006. – 196 с.
- Sapronova M. A. Irakskaya konstitutziya v proshlom i nastoyashem (Iz istorii konstitutzionnogo razvitiya Iraka). – М. – Institut Blizhnego Vostoka, 2006. – 196 s.
21. Валиахметова Г. Н. Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке (1932 – 1941 гг.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 444 с.
- Valiahmetova G. N. Irakskaya neft v politike velikih derzhav na Blizhnem Vostoke (1932 – 1941 gg.) – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. – 444 s.
22. Foster H. A. The Making of the Modern Iraq. – L.: Williams and Norgate, 1936. – 270 p.
23. Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. – М.: Соцэкиз, 1936. – Т. 2. – 424 с.
- Puankare R. Na sluzhbe Frantzii. Vospominaniya za devyat let. – М.: Sotzekgiz, 1936. – Т. 2. – 424 s.
24. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923 гг. – Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 499 с.
- Fomin A. M. Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantziya v borbe za «Osmanskoe nasledstvo». 1918–1923 gg. – Ruskii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauki. – М.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010. – 499 s.

25. Mears E. G. *Modern Turkey. A Politico-economic Interpretation. 1908 – 1923.* – N.-Y., 1924. – 604 p.
26. *Documents on British Foreign Policy 1919 – 1939.* Ed. E. L. Woodward and Cohan Butler. – Vol. XVIII. – No. 368. – L. – 920 p.
27. Кинросс А. Расцвет и упадок Османской империи. – М.: Крон-пресс, 1999. – 695 с.
- Кинросс А. *Rastzvet i upadok Osmanskoj imperii.* – М.: Kron-press, 1999. – 695 s.
28. Дическул В. М. Великобритания и Мосульский вопрос (1923–1926 гг) // *Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время: Межвузовский сборник научных трудов.* – М.: Московский педагогический институт им. В. И. Ленина, 1988. – 165 с.
- Dicheskul V. M. *Velikobritaniya i Mosulskii vopros (1923–1926 gg)* // *Vneshnaya politika Velikobritanii v novoe i noveishee vremya: Mezhvuzovskii sbornik nauchnih trudov.* – М.: Moskovskii pedagogicheskii institut im. V. I. Lenina, 1988. – 165 s.
29. Брендон П. *Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997.* – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 957 с.
- Brendon P. *Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781 – 1997.* – М.: AST: AST MOSKVA, 2010. – 957 s.

Shchevelev S. S., The Mosul problem during the British Mandate The Mosul problem is a territorial dispute between Great Britain, as a mandate country, and Turkey over the ownership of the Mosul Vilayet, which lasted from the Armistice of Mudros to 1926. The main purpose of the article is to analyze this conflict during the period of the mandate administration of Great Britain in accordance with the decisions of the League of Nations (1920–1926). During this period, the Iraqi government was under the control of the British High Commissioner. Britain's control over Iraqi foreign policy and territorial integrity under the League of Nations mandate was virtually unlimited.

Based on the documents of the League of Nations, the British Parliament, the mandate administrations of Iraq and Palestine, the works of domestic and foreign orientologists, the article examines the causes of the conflict around Mosul, its prehistory, the plans of Great Britain and France to divide the Arab territories of the Ottoman Empire. The author analyzes the Mosul issue not only at the Paris and Lausanne conferences, sessions of the Council of the League of Nations, but also draws parallels between the Mosul question and the events in Iraq at the turn of the XX - XXI centuries.

Keywords: Iraq, Great Britain, League of Nations, Faisal, mandate, uprising, Sunnis, Shiites, oil.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Гехт
Антон
Борисович** кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Ислямова
Виктория
Александровна** кандидат исторических наук, сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Курочкин
Сергей
Сергеевич** аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Николаев
Евгений
Анатольевич** соискатель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Российская Федерация).
- Ткаченко
Сергей
Николаевич** кандидат исторических наук, преподаватель Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула, Российская Федерация)
- Щевелев
Сергей
Стефанович** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Гехт А. Б.	
Маркус Валленберг-старший: карьера и жизненный путь шведского финансиста.....	3
Ислямова В. А.	
«Одному из виднейших работников нашего института»: заведующий кафедрой физики Николай Агафонович Лебедев (1911–1965).	15
Курочкин С. С.	
Планы российского командования по обороне побережья Балтийского моря осенью 1854 г. по документам «Комитета по обороне балтийского побережья».....	95
Николаев В. В.	
Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» как феномен развития массовой физической культуры и спорта в СССР ..	107
Ткаченко С. Н.	
Военный историк Е. Г. Веракса и его взгляды на применение стратегической авиации во Второй мировой войне	121
Щевелев С. С.	
Проблема Мосула периода британского мандата	135
Сведения об авторах	145